
REFLEXIO

Научный психологический журнал

Основан в 2007 году

2024. Том 17, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретическая психология

Дисснер Р. Благополучие, нравственная красота и самотрансцендентные эмоции 5

Шадрин Н. С. Уровни и интегративные формы смысловых образований в контексте развития человека 15

Шабалин А. П. Личностные и безличные моральные дилеммы: объяснительные модели и критерии разграничения 41

Психологические исследования

Бауттиста-Банос А., Первушина О. Н., Коваль Е. М. Психологические трансформации, основанные на идеалах и представлениях о себе, выраженные в «юмористически формирующей» графической литературе 62

Лякина Я. С., Гололобова П. В. Почему аниме? Исследование содержательных аспектов интереса к японской анимации у молодежи (анализ на женской выборке) 77

Злобина М. В. Моральная конформность и когнитивная рефлексия 109

В свободной форме

Близнюк М. В. Камю, Фрейд, абсурд и юмор 125

Проба пера

Печерина Л. В. Человек и неопределенность в ходе истории 132

Информация для авторов 150

REFLEXIO

Scientific Journal

Founded in 2007

2024. Volume 17, issue 1

Contents

Theoretical Psychology

<i>Diessner R.</i> Well-Being, Moral Beauty, and Self-Transcendent Emotions	5
<i>Shadrin N. S.</i> Levels and Integrative forms of the Meaning Formations in the Context of Human Development	15
<i>Shabalin A. P.</i> Personal and Impersonal Moral Dilemmas: Explanatory Models and Distinction Criteria	41

Psychological Research

<i>Bautista-Banos A., Pervushina O. N., Kobal E. M.</i> Psychological Transformations based on Ideals and Representations of the Self, Expressed in “Humorous-Formative” Graphic Literature	62
<i>Lyakina Y. S., Gololobova P. V.</i> Why anime? A Study of the Content Aspects of Interest in Japanese Animation among Youth (Analysis on a Female Sample)	77
<i>Zlobina M. V.</i> Moral Conformity and Cognitive Reflection	109

In Free Form

<i>Bliznyuk M. V.</i> Camus, Freud, Absurdity, and Humor	125
--	-----

First Steps

<i>Pecherina L. V.</i> Human and Uncertainty in the Course of History	132
---	-----

Instructions for Authors	150
---------------------------------	-----

Научная статья

УДК 159.9

DOI 10.25205/2658-4506-2024-17-1-5-14

Благополучие, нравственная красота и самотрансцендентные эмоции

Ретт Дисснер

Lewis-Clark State College
Льюистон, Соединенные Штаты Америки
Bahá'í Institute of Higher Education
Тегеран, Иран

diessner@lcsc.edu, <https://orcid.org/0000-0003-2186-6308>

Аннотация

Данная статья посвящена анализу глубокой связи между красотой и самотрансцендентными эмоциями (СТЭ), такими как возвышение, благоговение, сострадание, благодарность, скромность и духовность. Предполагается, что красота, особенно нравственная красота, является основным источником этих эмоций, способствуя как индивидуальному, так и коллективному благополучию через просоциальное и альтруистическое поведение. В статье рассматривается, как нравственная красота наряду с природной и художественной красотой активирует схожие нейронные процессы, в частности в медиальной префронтальной коре, и имеет сильную корреляцию с СТЭ. Особое внимание уделяется возвышению как ключевой СТЭ, вызываемой нравственной красотой, которая побуждает к самосовершенствованию и служению другим, в то время как благоговение, часто вызываемое масштабными стимулами, также возникает при наблюдении нравственных поступков, способствуя просоциальности. Сострадание, благодарность и скромность также связаны с красотой, причем нравственная красота играет центральную роль в их возникновении, усиливая благополучие сообщества. Статья также устанавливает связь между красотой и духовностью, предполагая, что духовная трансцендентность пересекается с восприятием нравственной и природной красоты, что может усиливаться благодаря вдохновляющей архитектуре, вызывающей благоговение. Результаты подчеркивают роль красоты, особенно нравственной, как катализатора СТЭ, которые способствуют доброте и процветанию человека. Статья призывает к дальнейшим эмпирическим исследованиям духовно-трансформирующего потенциала красоты, особенно через нравственные образцы и сакральную архитектуру.

© Дисснер Р., 2024

Ключевые слова

красота, нравственная красота, самотрансцендентные эмоции, возвышение, благоговение, духовность, благополучие, просоциальное поведение

Для цитирования

Диесснер Р. Благополучие, нравственная красота и самотрансцендентные эмоции // Reflexio. 2024. Т. 17, № 1. С. 5–14. DOI 10.25205/2658-4506-2024-17-1-5-14

Well-Being, Moral Beauty, and Self-Transcendent Emotions

Rhett Diessner

Lewis-Clark State College, Lewiston,
United States of America

Bahá'í Institute of Higher Education,
Tehran, Iran

diessner@lcsc.edu, <https://orcid.org/0000-0003-2186-6308>

Abstract

This paper explores the profound relationship between beauty and self-transcendent emotions (STEs), such as elevation, awe, compassion, gratitude, humility, and spirituality. It posits that beauty, particularly moral beauty, serves as a primary elicitor of these emotions, fostering both individual and collective well-being through prosocial and altruistic behaviors. The study examines how moral beauty, alongside natural and artistic beauty, activates similar neural processes, notably in the medial prefrontal cortex, and correlates strongly with STEs. Elevation is highlighted as a key STE triggered by moral beauty, inspiring a desire to improve oneself and serve others, while awe, often elicited by vast stimuli, also arises from moral acts, promoting prosociality. Compassion, gratitude, and humility are similarly linked to beauty, with moral beauty playing a central role in their arousal, enhancing community well-being. The paper also connects beauty with spirituality, suggesting that spiritual transcendence overlaps with moral and natural beauty appreciation, potentially amplified by awe-inspiring monumental architecture. The findings underscore the role of beauty, especially moral beauty, as a catalyst for STEs, which drive kindness and human flourishing. The paper calls for further empirical research into the spiritually transformative potential of beauty, particularly through moral exemplars and sacred architecture.

Keywords

Beauty, Moral beauty, Self-transcendent emotions, Elevation, Awe, Spirituality, Well-being, Prosocial Behavior

For citation

Diessner R. Well-Being, Moral Beauty, and Self-Transcendent Emotions. *Reflexio*, 2024, vol. 17, no. 1, pp. 5–14. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2024-17-1-5-14

Красота по-особому связана с самотрансцендентными эмоциями (СТЭ). В некотором смысле красота – их мать. Она их порождает; нравственная красота, природная красота, а иногда и художественная красота могут быть движущими стимулами большинства (или даже всех?) СТЭ. Как будет опи-

сано ниже, представляется вероятным, что наблюдение за нравственно прекрасными поступками может вызывать благоговейный трепет, сострадание, смирение, благодарность и чувство возвышения. Точно так же эти пять прототипических состояний могут быть вызваны природной и художественной (через архитектуру, музыку, театр, кино и т. д.) красотой.

Хотя большая часть исследований по оценке и пониманию красоты была сосредоточена на искусстве и в некоторой степени на природе, за последние два десятилетия значительно увеличилось количество исследований нравственной красоты [Haidt & Keltner, 2004; Pohling & Diessner, 2016; Thompson & Siegel, 2016]. Хотя многим нравственная красота может показаться совершенно отличной от естественной или художественной, они во многом совпадают в том, где и как они обрабатываются в сознании. Например, суждения об эстетической красоте картин и моральные суждения относительно действий на тех же картинах имеют общую активацию в медиальной префронтальной коре [Heinzelmann et al., 2020].

Если одним из источников благополучия является бескорыстие [Murdoch, 1970; Zhang, Piff, et al., 2014], то переживание самотрансцендентных эмоций, таких как возвышение, благоговейный трепет, сострадание, благодарность, смирение, может быть очень важным для процветания человека (ср. [Keltner & Haidt, 2003; Haidt & Keltner, 2004]). Когда мы рассматриваем благополучие в широком смысле, включая его общественный контекст, а не только индивидуальный, становится очевидно, что самотрансцендентные эмоции (STE) способствуют благополучию других людей и всего сообщества за счет усиления просоциальных и альтруистических тенденций, которые они порождают [Pizarro et al., 2021; Stellar et al., 2017]. По всей видимости, большинство (если не все) самотрансцендентных эмоций могут быть вызваны совершением нравственно возвышенных поступков.

Возвышение (или духовный подъем) – это самотрансцендентная эмоция, которую вызывает нравственная красота [Haidt, 2003], хотя есть и некоторые свидетельства того, что возвышение также может быть вызвано созерцанием природной красотой [Diessner, et al., 2022]. Возвышение определяется как эмоция, которая создает желание стать лучше и вызывает склонность к действию, направленному на служение другим, и то и другое является признаком эвдемонического благополучия. Чувство благоговения, которое обычно вызывается значительными и мощными стимулами, к которым трудно приспособиться [Piff et al., 2015], также возникает при наблюдении за поступками, обладающими нравственной красотой [Pohling & Diessner, 2016]. Такое переживание благоговения может затем привести к большему благополучию человека, испытывающего благоговейный трепет, но также и к большему благополучию сообщества из-за вызывающего благоговейный трепет просоциального поведения [Pizarro et al., 2021; Stellar et al., 2017].

Представляется вероятным, что большинство СТЭ можно вызвать, вовлекаясь во взаимодействие с нравственной красотой. Сострадание и любовь

практически синонимичны, а любовь ко всему человечеству [Campos et al., 2002] имеет сильную корреляцию с увлечением нравственной красотой, увлечением естественной красотой и почти столь же сильную корреляцию с увлечением художественной красотой [Diessner et al., 2013]. Сострадание, как путь к единению с природой [Lumber et al., 2017], имеет более высокую корреляцию с пониманием и оценкой красоты, чем 23 других сильных стороны характера [Lumber et al., 2023]. Наблюдение за нравственным примером, демонстрирующим силу сострадания, может привести к усилению проявления сострадания со стороны наблюдателя и привести к большему благополучию сообщества, особенно среди его уязвимых или страдающих представителей [Goetz et al., 2010; Stellar et al., 2017]. В ходе исследования, посвященного осмысленным развлечениям, участникам были показаны фильмы с персонажами, демонстрирующими нравственную красоту. Было обнаружено, что нравственная красота (такая, как возвышение) опосредовала пробуждение сострадания как к близким людям, так и ко всему человечеству после просмотра фильмов [Janicke & Oliver, 2017].

Наблюдение за действиями, обладающими нравственной красотой и направленными на самого себя (или, возможно, на сообщество, к которому человек испытывает симпатию или с которым идентифицирует себя), может вызывать чувство благодарности, а благодарность, как хорошо известно, вызывает счастье и субъективное благополучие [Watkins et al., 2003; Watkins & Scheibe, 2018]. Несколько исследований показали умеренную или большую корреляцию между благодарностью как чертой характера и восприимчивостью к нравственной красоте [Diessner et al., 2008; Diessner et al., 2013; Pohling et al., 2018]. Хотя ни в одном опубликованном исследовании прямо не упоминается, что нравственная красота вызывает благодарность, существует множество исследований, которые описывают нравственные поступки, представляющие нравственную красоту, как факторы, вызывающие благодарность у того, кто получает пользу от добродетельных действий других.

Смирение или скромность является важным просоциальным качеством, и, как и большинство качеств, оно также может быть представлено как черта, сильная сторона характера или добродетель. Смирение имеет критически важное значение для благополучия сообществ, поскольку оно уменьшает нарциссизм, ущемление прав других и высокомерие [Tangney, 2000], а также повышает признание самооценности других людей и ценности их действий, усиливает сопереживание и готовность жертвовать ради других, а также прощение других [Stellar et al., 2018]. Благоговейный трепет может быть основной причиной смирения, скорее всего, из-за того, что трепет приводит к возникновению чувства «маленького Я»; было показано, что самоуничижение опосредует отношения между смирением и благоговением [Stellar et al., 2018]. Хотя прямых исследований связи смирения и красоты (которые, безусловно, необходимы) не проводилось, кажется весьма вероятным, что смирение может быть усилено благодаря воздействию нравственной красоты – наблюдение

за нравственным примером в действии может вызывать у людей чувство глубокого смирения. Наблюдение за величественной природной красотой может вызвать благоговейный трепет, и, вероятно, также вызывает смирение. Великая художественная красота (например, симфонии, архитектура, «Афинская школа» Рафаэля и т. д.) также может вызывать благоговейный трепет и смирение.

В итоге, самотрансцендентные эмоции являются основными причинами индивидуального и коллективного благополучия; и похоже, что стимулы, связанные с нравственной красотой, могут вызывать многие, если не все, СТЭ. И вполне возможно, что красота величественных сцен природы или искусства также обусловлена многими факторами (благоговейный трепет, экзистенциальная благодарность, смирение и т. д.).

Красота и духовность

Духовность может быть сформулирована во многом как СТЭ: это может быть эмоция, состояние, черта характера, сила характера, ценность, принцип или добродетель. На самом деле, возможно, духовность является прототипической СТЭ, если духовность определять как опыт выхода за пределы материального мира (то есть ставить добродетель и других людей выше вещей, собственности и материальных желаний). Вероятно, существует значительное пересечение между тем, что люди считают «нравственным» и «духовным» – оба понятия могут относиться к «хорошим людям», которые стремятся служить другим и всему человечеству. Фактически, более 38 % россиян, как показало недавнее исследование [Федоров и др., 2024], ассоциировали духовность и душу с концепцией «внутренней красоты». Было показано, что духовная трансцендентность [Cloninger et al., 1994] имеет большую положительную корреляцию с такой чертой, как склонность ценить красоту [Martínez-Martí et al., 2016]. В других исследованиях духовная трансцендентность [Piedmont, 1991] была умеренно сильно и положительно связана как с восприимчивостью к естественной красоте, так и с восприимчивостью к нравственной красоте, и также фиксировалась небольшая корреляция с восприимчивостью к художественной красоте [Diessner et al., 2008]. Духовность как ценность [Schwartz, 1992] имеет тот же самый паттерн корреляций с естественной, художественной и нравственной красотой [Diessner et al., 2013].

Недавние корреляционные исследования также демонстрируют связь между духовностью и красотой. В двух исследованиях, проведенных в Польше, было обнаружено, что восприимчивость к красоте коррелировала 0,67 ($N = 203$) с комплексным показателем духовности, и имела $r = 0,61$ ($N = 205$) во втором исследовании [Świątek et al., 2024]. Крупномасштабное исследование ($N = 14\,647$), в котором приняли участие представители более 100 стран, показало, что такие сильные стороны характера, как духовность и понимание красоты, имеют связь $r = 0,35$ [Diessner & Niemiec, 2023].

Как подчеркивают Келтнер и Хайдт [Keltner and Haidt, 2003], благоговение является – или может являться – духовной эмоцией. Они отмечают, что благоговение бывает нескольких «оттенков», включая оттенок эстетической красоты и оттенок возвышения, проистекающий из нравственной красоты [Keltner and Haidt, 2003. Р. 304]. Коэн и соавт. [Cohen et al., 2010] обнаружили, что опыт переживания глубокой или совершенной красоты почти всегда воспринимается как положительный, но сравнительно кратковременный, в то время как их же исследование показало, что переживания духовной трансформации могут ощущаться как отрицательными, так и положительным, при этом обычно продолжительными. Следовательно, кажется разумным стремиться к духовно преобразующим переживаниям в контексте глубокой красоты, чтобы получить долговременный позитивный опыт. Можно ли спланировать и провести эмпирическое исследование, посвященное влиянию глубоко красивых духовно преобразующих переживаний? Мы надеемся, что да.

Недавняя работа подтвердила связь между благоговением как чертой характера, красотой и духовной трансцендентностью. Крупномасштабное исследование, проведенное среди студентов китайских колледжей, показало, что духовная самотрансцендентность опосредует связь между склонностью к благоговению (trait awe) и просоциальным поведением [Lin et al., 2020]. Другое недавнее исследование показало, что самооценка собственной добродетели/нравственной красоты значимо предсказывает (помимо уровней активности и общительности) уровни духовности, просоциальных тенденций и благополучия [Erickson et al., 2022].

Влияние самой нравственной красоты, через наблюдение за духовными примерами, похоже, не изучалось в эмпирической психологии. Насколько духовно преобразующее влияние Кришны, Будды, Моисея, Христа и Мухаммеда связано с их нравственной красотой как таковой? Этот вопрос остается открытым и заслуживает изучения. И каково влияние *красоты* духовно ориентированных зданий на процветание человека? Например, индуистский храм Арулмигу Минакши Сундаресварар в Индии, храм Лотоса Бахаи в Индии, буддийский храм Белой Ступы в Пекине, Большая синагога во Флоренции, собор и мечеть Святой Софии в Турции. Все они захватывают дух. Вдохновляет ли красота таких зданий людей на более высокие уровни духовности? на более высокие уровни просоциальности? на более высокие уровни эмоционального благополучия? Теоретические работы о благоговении и религиозной монументальной архитектуре позволяют предположить, что ответ на эти вопросы будет утвердительным [Joye & Verpooten, 2013]. Так, одно исследование показало, что монументальная архитектура, характеризующаяся физической грандиозностью, может вызывать благоговение [Joye & Dewitte, 2016]. Аналогичным образом, одно небольшое эмпирическое исследование, посвященное *интерьеру* зданий, выявило три стимула, предсказывающих чувство благоговения: искусное украшение, грандиозность и святость [Negami & Ellard, 2021]. В обоих исследованиях Joye и Dewitte (2016) и Negami и Ellard

(2021) было установлено, что чувство грандиозности/благоговения зависело от высоты либо самого здания, либо его внутренних потолков, а высота потолка, в свою очередь, влияет на восприятие красоты внутреннего пространства [Vartanian et al., 2015].

Заключение

Похоже, что соприкосновение с природной или художественной красотой может вести к самотрансцендентным эмоциям, которые, в свою очередь, способствуют просоциальному поведению. Но именно нравственная, или внутренняя, красота [Федоров и др., 2024] могут быть наибольшим источником самотрансцендентных эмоций – эмоций, которые мотивируют людей к доброте ко всем живым существам. Хотя существует множество самотрансцендентных эмоций, в данной статье рассмотрены исследования, демонстрирующие, что, по крайней мере, наблюдение нравственной (или внутренней) красоты вызывает такие духовные эмоции, как возвышение, благоговение, сострадание/любовь, благодарность, смирение и духовность.

Список литературы / References

Campos B., Keltner D., Gonzaga G. C. (2002, April). Different kinds of love: How love experiences differ across relationships. Poster presented at 2002 Western Psychological Association, Irvine, California.

Cloninger C. R., Przybeck T. R., Svrakic D. M., Wetzel R. D. (1994). *The Temperament and Character Inventory (TCI): A guide to its development and use*. Center for Psychobiology of Personality.

Cohen A. B., Gruber J., Keltner D. (2010). Comparing spiritual transformations and experiences of profound beauty. *Psychology of Religion and Spirituality*, 2(3), 127–135.

Diessner R., Iyer R., Smith M., Haidt J. (2013). Who engages with moral beauty? *Journal of Moral Education*, 42(2), 139–163. <http://dx.doi.org/10.1080/03057240.2013.785941>

Diessner R., Klebl C., Mowry G., Pohling R. (2022). Natural and moral beauty have indirect effects on proenvironmental behavior. *Ecopsychology*, 14(2), 71–82. <https://doi.org/10.1089/eco.2021.0038>

Diessner R., Niemiec R. (2023). Can beauty save the world? The character strength of appreciation of beauty predicts proenvironmental behavior better than 23 other character strengths. *Ecopsychology*, 15, 93–109. <https://doi.org/10.1089/eco.2022.0047>

Diessner R., Solom R. D., Frost N. K., Parsons L., Davidson J. (2008). Engagement with beauty: Appreciating natural, artistic, and moral beauty. *The Journal of Psychology*, 142(3), 303–332.

Erickson T. M., Kuusisto G. M. S., McGuire A. P., Tingey J. L., Crouch T. A., Stebbins O. L., Lewis J. A. (2022). Pure in heart: Perceived virtue states uniquely

predict prosocial processes, spirituality, and well-being. *Psychology of Religion and Spirituality*. Advance online publication. <http://dx.doi.org/10.1037/rel0000481>

Fedorov A. A., Diessner R., Nosova P. A. (2024). Inner beauty and moral beauty in Russia and America. Manuscript under review. (Preprint at <https://doi.org/0.13140/RG.2.2.23988.67201>)

Goetz J. L., Keltner D., Simon-Thomas E. (2010). Compassion: an evolutionary analysis and empirical review. *Psychol. Bull.* 136, 351–374. <https://doi.org/10.1037/a0018807>

Haidt J. (2003). Elevation and the positive psychology of emotion. In C. L. M. Keyes & J. Haidt (Eds.), *Flourishing: Positive psychology and the life well-lived* (pp. 275–289). American Psychological Association. <http://dx.doi.org/10.1037/10594-012>

Haidt J., Keltner D. (2004). Appreciation of beauty and excellence [Awe, wonder, elevation]. In C. Peterson & M. E. P. Seligman (Eds.), *Character strengths and virtues. A handbook of classification* (pp. 537–552). Oxford University Press & American Psychological Association.

Heinzelmann N. C., Weber S. C., Tobler P. N. (2020). Aesthetics and morality judgments share cortical neuroarchitecture. *Cortex*, 129, 484–495. <https://doi.org/10.1016/j.cortex.2020.04.018>

Janicke S. H., Oliver M. B. (2017). The relationship between elevation, connectedness, and compassionate love in meaningful films. *Psychology of Popular Media Culture*, 6(3), 274–289. <https://doi.org/10.1037/ppm0000105>

Joye Y., Dewitte S. (2016). Up speeds you down. Awe-evoking monumental buildings trigger behavioral and perceived freezing. *Journal of Environmental Psychology*, 47, 112–125. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2016.05.001>

Joye Y., Verpooten J. (2013). An exploration of the functions of religious monumental architecture from a Darwinian perspective. *Review of General Psychology*, 17(1), 53–68. <https://doi.org/10.1037/a0029920>

Kawabata H., Zeki S. (2004). Neural correlates of beauty. *Journal of Neurophysiology*, 91(4), 1699–1705.

Keltner D., Haidt J. (2003). Approaching awe, a moral, spiritual, and aesthetic emotion. *Cognition and Emotion*, 17(2), 297–314. <http://dx.doi.org/10.1080/026999303002297>

Lin R.-M., Hong Y.-J., Xiao H.-W., Lian R. (2020). Dispositional awe and prosocial tendency: The mediating roles of self-transcendent meaning in life and spiritual self-transcendence. *Social Behavior and Personality: An International Journal*, 48(12), e9665. <https://doi.org/10.2224/sbp.9665>

Lumber R., Passmore H. A., Niemiec R. (2023). *Character strengths and the pathways to nature connectedness*. Manuscript in preparation.

Lumber R., Richardson M., Sheffield D. (2017). Beyond knowing nature: contact, emotion, compassion, meaning, and beauty are pathways to nature connection. *PloS One*, 12 (5), e0177186. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0177186>.

Martínez-Martí M. L., Hernández-Lloreda M. J., Avia M. D. (2016). Appreciation of beauty and excellence: Relationship with personality, prosociality and well-being. *Journal of Happiness Studies*, 17, 2613–2634. <http://dx.doi.org/10.1007/s10902-015-9709-6>

Murdoch I. (1970). *The sovereignty of good*. ARK/Routledge & Kegan Paul.

Negami H. R., Ellard C. G. (2021). How architecture evokes awe: Predicting awe through architectural features of building interiors. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1037/aca0000394>

Piedmont R. L. (1999). Does spirituality represent the sixth factor of personality? Spiritual transcendence and the Five-Factor Model. *Journal of Personality*, 67, 985–1013. <http://dx.doi.org/10.1111/1467-6494.00080>

Piff P. K., Dietze P., Feinberg M., Stancato D. M., Keltner D. (2015). Awe, the small self, and prosocial behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 108, 883–899. <https://doi.org/10.1037/pspi0000018>

Pizarro J. J., Basabe N., Fernández I., Carrera P., Apodaca P., Man Gíng C. I., Cusi O., Páez D. (2021). Self-transcendent emotions and their social effects: Awe, elevation and kama muta promote a human identification and motivations to help others. *Frontiers in Psychology*, 12, 709859. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.709859>

Pohling R., Diessner R. (2016). Moral elevation and moral beauty: A review of the empirical literature. *Review of General Psychology*, 20(4), 412–425. <http://dx.doi.org/10.1037/gpr0000089>

Schwartz S. H. (1992). Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in Experimental Social Psychology*, 25, 1–65. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60281-6](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60281-6)

Stellar J. E., Gordon A., Anderson C. L., Piff P. K., McNeil G. D., Keltner D. (2018). Awe and humility. *Journal of Personality and Social Psychology*, 114(2), 258–269. <https://doi.org/10.1037/pspi0000109>

Stellar J. E., Gordon A. M., Piff P. K., Cordaro D., Anderson C. L., Bai Y., Maruskin L. A., Keltner D. (2017). Self-transcendent emotions and their social functions: Compassion, gratitude, and awe bind us to others through prosociality. *Emotion Review*, 9(3), 200–207. <https://doi.org/10.1177/1754073916684557>

Świątek A. H., Szcześniak M., Diessner R. (2024). Appreciation of beauty and spirituality mutually influence flourishing and initiative to change. In preparation.

Tangney J. P. (2000). Humility: Theoretical perspectives, empirical findings and directions for future research. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 19, 70–82. <http://dx.doi.org/10.1521/jscp.2000.19.1.70>

Thomson A. L., Siegel J. T. (2016). Elevation: A review of scholarship on a moral and other-praising emotion. *The Journal of Positive Psychology*, 12(6), 628–638. <https://doi.org/10.1080/17439760.2016.1269184>

Vartanian O., Navarrete G., Chatterjee A., Fich L. B., Gonzalez-Mora J. L., Leder H., Modroño C., Nadal M., Rostrup N., Skov M. (2015). Architectural design

and the brain: Effects of ceiling height and perceived enclosure on beauty judgments and approach-avoidance decisions. *Journal of Environmental Psychology*, 41, 10–18. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2014.11.006>

Watkins P. C., Scheibe D. (2018). Gratitude. In J. E. Maddux (Ed.). *Subjective well-being and life satisfaction* (pp. 210–229). Routledge.

Watkins P. C., Woodward K., Stone T., Kolts R. L. (2003). Gratitude and happiness: Development of a measure of gratitude and relationships with subjective well-being. *Social Behavior and Personality: An International Journal*, 31(5), 431–452. <https://doi.org/10.2224/sbp.2003.31.5.431>

Zhang J. W., Piff P. K., Iyer R., Koleva S., & Keltner D. (2014). An occasion for unselfing: Beautiful nature leads to prosociality. *Journal of Environmental Psychology*, 37, 61–72. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2013.11.008>

Сведения об авторе

Ретт Дисснер, доктор философии (PhD) в области человеческого развития, заслуженный профессор факультета психологии, отделения социальных наук Колледжа Льюиса-Кларка (Льюистон, США); адъюнкт-профессор психологии Института высшего образования Бахаи (Тегеран, Иран)
Scopus Author ID 6603358439

Information about the Author

Rhett Diessner, PhD in Human Development, Professor Emeritus, Psychology Department, Social Sciences Division, Lewis-Clark State College (Lewiston, United States); Adjunct Professor of Psychology, Bahá'í Institute of Higher Education (Tehran, Iran)
Scopus Author ID 6603358439

Материал поступил в редколлегию 19.08.2024

The article was submitted 19.08.2024

Научная статья

УДК 159.923.2

DOI 10.25205/2658-4506-2024-17-1-15-40

Уровни и интегративные формы смысловых образований в контексте развития человека

Николай Семенович Шадрин

Павлодарский педагогический университет

Павлодар, Казахстан

nn_shadrin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3088-759X>

Аннотация

Концепции смысловых образований сейчас несколько разноречивы и фрагментарны, что затрудняет целенаправленную работу с ними в ходе психологической коррекции и воспитания. Пока очень слабо прояснены смыслы субъекта деятельности, а также природные предпосылки смыслов индивида. Целью исследования был поиск новых методологических оснований для создания единой, целостной и многоуровневой теоретической модели смысловых образований, с акцентом на их эмоциональных аспектах. Теоретический метод восхождения от абстрактного к конкретному в его модернизированной гегелевской версии нацелен на анализ становления *сущностных свойств* любого развивающегося формообразования. Смыслы, как и многие психологические феномены, *человечны* (ибо нет «бесчеловечных» смыслов), выступают проявлением *сущностного* начала человека. С этой точки зрения указанный метод «восхождения» продуктивен для создания многоуровневой модели форм смысловых образований.

В целом в работе показана возможность «привязки» форм смыслов к четырем уровням онтогенеза: индивид, субъект деятельности, личность и интегративная индивидуальность. Выявлены предпосылки смыслов индивида (доминанта), конкретизированы операционально-целевые смыслы уровня субъекта деятельности, раскрыты черты понимания личностного смысла в экзистенциальной и гуманистической трактовке. В ключевых подходах культурно-исторической психологии введено понятие «конвенционально-нормативных личностных смыслов». Прослежены связи смыслов с эмоциональными аспектами. Результаты работы применимы для построения единой теории смыслов, а также в практике их воспитания и коррекции. Генезис интегративной индивидуальности при «восхождении» позволяет понять особенности ее смысложизненных переживаний, акцентированная связь которых с некоторыми эмоциональными аспектами значима для работы школьного психолога.

© Шадрин Н. С., 2024

Ключевые слова

смысл, теоретический метод «восхождения», индивид, субъект деятельности, личность, поступок, интегративная индивидуальность, смысл жизни, депрессия

Для цитирования

Шадрин Н. С. Уровни и интегративные формы смысловых образований в контексте развития человека // *Reflexio*. 2024. Т. 17, № 1. С. 15–40. DOI 10.25205/2658-4506-2024-17-1-15-40

Levels and Integrative forms of the Meaning Formations in the Context of Human Development

Nikolay S. Shadrin

Pavlodar Pedagogical University,
Pavlodar, Republic of Kazakhstan

nn_shadrin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3088-759X>

Abstract

Concepts of sense formations are now somewhat controversial and fragmentary, which complicates purposeful work with them in the course of psychological correction and education. The meanings of the subject of activity, as well as the natural prerequisites of the individual's meanings, are still very poorly clarified. The aim of the research was to find for new methodological bases for the creation of a holistic and multilevel theoretical model of meaning formations, with an emphasis on their emotional aspects. Theoretical method of ascent from the abstract to the concrete in its modernized Hegelian version is aimed at analyzing the formation of essential properties of any developing formation in the course of its real development. Meanings, like many psychological phenomena, are *human* (for there are no “inhuman” meanings), manifesting the *essential* nature of man. From this point of view, the above method of “ascent” is productive for creating a multilevel model of forms of meaning formations. In general, the work shows the possibility of “linking” the forms of meanings to four levels of ontogenesis: an individual, subject of activity, personality and integrative individuality. The prerequisites of the individual's meanings (dominant) are revealed, the operational-target meanings of the level of the subject of activity are specified, the features of understanding of personal meaning in existential and humanistic interpretation are revealed. In the key of approaches of cultural-historical psychology the concept of “conventional-normative personal meanings” is introduced. Connections of meanings with emotional aspects are traced. The results of the work are applicable to the construction of a unified theory of meanings, as well as in the practice of their education and correction. The genesis of integrative individuality at “ascent” allows to understand the peculiarities of its meaning-life experiences, the emphasized connection of which with some emotional aspects is significant for the work of a school psychologist.

Keywords

Meaning, theoretical method of “ascent”, individual, subject of activity, personality, deed, integrative individuality, meaning of life, depression

For citation

Shadrin N. S. Levels and integrative forms of the meaning formations in the context of human development. *Reflexio*, 2024, vol. 17, no. 1, pp. 15–40. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2024-17-1-15-40

Введение

Феномен смысловых образований очень сложен, предполагая внутреннюю интенцию субъекта, некий «замысел» и одновременно учет им собственных возможностей и ресурсов, которые придают ему осуществимость и «смысл». История проблематики смысла, как считается, началась с Г. Фреге, различавшего значение и смысл [Леонтьев, 2003]; на данный момент она отличается разнородностью и значительной несопряженностью подходов.

В. Дильтей, Э. Шпрангер говорили о «смысле переживаний» в связи с типами ценностной ориентации жизни человеческой индивидуальности [Дильтей, 2003].

Сартр, строя свою личностно-ориентированную онтологию, ставил вопрос о «смысле бытия» для человека, реализующемся в ценностях и ценностных актах, «вносимых» в мир подлинной личностью [Sartre, 1943]. Франкл же говорил о смысле жизни (бытия) *самой личности*, основанном не только на переживании ценностей, но и страдании, подвиге и т. д. Со строго психологических позиций он раскрыл и типологию ценностей [Франкл, 1990].

А. Н. Леонтьев развил понимание единства смысла и значения с позиций культурно-исторической психологии. Выделяя мотивы-смыслы, он ввел концепт личностного смысла деятельности, обосновал понимание эмоций как индикатора смысла, подчеркнув весомую роль личностных смыслов в воспитании [Леонтьев, 1977].

Амплификацию культурно-деятельностного подхода начали Б. С. Братусь с его методологически ценной идеей смысла как «отношения меньшего к большему» [Братусь, 1983] и О. К. Тихомиров, охарактеризовавший целевые и операциональные смыслы, в основном, на материале мыслительной деятельности шахматиста [Тихомиров, 2007]. С. М. Джакупов обосновал идею коммуникативной основы «общего фонда смысловых образований» (ОФСО) группы и его последующей интериоризации членами группы [Джакупов, 2004].

В. П. Зинченко раскрыл структуру «сознания для сознания», включающую значения и смыслы, вычленил его *духовный* уровень. Одна из его статей посвящена соотношению понятий индивида, субъекта и личности и заложила хорошую основу понимания иерархической системы смыслов [Зинченко, 2016].

Д. А. Леонтьев, как и Франкл, считал ценности личности основой высших смыслов, трактуя их как генерализованные мотивы-смыслы и увязывая с духовным опытом социальных групп и механизмами его интериоризации. Отчасти продуктивна и его концепция «пунктирного человека» [Леонтьев, 2003; 2010].

Целью исследования было выстраивание на базе единой теоретической методологии многоуровневой модели смыслов в аспекте нарастания сущностно-человеческого начала в онтогенезе, включая не только личностные смыслы, но и смыслы субъекта деятельности, их предпосылки у индивида, а также

смысловые образования интегративной индивидуальности, с акцентом на их эмоциональных аспектах.

Метод

Требования к публикациям включают описание метода, отличающегося от общепринятых. В науке можно выделить эмпирические методы, методы обзора (включая обзоры значимых фрагментов концепций и эмпирических данных), феноменологические, «умозрительные» (В. Н. Дружинин) и, наконец, *теоретические методы*, продуктивные для продуцирования и выстраивания теорий и моделей. Отношение ученых к последним пока «настороженное» (В. А. Мазиллов), они недооцениваются и в практике работы части журналов. В. Н. Дружинин включает в их число «дедуктивный (аксиоматический и гипотетико-дедуктивный), иначе – восхождение от общего к частному, от абстрактного к конкретному. Результат – теория, закон» [Дружинин, 2008. С. 37, 38].

Избранный нами *теоретический метод восхождения от абстрактного к конкретному* – это, в пределе, метод выстраивания и «сборки» всего здания теории. В своих модификациях он применим в науках о развивающихся объектах (биология, социальные науки, психология и т. д.).

Здесь мысль движется «от менее содержательного к более содержательному» и видна «постоянная открытость теории к эмпирическим данным» [Философский... С. 93], а также к классическим, надежно верифицированным концептуальным разработкам, хотя это лишь аспекты метода.

В «Капитале» Маркса теоретический метод назван «диалектическим», в “Grundrisse” (наброски к «Капиталу») «методом восхождения от абстрактного к конкретному» (в оригинале “die Methode vom Abstrakten zum Konkreten aufzusteigen”, что высвечивает *задачу* восхождения), отсюда термин. Четкую экспликацию метода он видит в логике Гегеля (особенно в *учении о сущности*), где отчасти усматривает «процесс возникновения самого конкретного» в мышлении (видимо, уже в учении о понятии) [Marx, 1953. S. 22]. Он отмечает сформированность категорий науки до теоретического анализа, *содержательное* обогащение абстрактных определений процесса при «восхождении» – все это *штрихи* метода.

У Гегеля и в «Капитале» Маркса часты выражения типа «это сюда еще не относится»: анализ привязан к *уровням* становления изучаемого формообразования, не сводясь к обзору *трактовок* данного явления «*вообще*».

Но в «Капитале» видна больше *диалектика* (с ней сейчас уже конкурирует *синергетика*), термина «восхождение» текстуально там нет. (Так, капитал обретает существование «и в обращении», «и вне обращения», т. е. *диалектически*.)

Затем Маркс призывал к созданию системы категорий диалектической логики для экспликации метода «восхождения», но *обобщенно* не дал ни своей, ни гегелевской его версии. Он любил полемику («поставить на ноги» метод

Гегеля, с трудом даже воспроизводимый!), а теоретический трактат, по новейшим оценкам, был «не самым близким его творческой натуре» (А. Огарков). «Ухватывание» Марксом идеи «восхождения» было *проектом на будущее*.

Слово *concretes* («сгущенный») содержит аллюзию на рост «концентрации» *сущностных* аспектов развития, для нас *особо важных*, ибо смыслы есть проявление «жизненных отношений» субъекта (Д. А. Леонтьев), но, понятно, *не* природно-индивидуальных, а именно *сущностно-человеческих* (начиная с субъекта деятельности).

Психологи часто используют философские категории «сущности», «субъекта», «явления», «качества», «количества», «основания», «возможности» (ее Д. А. Леонтьев анализирует на двух страницах в ключе идеи «человека возможного»), «содержания» (через нее задают идею личности А. К. Осницкий, В. И. Моросанова). Но подобные категории нами осмысливаются в их взаимопереходах (при прослеживании стадий «восхождения»), например, переход от оснований к существованию, причем мыслится их конкретизация в научных понятиях.

«Восхождение» побуждает нас не только «сращивать» и «наполнять содержанием» понятийные определения, но и «*карабкаться по ступеням реального становления, трансформации бытия (жизни) изучаемого формообразования (человека и т. д.) в аспекте поэтапного вызревания его сущностных аспектов.*»

Родовая сущность человека – это отчасти его способность «делать самое свою жизнедеятельность» предметом сознания и воли [Маркс, 1974. С. 93], опираясь на духовное родовое достояние (культуру). Видение сущности человека, личности в ее «существовании» Сартр дополнил *ответственностью и свободой*, «выходом за пределы себя» (аспекты становления), но это лишь *моменты воли, волеизъявления в их связи с сознанием*: «всякая воля свободна», предполагая и осознание ответственности. (Свободна и ответственна даже политическая воля.)

В *психологии личности* «деланье» жизни предметом воли и осознания выступает как *саморегуляция (волевая и смысловая)* процессов, детерминирующих активность личности (мотивы, образы, общение и т. д.), имеющих социокультурную природу.

Волевое «поведение» мыслит *выходом за пределы себя* уже К. Левин. Личность часто «намеренно» движется к новым возможностям, *смысл* которых задан в перспективе выхода за пределы «поля» текущих потребностей при *принятии волевого решения*, отбрасывающего одни возможности «в противовес другим, уже встающим в повестку дня возможностям, к которым затем могут быть обращены особые (*speziale*) решения» [Lewin, 1926. S. 67].

Уже работая в США, Левин трактует *личность* с позиций идеи *расширения ее возможностей* в «социальном пространстве» (*social space*). Поскольку ситуация личности мыслима как «тотальность возможных (для нее. – Н. Ш.) событий или действий», то «всякое изменение в ее социальном состоянии»,

связанное с ростом таких возможностей, «например, продвижение от одной ступени (карьеры. – Н. Ш.) к другой, или дружеское примирение человека с компанией приятелей, или изменение богатства в семье» имеет тот смысл (*means*), что известные вещи, личности или виды деятельности стали доступнее» [Lewin, 1948. P. 5].

У индивида дана лишь *потенция сущности человека*, а на «промежуточном» уровне *субъекта деятельности* проявляются его «сущностные силы» (ранний К. Маркс, Б. Г. Ананьев, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, Н. А. Логинава, И. А. Зимняя). *Нарастание* сущностных аспектов человека при «восхождении» тут очевидно.

История метода «восхождения» уже освещалась [Шадрин, 2024]. Особо отметим вклад А. А. Зиновьева, Э. В. Ильенкова.

Принцип «восхождения» в его модернизированной гегелевской версии был эксплицирован казахстанскими философами при изложении категорий диалектической логики, понимаемой, в духе идей Э. В. Ильенкова, как теория и методология познания [Диалектическая логика, 1987].

Каковы же стадии «восхождения»?

Стадия «наличного бытия» изучаемого формообразования и исходные качественные характеристики явления. (Для нас изучаемое формообразование – это человек с его психикой, шире – это живой организм, любой развивающийся объект как предмет исследования.)

В начале развития «вещи еще нет», в ее *сущностных* свойствах [Гегель 2019, с. 194], но есть нечто «зародышевое» с его особыми качествами: «наличное бытие» объекта (*Dasein*) как *реальная основа* предполагаемого далее становления и развертывания его сущности [Там же. С. 195].

Так, *семя* по сути (даже морфологически!) – не растение, но его уже «наличное бытие»: его *наличный*, присутствующий в *живом семени* *качественно особый, эволюционно выработанный генофонд* позволяет ему развиваться (с учетом *меры* индивидуальной вариативности) в *конкретное* растение, в *заданных* (тоже *наличных*) условиях среды (почва, климат). (О «наличном бытии» индивида ниже.)

Стадия оснований существования изучаемого формообразования. По Гегелю, «существование есть бытие, происшедшее из основания» [Гегель, 2019. С. 255]. Существование чего-либо (а оно *сначала существует*, а уже *потом «является»*) *опосредуется его основаниями*, когда сущность «вступает в существование» (Гегель) и возникает их *единство*.

Так, основания жизни растения – корни, реализующие его *активную экспансию* в среду, доставку воды, солей, листья как основа фотосинтеза органики и оформления органов. «Слабое существование ростка» [Гегель, 1975. С. 263] объяснимо *неразвитостью* подобных оснований.

Начало (основание) *существованию* чего-то (здания и т. п.) предполагает *деятельность*, «привязанную к выделенному пространству», «воплощающую» его. Тут важно «соединение основания как почвы ... с пониманием

основания как действия». Причем «положительным в гегелевской трактовке основания является его деятельностный... характер» [Диалектическая логика, 1987. С. 82–83].

В психологии деятельность (с ее структурой) *предполагает субъекта деятельности*. Идея *деятельностных оснований существования личности* выражена в тезисе «деятельность как основание личности» [Леонтьев, 1977. С.182].

Интеграция (сращивание) уровней функционирования целого – дальнейший этап восхождения к конкретному. (Слово *concretes* означает и «сращенный».) Так, «интегративное объединение» индивида, субъекта деятельности и личности порождает «*интегративную индивидуальность*» (новый уровень «восхождения»), с ее особыми смыслами и другими проявлениями.

По С. Л. Рубинштейну, сущность постигается в аспекте конкретно научных *детерминаций и проявлений*; их следует «вписать» в идею «восхождения».

Предложенная М. Г. Ярошевским (1985) система исторически возникших категорий – «мотив», «образ», «общение» («психосоциальное отношение»), «действие», «личность» – фиксирует базовые детерминации («порождающие факторы») психики [Ярошевский, 1985. С. 17].

По А. В. Петровскому, М. Г. Ярошевскому, «переход между категориями мыслится согласно схеме восхождения от абстрактного к конкретному», причем «протопсихологический ряд отвечает в известной степени идее преформизма, в нем в свернутом виде содержится все богатство, обнаруживающее себя на более высоком категориальном уровне» [Петровский, Ярошевский, 1999. С. 524].

Конкретное теоретическое исследование может быть нацелено и на *одну* категорию (базовую детерминанту психики), но *с учетом ее связей с остальными* (А. В. Юревич, В. А. Мазиллов). При недоучете части базовых детерминант любая «теория» будет неполной и/или исказить реальность. Такова методология работы.

Индивид и предпосылки смыслов. Смыслы субъекта деятельности

По И. А. МIRONENKO, «в условиях современного методологического плюрализма», определяя понятия личности, субъекта и индивида, «мы оказываемся в своего рода зеркальном коридоре, в ситуации бесконечного умножения рефлексивных построений... Категория же “человек” выводит нас из зазеркалья» [МIRONENKO, 2010. С. 151].

Начало становления человека в онтогенезе часто связывают с природным *индивидом*, но его мыслят и как «отдельного человека» вообще, как неделимый «атом» общественной жизни, *в любых* его ипостасях. Однако та же *личность* «делима» (раздвоение личности), выходит «за пределы себя», что проблематизирует такое понимание индивида (*in-divido* значит *не отделять, не делить*; ср. *дивиденды*).

«Индивида» (*individuum*) мыслил как «атом» (греч. *atomos*) еще Цицерон. У Гегеля же *индивид*, *индивидуальность* есть нечто «неделимое», не отделившееся от себя. «Индивидуальностью» (на важность понятия нам указала А. Н. Ждан) он наделял семя, «не отделившееся» от себя, не осуществившее экспансии в среду, а также маленького ребенка [Гегель, 1975. С. 263]. Активность индивида-новорожденного, младенца еще «не нашла себя» в предмете (орудии), т. е. он еще «не отделился» от самого себя.

Бытие любого высокоразвитого организма выражается в многообразии его энергетических, «силовых», предметно-вещественных, информационных взаимодействий со средой. Многообразие *реакций* новорожденного и младенца («изначального индивида») на внешнюю среду и состояние внутренней среды организма сжато представлено в работе [Шадрин, 2024].

Данные реакции включают ряд *адаптивных безусловных рефлексов* (часть из них потом исчезает): рефлекс обхватывания Моро, рефлекс цепляния, срыгивания, сплевывания, чихания, хоботковый, глазной и т. д., а также реакции типа плача, смеха и других *выразительных движений*, связанных с динамикой биологических нужд и обеспечивающих соучастие взрослого. Отметим и ориентировочные реакции на новые и сильные раздражители, коммуникативные («комплекс оживления»).

Все эти реакции реализуются *локально*, «вот тут», «на границе» организма и среды, а в какой-то части и *в самом* организме. По своим качествам они *специфически человеческие* и выражают «*наличное бытие*» человека. По Гегелю, чтобы реализоваться, человек «должен налично существовать, ... ограничивать себя» [Гегель, 2019. С. 196].

В этих реакциях (включая заданные генофондом и самим *ходом эволюции* выразительные движения, связанные с динамикой биологических нужд, неизбежно вызывающие помощь взрослого) содержится уже «реальный план» (Гегель) и условия его физического «выживания», накопления его физических сил, ресурсов и развития. Хотя тут должны быть *также* «наличные» и нормальные социокультурные условия жизни ребенка, включая внимание и заботу родителей (см. также [Гегель, 2019. С. 195]).

Качества реакций индивида (выявляемые, скорее, в созерцании, наблюдении, а не тестами и т. п.) еще слабо изучались в аспекте обеспечения «наличного бытия» индивида, хотя лишь благодаря этим качествам «нечто» (индивид) «есть то, что оно есть» [Гегель, 2019. С. 194], продолжает «выживать» и сохранять потенции развития.

Слово *Dasein*, используемое Гегелем, означает не только «наличное бытие», но и *присутствие*. По Л. С. Выготскому, «младенца можно назвать максимально социальным существом», ибо во всякой ситуации его жизни «зримо или незримо присутствует другой человек», взрослый [Выготский, 2024. С. 714].

Новорожденный, младенец как «изначальный» индивид *присутствует* в жизненном мире людей как *предмет осознания* в качестве «уже наличного»

человека с его реакциями и как *предмет заботы*, что выводит нас на проблемы семейного воспитания.

Особо отметим «специфически человеческий» характер *многообразных ориентировочных реакций младенца*, связанных с его «*потребностью в новых впечатлениях*» (Л. И. Божович), объясняющейся большим объемом коры у человека, требующим задействования и «упражнения» [Божович, 2009. С. 160]. Важно, чтобы родители *осознавали* эту потребность и «показывали ребенку мир», с обилием его форм, красок, звуков и т. д., буквально «неся его на руках».

Для развития ребенка как человека значима и реакция «оживления» – основа его *общения* как условия развития; причем при ее реализации ребенок играет все более инициативную роль (М. И. Лисина). Одна из основ «бескорыстного» общения ребенка и взрослого – названная потребность в новых впечатлениях [Божович, 2009. С. 157, 158].

«Протопсихологический» ряд базовых психологических детерминаций, регулирующих многообразие реакций *индивида* (физиологические, иные потребности, образы-сигналы и т. д.) показан в нижеприведенной таблице-схеме.

При «усложнении» индивида говорят о «возникающих “сплавах” врожденных и приобретенных реакций, ... о формирующихся доминантах поведения» [Леонтьев, 1977. С. 174].

Согласно С. Н. Костроминой и др., у *индивида* самодетерминация (саморегуляция) такова, что тут «активное поведение определяется не внешним стимулом, а высвобождающимися внутренними источниками энергии, аккумулярованными в самой системе», в организме. Это позволяет «достичь максимально адаптивного эффекта» [Костромина и др., 2023. С. 89].

Эти «источники энергии» – итог эволюции и сопряжены с *вызревaniem потребностных состояний*, видимо, предполагая *доминанту* как временно господствующий очаг возбуждения, тормозящий одни поступающие импульсы и суммирующий другие. Ее можно понимать как форму индивидуальной саморегуляции и природный аналог смыслов. А. А. Ухтомский писал даже о «доминанте на человеческое лицо» [Ухтомский, 1973. С. 407]. *Метод* ее изучения им раскрыт.

Феномен субъекта деятельности (деятельностей) раскрыл Б. Г. Ананьев. Когда мы (для краткости) говорим о «субъекте», то это либо субъект деятельности, либо многоуровневый субъект индивидуальной человеческой жизни.

В деятельности субъект *произвольно, целесообразно*, с учетом «сил» и потенций вещи, *выявляемых на базе освоения родового опыта*, управляет и физическими «силами» своих органов. Это превращает эти силы в «человеческие сущностные силы» (*Wesenskräfte des Menschen*). По Марксу, «рабочая сила существует лишь в живой жизненности самого субъекта (*in der Lebendigkeit des Subjects selbst*)» [Marx, 1953. S. 946].

У Б. Г. Ананьева, Н. А. Логиновой фигурирует «субъект труда» [Логинова, 2001. С. 59] и, шире, «субъект деятельности», проявляющийся «в отношении к продуктивной деятельности в обществе» [Логинова, 2001. С. 63]. По О. К. Тихомирову, «мотивация ... – главная характеристика субъекта деятельности» [Тихомиров, 2007. С. 29]. Термины «субъект деятельности», «субъект действия» часты у И. А. Зимней.

В генезисе субъекта деятельности значимы ориентировочная реакция, связанная с упомянутой «потребностью в новых впечатлениях» (по Л. И. Божович), «укрепление» хватательного рефлекса (когда, по Пиаже, возникает «координация видения и хватания»), переход от манипуляций к подлинным *предметным действиям* (Д. Б. Эльконин). Важна и «реакция оживления» младенца как база общения.

Произвольная саморегуляция развитого субъекта (она может быть сопряжена и с реализацией смыслов) включает планирование действий, самоконтроль, коррекцию, самостимулирование и т. д. [Шадрин, С. 24]. При этом «субъект деятельности может давать “переакцентировку” в мотивах труда, усиливать их. Реализуется и произвольная саморегуляция общения» с партнером, произвольное внимание высвечивает важные стороны *образов орудий, предметов* [Шадрин, 2024. С. 27]. (*Непроизвольная* саморегуляция тут зрима в контексте частично автоматизированных навыков.)

По Н. И. Чуприковой, «не все сознательные произвольные действия могут быть названы волевыми». Без особых усилий воли «опытный учитель проводит урок, врач принимает больных» [Чуприкова, 2015. С. 603]. *Волевая* саморегуляция именно *личностная*. Воля связана со *знаковыми стимулами-средствами организации поведения*, с работой 2-й сигнальной системы (Н. И. Чуприкова).

Общезвестна структура деятельности: *особая деятельность (мотив) – действие (цель) – операция (условие)*. В совместной деятельности значимо и общение, что отметил и А. Н. Леонтьев. Раскрытый С. М. Джакуповым генезис (*в диалоге*) «общего фонда смысловых образований» (ОФСО) группы и опору на него в деятельности «разумно рассматривать как показатель того, насколько она является истинно совместной» [Леонтьев, 2003. С. 399]. Учет *эмоциональных аспектов* смыслов вылился у С. М. Джакупова в фиксацию КГС [Джакупов, 2004. С. 116–133].

В деятельности коренятся *операциональные, целевые смыслы* субъекта как «отношения меньшего к большему» [Братусь, 1983. С. 216]. На уровне *операционального смысла* «меньшее» – это осуществимый (имеющий «смысл») набор *операций*, реализующий достижение *цели* («большее»). Это не «смысл операции», а «целесоориентированный операционально осуществимый смысл».

«Глубина» операционального смысла шахматиста определяется числом просчитываемых им ходов для достижения *цели*; его *объем* «выражается в том, в скольких направлениях» он «примеривает» свою деятельность [Тихомиров, 2007. С. 74]. Но автор, к сожалению, слабо раскрыл целевые смыслы.

В *целевом смысле* действие, его цель (цепочка целей) «смыслообразуется, приобретает смысл в свете мотива» деятельности [Братусь, 1983. С. 216]. По сути, это *заданная мотивом-задачей деятельности смысловая ориентация осуществимой цепочки целей (действий)* – «мотивационно-заданный действительно-осуществимый смысл». В его формирующийся «гештальт» включен *мотив*, сами *действия*, *образы целей*, подчас *акты общения* и т. д. Оформление целевого и операционального смысла (в деятельности шахматиста и т. д.) часто сопряжено с эмоциональным переживанием верности, близости решения.

«Вырастание» личности из деятельностей субъекта и абрисное представление общей системы смыслов

Известно, что *по-настоящему самостоятельно* ребенок действует «в подростковом возрасте, когда у него ... складывается личность» [Розин, 2022. С. 15]. Деятельность подростка «включает в себя такие ее виды, как учебная», уже дающая нужную *личности* картину (образ) мира, «общественно-организационная, спортивная, художественная, трудовая». Они отвечают его стремлению «становиться общественно значимым» [Зимняя, 2005. С. 175], быть реально полезным субъектом.

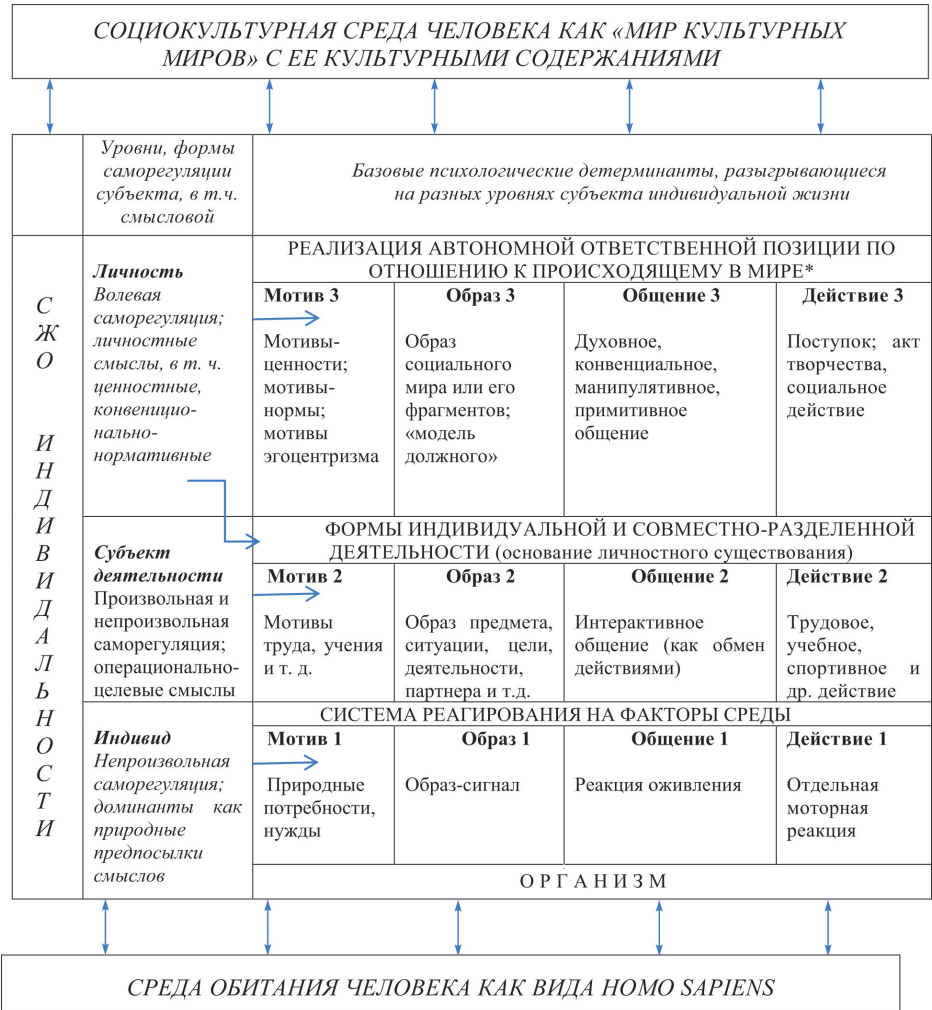
Совокупность этих «базовых» *видов деятельности* (включая еще и *бытовую*) задает некую *самодостаточность, самостоятельность* человека, его «способность» и право занимать *ответственную позицию*, выступать от своего *лица*, – главное в личности [Рубинштейн, 1974. С. 246]. По сути, эти виды деятельности суть *потенциальные основания существования личности*.

Но чтобы быть ими, они должны реализоваться *в особом* «выделенном пространстве» (см. выше), служащем «почвой», *на которой* вырастает сама личность, выходящая в своей активности в более широкую сферу жизни и культуры.

В *мир-пространство* этих деятельностей субъекта (подростка, юноши) входит «его» школа (далее вуз и т. д.), «его» рабочее место, «его» спортивная секция, «его» домашний уголок и т. д. Здесь нами используется общий подход к пониманию мира (жизненного пространства) человека как некоторого «мое» у Джеймса, в которое он последовательно включает «наше платье», «наше семейство», наш «домашний очаг», деятельность по «накаливанию нашего состояния», «произведения нашего кровного труда» и т. д. [Джеймс, 2022. С. 90].

Но это пространство активности субъекта *предзадано и «выделено» социумом*, отсюда *роль общественных отношений*, задающих известную *сопричастность активности субъекта и его смыслов делам социума* (см. также [Джакупов, 2004. С. 49]).

Правда, деятельность субъекта в «оболочке» *дисгармоничных, отчужденных* социальных (трудовых и т. д.) отношений, с их формальными, подчас профессионально бессмысленными, нерациональными требованиями, обусловли-

Теоретическая модель системы базовых психологических детерминант активности человека и форм его смысловой саморегуляции в аспекте «восхождения» (с конкретизирующими примерами)

вает «синдром потери смысла» субъекта и, возможно, его «фрустрированную любовь к профессии» (Л. Сэв, А. Б. Орлов) [Орлов, 2002. С. 107].

Но *личность* способна «выходить за пределы» социальных отношений, воспринимая «зовы», «призывы» широкого (морального и т.д.) плана.

Личность *выше* субъекта. По В. П. Зинченко, «субъект – носитель (и регулятор. – Н. Ш.), личность – хозяин деятельности. Личность может отказаться от одной деятельности, выбрать или построить другую» [Зинченко, 2016.

С. 51]. Но и в *малопривлекательную* деятельность субъекта вносится *личностный смысл* («сверху вниз»). Он вносится и в учебную деятельность подростка [Леонтьев, 1977. С. 291, 292]. Но *текущая* саморегуляция тут все же, скорее, *деятельностно-субъектная*.

Абрисно представим иерархию базовых детерминаций и проявлений психики (включая аспекты саморегуляции и смыслов), разработанную на базе нашего метода, в виде схематической таблицы (см. рисунок). В нее включены и интегративные смысложизненные ориентации (СЖО) индивидуальности, раскрытые далее.

Здесь показаны базовые детерминанты психики (имеющие на 2-м и 3-м уровнях социокультурную природу) – это *мотивы, образы, формы общения и действия*, выступающие психическими *регуляциями*, – и формы их «конечной» *само-регуляции* на трех уровнях (включая смыслы или же их предпосылки – у индивида). Слева в таблице фиксируются смыслы «интегративной индивидуальности», сопоставимые (отчасти) с СЖО Д. А. Леонтьева. В ключе культурно-деятельностной психологии, *действие 2* включает набор *операций* и задается образом *цели*, планом и заданной в культуре «ориентировочной основой» действия, побуждается *мотивом 2*. В логике этих расчленений мы и раскрыли операциональные и целевые смыслы.

У С. Н. Костроминой, А. Ф. Филатовой и др., система *саморегуляции и самодетерминации* активности человека *трехуровневая*. (О «базовом» уровне индивида уже говорилось.) Высший ее уровень – *самодетерминация смыслами личности*. Ниже идет «целенаправленная (“деятельностная”) самодетерминация» [Костромина и др., 2023. С. 89], по сути, *это уровень субъекта деятельности*.

В целом выделяемые этими авторами уровни саморегуляции релевантны раскрытым нами уровням индивида, субъекта деятельности и личности, представленным в таблице. Хотя, по-видимому, у субъекта присутствуют не только цели и их *произвольная* реализация, но и *целевые и операциональные смыслы* (см. выше).

Четвертый, интегративный уровень смысловой саморегуляции, представленный в левой колонке нашей таблицы в логике «восхождения», выделяется нами *впервые*.

Высшие уровни смысловой и волевой саморегуляции личности и проблема интегративной индивидуальности

Экзистенциализм оттенил специфику способа существования личности, особенно на ее высших уровнях. В работе «О гуманизме» Хайдеггер писал, что «это и есть гуманизм: смыслы (*Sinn*) и забота, что делают человека человеком» [Heidegger, 1975. S. 10], в чем видно упомянутое сопряжение *смыслов* и полноты реализации *сущностно-человеческого* начала личности. В целом, сущность человека у него выражена в экзистенциальности (*Ek-sistenz*)

как способе существования личности через восприятие «зова» глобального бытия [Heidegger, 1953. S. 284]. Этот зов, который «проистекает из меня и, тем не менее, *через* меня» [Там же. S. 274], становится основой *смыслов* и *совести* личности.

У Сартра, сущность человека в ее полноценном осуществлении как «человеческая реальность» (*réalité humaine*) или, в ином выражении, *подлинная личность*, приносит в мир высшие ценности как смыслы бытия для человека. *Ценностный акт человека* постоянно «возвышает себя», *приближаясь к этому смыслу* («выход за пределы себя», правда, в *феноменологическом* плане): «всякий ценностный акт», например, благородный поступок, «является оторванным от своего бытия по направлению к ... (*à son être vers...*)» [Sartre, 1943. P. 137].

В этой логике, по Д. А. Леонтьеву, *ценностный мотив-смысл* выступает как «вектор деятельности, который направлен в бесконечность» [Леонтьев, 2003. С. 227]. Отметим, что у Сартра речь все же идет не о профессиональной и иной *деятельности* субъекта (смысл в нее могут вносить профессиональные ценности), а о *поступках личности*, в «серии» которых нарастает мера их ценностного смысла.

У австрийского психолога В. Франкла ценностный смысл бытия для личности обыгрывается как *смысл жизни (бытия) самой личности*, реализующийся не только через «переживание ценностей», но и через «страдания», «деятельность», «подвиг» [Франкл, 1990. С. 197]. Типология ценностей (их смыслов) у него также *психологична*: «ценности творчества», «ценности переживания» и «ценности отношений» [Франкл, 1990. С. 112].

Интересный анализ концептуальных основ понимания смысла (с учетом работ В. Франкла) и валидности тестов диагностики смысла предпринят Татьяной Шнель (Австрия) в ее недавней статье [Schnell, 2014].

Осмысливая *верхнюю часть таблицы*, выразим свое отношение к идее «ядра» личности Д. А. Леонтьева в связи с проблематикой воли, смыслов, ответственности, свободы и т. д.

Автор ранее предположил, что «за критические <...> процессы изменения смысловых ориентаций путем свободного выбора» отвечают «ядерные механизмы личности», включающие «свободу и ответственность», которые не есть психологические «элементы и подструктуры личности». Это именно «способы, формы ее существования и осуществления (в ее человеческих сущностных свойствах? – Н. Ш.), которые не имеют своего (психологического. – Н. Ш.) содержания» [Леонтьев, 2003. С. 160].

Конечно, личностное существование (с его волевым и осознанным *изменением жизни*, свободой, ответственностью), уже *возникнув* (на базе деятельностных оснований), часто *еще не проявляется психологически* (по крайней мере, отчетливо), но это *лишь момент* развития!

Но в целом ответственность личности *психологически* видна уже в ее осознанной «ответственной позиции» по отношению к конкретному явлению

(С. Л. Рубинштейн); часто говорят и об *ответственном/безответственном* поступке, действии.

Сам Д. А. Леонтьев, вопреки исходному тезису, написал о *психологии свободы* статью, положения которой четко высвечены в работе [Шадрин, 2012]. *Психологические аспекты ответственности* изучались в омской школе психологии (А. Ю. Маленова и др.).

Сама воля подчас также предстает *психологически* «трудно уловимой»: «волевое усилие» переживается «внутри», но деятельностных проявлений воли часто не видно (Е. П. Ильин, В. А. Иванников).

Действие мобилизующей и тормозной функции воли (волевой саморегуляции) может распространяться на *мотивы* (потребности) личности, на ее *образы* ситуации, *коммуникативные контакты*, *поступки* (стрелка, идущая на схеме слева направо), а далее *вниз* на уровень субъекта деятельности. Поэтому воля (в изоляции от смыслов) «не имеет особого психологического продукта», «оптимизируя» разные процессы, что присуще и про-извольному вниманию (Ж. Ламетри, П. Я. Гальперин).

Поскольку «начало личности – поступок» (А. Н. Леонтьев), то воля как *личностная саморегуляция* (а не «политическая воля» и т. п.) *ярко проявляется в ответственном, ориентированном на ценностные смыслы поступке*. Анализируя «актуалогенез» таких поступков (термин В. В. Столина), обратимся вслед за А. Ф. Лазурским, Л. С. Выготским, Б. М. Тепловым, В. А. Иванниковым к анализу литературных сюжетов.

Герой «Тёмы и Жучки» Н. Гарины-Михайловского (он *по социотипу*, как и сам писатель, видимо, «этико-сенсорный экстраверт»), спасая собаку, совершает *нравственно-ориентированный, мужественный по своему смыслу поступок*, требующий, с учетом его состояния, воли и решимости.

Тёма в перерывах беспокойного сна узнает от няни, что его Жучку бросил в старый колодец «какой-то ирод». Очевидно, ранее в общении с родителями, близкими он усвоил идею *ценности всего живого*, а, возможно, и качеств *решительности, смелости* человека (его отец воевал).

У Тёмы возникают смелые «фантазии» по спасению Жучки. Имея представление о колодце, возникшее во время игр, обладая практическим опытом, он прокручивает драматический *образ* ситуации. Во сне он видит, что спасает Жучку, но падает в вонючий колодец.

Утром он решает спасти Жучку безопасным способом, спустив веревку с перекладиной; тут возникает *начальный мотив* и исходный *план* действий. *Волевой импульс* его реализации *трансформирует образ* ситуации (прикидывает, где найти веревку, как туда незаметно пробраться и т. д.). Но план проваливается, и принимается решение, спустившись в колодец, привязать Жучку к веревке. В ключе *нового плана впервые оформляется «гештальт» ценностного смысла самоотверженного поступка*: утверждается *новый мотив* (спасти любимую Жучку, рискнув собой) возникает *новое видение образа* ситуации, прорабатываются *детали плана*, включая *подбадривание* Жучки.

Этот новый *смысл* эксплицируется *словесно*, подстегивая *волю*: «Кто делает дурное – боится, а я дурного не делаю: я Жучку вытаскиваю ...».

Здесь *действие-поступок* (действие 3 в таблице) реализуется именно на *личностном уровне*, ибо:

1) поступок не привязан к привычной *деятельности субъекта* (работа спасателя и т. д.);

2) он предполагает *автономию (свободу) воли личности*, *учет всех ее возможностей* (хотя и на базе *деятельностного опыта субъекта!*) и связан с ее вовлеченной, *ответственной позицией* – главным свойством личности;

3) новый мотив и цель наполняют поступок *ценностным содержанием и смыслом*: спасти живое существо, рискуя собой, памятуя об уроках родителей и ответственности перед ними за свою жизнь;

4) в итоге «сдвига мотива на цель» (А. Н. Леонтьев) отдельные *операции* в составе действия переходят в довольно трудные *цели*. Сама смена стратегии помещает мальчика в зону риска, требуя выдержки, собранности;

5) воля, реализуя намечающийся *личностный смысл* поступка, обеспечивает волевое «задействие» и ситуативное регулирование *всех базовых детерминант* активности 3-го уровня: мотивов, образов ситуации, общения (подбадривание Жучки), действия, что *увеличивает их совокупный эффект* – в ключе подходов *синергетики*.

По гипотезе В. А. Иванникова, «волевая регуляция осуществляется через намеренное осознанное изменение смысла действия или через создание нового, дополнительного смысла», который «восполняет дефицит побуждения» [Иванников, 2010. С. 99]. Но и *высшие уровни личностных смыслов*, ввиду их морального и т. д. значения, *могут подключать «рычаг» воли* (взамен элементарной произвольной саморегуляции). Здесь *воля выступает рычагом реализации высшего личностного смысла* или *немного меняет его по ходу действия*. Видимо, связка «воля – смыслы» должна изучаться с *разных сторон*.

Ценностно-ориентированный *поступок* порождает *массу позитивных следствий и смыслов* для человека и для других, социума и *потому «событий»*. Финал поступка Тёмы, *окончательно оформляющий его смысл*, – это его *влияние на сознание и смыслы окружающих*. Герой активно, «поступково» утверждает смысл доброты и жалости к животным *в сознании других* (то, что А. В. Петровский, В. А. Петровский называют «вкладами»). (Хотя все это остается «за кадром» рассказа.)

Смысл всегда предполагает «выход за пределы себя». Этимология слова «мысль» раскрывается как «то, что мы шлем» (наше *послание*), а слова «смысл» – как «с тем, что мы шлем» (Чечулин, 2011) или же «с нами (мы) шлем» (см. также [Шадрин, 2024. С. 29]).

Число ценностно ориентированных личностей, способных к таким поступкам, невелико; но, по Д. А. Леонтьеву, «все существенные дела и изменения в мире осуществляются как раз незначительным меньшинством» [Ле-

онтьев, 2010. С. 136]. Пример – речь К. Демулена перед взятием парижанами Бастилии.

Сформированный ценностный смысл поступка обычно порождает новые *аналогичные поступки* – тут срабатывает и «самоожидание» (*self-expectation*) в трактовке О. В. Овчинниковой и т. д.

Согласно *неклассическому культурно-деятельностному подходу*, мы индивидуальную «человеческую жизнь понимаем как волну и частицу “общественного бытия”» [Майданский, 2024. С. 92]. Сущность человека в том, что он делает свою жизнедеятельность предметом воли и сознания *именно как «родовое существо»*, т. е. с позиций Рода (Э. В. Ильенков), *Культуры*. Здесь намечается перспектива «выхода» личности в широкую сферу *культуры поведения в обществе* – в ходе освоения (*интериоризации*) социокультурных норм. Речь тут не о стандартах поведения, культивируемых в данной семье или подростковой группировке (*peer group*), по Т. Парсонсу, а об устоявшихся правовых нормах, нормах и правилах этикета (с их принципами «будь полезен другому, будь внимателен к другому, не мешай другому, соблюдай личные границы»), а отчасти и о нормах профессионального общения. Все они, по сути дела, «стабилизируют» жизнь социума и выступают как «просоциальные» (*pro-social*) начала.

Механизм *интериоризации* таких норм (менее генерализованных, чем ценности) лежит в основе генезиса *особых конвенционально-нормативных личностных смыслов*, позволяющих человеку контролировать свое поведение в обществе, реализуя себя как ответственную личность.

Волевое, самоутвержденное утверждение личностного смысла *правовых норм*, имеющее характер «миссии» (в терминах А. Н. Леонтьева), отражено в фильмах «Новые центурионы» и «Следователь по кличке “Шериф”».

Филолог В. Л. Чечулин отмечает, что английское «mean» имеет «три значения: “иметь мнение”, “средний”, “плохой” <...>, что затрудняет различение этих оттенков даже в контексте» [Чечулин, 2011. С. 78]. *Meaning* раскрывается в словарях как «значение, смысл» (без их *различения*, хотя идея смысла *предполагает* его!) или даже «значащий» (объективно), «многозначительный», «выразительный». Неслучайно в двухтомном Большом толковом психологическом словаре А. Ребера (2002) термина «смысл» нет.

В своих работах К. Парк рассматривает «исследования, касающиеся значения в контексте адаптации к стрессовым событиям», полагая, что его собственная «теория значения и создания значения развивается быстрыми темпами» [Park, 2010. Р. 257]. Его когнитивистская модель объясняет, как люди создают и присваивают значение переживаниям, конфликтующим с их убеждениями, целями и образом самого себя.

Верхний блок модели-схемы К. Парка (*Meaning Making Model, Модель создания значимостей*) – *глобальные значимости*, включая «верования, само-идентификацию, цели, ценности». Предполагаются также «ситуативные значимости личности» и, в контексте «случайных, непредсказуемых воз-

действий» (обычно это стрессовые ситуации), решается вопрос, релевантны ли они «глобальным значимостям». Если *нет*, то возникает дистресс, и тогда происходит «создание (новых) значимостей» и переоценка (травмирующих) событий. В случае же соответствия дистресса не возникает.

Однако стресс, как известно, может оказывать и отрицательное влияние на деятельность, вплоть до ее полной дезорганизации, сопровождаясь подчас сбоями внимания, мышления, ступором (особенно в перспективе дистресса). Вряд ли это может сопрягаться с нахождением *новых смыслов* (хотя *значимость* многих вещей, конечно, потом меняется).

В целом концепция Парка основана на *когнитивистских подходах* и отвечает на *главный* для них вопрос: как меняется *картина мира* личности (*образ 3* на нашей схеме, с включением каких-то *значимостей*, но это, конечно, не смыслы). Считается, что в этой картине массовые события создают устойчивые значимости, а нестандартные что-то меняют.

А. К. Осницкий, В. И. Моросанова различают *субъектный* уровень (с его произвольной саморегуляцией) и *личностный*.

По А. К. Осницкому, на личностном уровне больше реализуются виды жизнедеятельности, «в которых человек волен... Определяются волеизъявления благодаря *накопленному опыту субъектного поведения* (именно так! – Н. Ш.), благодаря богатству личностно значимых целей, ценностей и сконструированной картины мира (*образ 3* на нашей схеме. – Н. Ш.)» [Осницкий, 2008. С. 21–22]. Отметим, что «ценности, цели» есть и в модели личности К. Парка. Но Б. С. Братусь включает в личность и *смыслы*.

По сути, фиксируя *связь* смыслов и эмоций, В. Дильтей писал, что «для нас имеет ценность (ценностный жизненный смысл. – Н. Ш.) лишь пережитое в чувствах» [Дильтей, 2003. С. 450]. Затем А. Н. Леонтьев *способом осознания* смысла счел именно *эмоциональную реакцию* личности на жизненное событие [Леонтьев, 1977. С. 205–206]. Этот подход мы углубляем до идеи «событийного переживания», примером которого является переживание Кеплером ценностного смысла совершенного им открытия (*ценностного события*), когда он нарисовал в конце рукописи богиню Нику, несущую ему лавровый венок героя.

Важно, что «не сама по себе эмоция, а особое образование в виде эмоционально испытываемого понимания смыслов и ценностей» есть «ядро переживания» [Петровский, Ярошевский, 1998. С. 185]. При этом «путь становления (при восхождении. – Н. Ш.) событийного переживания («чувства») есть путь опосредования: образующее его первичное переживание выступает при этом в его обусловленности со стороны образа, мотива, действия, отношения индивида» [Там же. С. 15].

Индивидуальность и ее смыслы. Природа индивидуальности мало изучена. По Н. А. Логиновой, индивидуальность есть «наиболее поздний продукт развития» (и часто не вполне оформлена). Автор отмечает «координационные, паритетные отношения между структурными элементами» и уровнями инди-

видуальности, «существующие наряду с субординационными» [Логинова, 2001. С. 60–61].

Хотя *пространства* жизни индивида, субъекта деятельности и личности различны и разномасштабны (см. выше), но в силу их *принципиальной связанности* активность человека, в зависимости от обстоятельств и его установок, *смещается с одного из этих уровней на другой*, что отчасти релевантно идее «пунктирного человека» Д. А. Леонтьева [Леонтьев, 2010]. Отсюда возможность формирования (при сохранении иерархии уровней по схеме *индивид* → → *субъект деятельности* → *личность*) «интегративной индивидуальности» и ее Я, все более заинтересованного в «сращивании» этих уровней (движение *к конкретному*). Это Я уже способно переживать свою жизнь в аспекте ее смыслов как *многоуровневое, но единое целое*. Это раскрывает генезис *смысловых образований* в форме «смысложизненных ориентаций» (СЖО) и смысла жизни, выступающего «как интегральная смысловая ориентация» человека [Леонтьев, 2003. С. 247]. Место СЖО «Я» видно в нашей таблице.

Поскольку «в большей части индивидуальности присуща гармония частей» и уровней [Логинова, 2001. С. 61], то эта гармония задает и *характер ее смыслов*. Допустим, человек, найдя у себя какие-то жизненные проблемы, решил осуществить «работу над собой» на *индивидном* уровне: улучшить функции и состояние организма путем тренировок, добиться «похудения» и т. п. Но это может *обретать и более широкий индивидуальный смысл* профессионального (субъектного) и даже *личностного* роста, хотя индивидная ориентация *гедониста* может редуцироваться лишь до «стремления к удовольствию» как «подмене смысла» (Франкл).

Согласно К. Шедону и др., устремления человека варьируются «от выживания и удовольствия, с одной стороны, до стремления к чему-то, выходящему за рамки физического, с другой, будь то духовность, более глубокое понимание или благо будущего общества и поколений» [Sheldon et al., 2019].

Эмпирическая оценка смыслового переживания жизни возможна и методиками «интенсивностного» плана, включая тест СЖО Д. А. Леонтьева.

Для его общего показателя уже установлена «отрицательная корреляция со шкалой депрессии» теста ММРІ [Леонтьев, 2006. С. 5–6] – шкала «пессимистичности» в тесте СМІІ Л. Н. Собчик.

Мы протестировали по тесту СЖО и по компактному тесту на депрессию из 20 вопросов («Практикум по психологии личности» О. П. Елисеева, 2001) 56 учащихся 10–11 классов четырех городских школ. Коэффициент корреляции Спирмена r между этими параметрами составил – 0,36 (достоверная обратная корреляция при $p < 0,01$). Эта корреляция отчасти предсказуема и косвенно дополнительно говорит о валидности обеих методик, реально применимых (в комплексе с другими) в практике диагностики потенциальных предсуицидальных состояний старшеклассников. (Здесь критичны одновременно низкие показатели СЖО и высокие – депрессии.) Конкретное объяснение этой связи требует новых эмпирических и теоретических разработок.

Заключение

Осмысливая результаты исследования, нужно отметить следующее.

Смысловые образования есть проявление «жизненных отношений» субъекта (Д. А. Леонтьев), но именно *сущностно-человеческих*, а не природно-индивидуальных, «субчеловеческих» и т. д. Отсюда продуктивность для создания их общей модели метода восхождения от абстрактного к конкретному в модернизированной гегелевской версии [Диалектическая логика, 1987], делающего упор на поэтапном становлении сущностных черт изучаемого формообразования (для нас – человека).

Но здесь возникает ряд нюансов и сложностей:

- а) проявления отчуждения (разрыв сущности и существования) часто выливаются в блокировку смыслов, «смыслоутрату» (Е. Н. Осин);
- б) «восхождение» предполагает *«пирамиду смыслов»*, а это, исходя из «принципа пирамиды» Маслоу, суживает возможности анализа *высших форм смыслов*, особенно посредством тестов-опросников;
- в) у *индивида* присутствуют лишь природные предпосылки смыслов, но не сами смыслы.

Малоизученные смыслы субъекта деятельности неотделимы от понятия «человеческих сущностных сил», весьма абрисно раскрытого Марксом и имеющего и гегелевские истоки: у Гегеля анализ «сил» (включая «душевные силы») идет в учении о сущности (Гегель, 2019). (Ср. также трактовку «артикуляции» («артикулированности») тела человека как его сущностной характеристики у Г. В. Фихте и А. Гелена.) Без учета аспектов и истоков проявления «человеческих сущностных сил» *в бытии субъекта деятельности* необъяснима *всесторонняя управляемость* его сил и способностей при реализации его целевых, операциональных и т. д. смыслов, уточняемых в работе.

В онтологии Сартра предельные «смыслы бытия» сопряжены с ценностными актами личности в ее «человеческой реальности» (сущности). Франкл же видел основу смысла жизни личности не только в переживании ценностей, но и в страданиях, деятельности и т. д.

В ключе культурно-деятельностного подхода мы увязываем генезис особых «конвенционально-нормативных личностных смыслов» с интериоризацией широких социокультурных норм поведения.

При этом личностный уровень саморегуляции ценностно ориентированных поступков включает *связку* воли и смыслов.

В работе анализируются также «событийные переживания» (А. В. Петровский, В. А. Петровский), выступающие формой *осознания* и последующего изменения личностных смыслов, что важно и для процесса воспитания.

Генезис интегративной индивидуальности при «восхождении» дает ключ и к смысложизненным переживаниям. Уже установленную (и лишь подтвержденную нами) обратную корреляцию между общим показателем смысложизненных ориентаций по тесту СЖО Д. А. Леонтьева и параметром депрессии

можно использовать в практике выявления потенциальных предсуицидных состояний старшеклассников.

Список литературы

Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2009. 400 с.

Братусь Б. С. Общепсихологическая теория деятельности и проблема единиц анализа личности // Запорожец А. В., Зинченко В. П. (отв. ред.). А. Н. Леонтьев и современная психология. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 212–219.

Выготский Л. С. Мышление и речь; Психология искусства; Вопросы детской психологии. М.: Эксмо, 2024. 848 с.

Гегель Г. В. Ф. (1975). Философия религии. В 2 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. 532 с.

Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М.: АСТ, 2019. 416 с.

Джакупов С. М. Психологическая структура процесса обучения. Алматы: Казак университеті, 2004. 312 с.

Диалектическая логика: Категории сферы сущности и целостности / ред. Ж. М. Абдильдин. Алма-Ата: Наука, 1987. 544 с.

Дильтей В. Описательная психология // История психологии. XX век; ред. П. Я. Гальперин, А. Н. Ждан. М.: Академический Проект, 2003. С. 417–453.

Джеймс У. Психология. М.: Амрита-Русь, 2022. 448 с.

Дружинин В. Н. Экспериментальная психология: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2008. 320 с.

Зимняя И. А. Педагогическая психология. М.: Логос, 2005. 384 с.

Зинченко В. П. Блуждание в трех соснах, или Тоска по личности (из личного архива В. П. Зинченко) // Национальный психологический журнал. 2016. № 23 (3). С. 49–58.

Костромина С. Н., Филатова А. Ф., Москвичёва Н. Л., Зиновьева Е. В., Одинцова М. М. Комплементарная модель самодетерминации личности // Российский психологический журнал. 2023. № 20 (1). С. 82–99. DOI: 10.21702/rpj.2023

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. 304 с.

Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003. 487 с.

Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 2006. 18 с.

Леонтьев Д. А. Личность в непредсказуемом мире // Методология и история психологии. 2010. № 5 (3). С. 120–140.

Логинова Н. А. Психобиографический метод исследования и коррекции личности. Алматы: Казак университеті, 2001. 172 с.

Мазилев В. А. В. Н. Дружинин как методолог психологической науки (к 65-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2020. № 41 (5). С. 108–117.

Майданский А. Д. Э. В. Ильенков и свобода воли // Культурно-историческая психология. 2024. № 20 (1). С. 89–96.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Политиздат, 1974. Т. 42. 536 с.

Орлов А. Б. Психологии личности и сущности человека. М.: Академия, 2002. 272 с.

Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Основы теоретической психологии. М.: Инфра-М, 1999. 528 с.

Розин В. М. Этапы становления европейской субъективности и личности в социо- и персоногенезе // Вопросы психологии. 2022. № 68(4). С. 14–24.

Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. 424 с.

Тихомиров О. К. Психология мышления. М.: Академия, 2007. 288 с.

Ухтомский А. А. Письма // Пути в неизвестное: писатели рассказывают о науке: сб. № 10. М.: Советский писатель, 1973. С. 371–435.

Философский энциклопедический словарь / ред. Л. Ф. Ильичев и др. М.: Советская энциклопедия, 1984. 840 с.

Франкл В. Человек в поисках смысла: сб. / ред. Л. Я. Гозман и Д. А. Леонтьев. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

Чуприкова Н. И. Психика и психические процессы. М.: Знак, 2015. 608 с.

Шадрин Н. С. Проблема детерминации (самодетерминации) поведения в культурно-исторической и экзистенциальной психологии // Культурно-историческая психология. 2012. № 8 (2). С. 113–122.

Шадрин Н. С. Становление психической саморегуляции уровня индивида, субъекта деятельности и личности: некоторые психолого-педагогические аспекты // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия: Психология. 2024. № 79 (2). С. 19–34.

Ярошевский М. Г. История психологии. М.: Мысль, 1985. 575 с.

Heidegger M. Sein und Zeit [Being and time]. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 1953.

Heidegger M. Über den Humanismus. [About humanism]. Frankfurt am Main, Vittorio Hoster mann, 1975. 47 S.

Lewin K. Vorsatz, Wille und Bedürfnis [Intention, Will and Need]. Berlin, Verlag von Julius Springer, 1926. 92 S.

Lewin K. Resolving Social Conflicts. Selected Papers on Group Dynamics. N.-Y., Happer & Brothers publishers, 1948. 289 p.

Marx K. Grundrisse der Kritik der politishen Ökonjmie. Berlin, Dietz Verlag, 1953. 1102 S.

Park C. Making Sense of the Meaning Literature. Psychological Bulletin // American Psychological Association. 2010. Vol. 136. No. 2. P. 257–301.

Sartre J.-P. L'être et le néant. Esse d'ontologie phénoménologique. Paris: Gallimard, 1943. XII+722 p.

Schnell T. The Sources of Meaning and Meaning in Life Questionnaire (SoMe): Relations to demographics and well-being // *The Journal of Positive Psychology*. October 2014. Dedicated to furthering research and promoting good practice. Vol. 4:6. P. 483–499, DOI: 10.1080/17439760903271074.

Sheldon K. M., Prentice M. Self-determination theory as a foundation for personality researchers // *Journal of Personality*. 2019. Vol. 87. <https://doi.org/10.1111/jopy.1236>

References

Bozhovich, L. I. (2009) Lichnost i ee formirovanie v detskom vozraste. [Personality and its formation during childhood]. SPb.: Piter, 400 p. (In Russ.)

Bratus', B. S. (1983). Obshchepsihologicheskaya teoriya deyatelnosti i problema edinic analiza lichnosti [The general psychological theory of activity and the problem of personality analysis units]. In A.V. Zaporozhiec, V.P. Zinchenko (Eds.) *A.N. Leont'ev i sovremennaya psihologiya* [A.N. Leontiev and modern psychology]. Moscow, MSU named M.V. Lomonosov, pp. 212–219. (In Russ.)

Chuprikova, N. I. (2015) Psihika i psichicheskie process. [Psyche and mental processes]. Moscow, Znack, 608 p. (In Russ.)

Dialekticheskaya logika: Kategorii sfery sushchnosti i celostnosti [Dialectical logic: Categories of the sphere of essence and integrity]. In Abdil'din Zh. M. (ed.). Alma-Ata, Nauka, 1987. 544 p. (In Russ.)

Dil'tej, V. (2003) Opisatel'naya psihologiya [Descriptive psychology]. Istoriya psihologii. XX vek. [Gal'perin P. YA., Zhdan A. N. (eds.)]. Moscow, Akademicheskij Proekt, pp. 417–453. (In Russ.)

Druzhinin V. N. (2008) Eksperimental'naya psihologiya [Experimental psychology]. Uchebnik dlya vuzov [Textbook for universities]. St. Petersburg, Piter, 320 p. (In Russ.)

Dzhakupov S. M. (2004) Psihologicheskaya struktura processa obucheniya [Psychological structure of the learning process]. Almaty, Kazak univesiteti, 312 p. (In Russ.)

Dzhejms U. Psihologiya [Psychology]. Moscow, Amrita-Rus', 2022, 448 p. (In Russ.)

Filosofskij enciklopedicheskij slovar' [Philosophical encyclopedia]; ed. L. F. Il'ichev i dr [Editor. L.F. Ilyichev et al.]. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1984, 840 p. (In Russ.)

Frankl, V. (1990) CHelovek v poiskah smysla: Sbornik [Man in Search of Meaning: Collection]. Gozman L. YA., Leont'ev D. A. (eds.). Moscow, Progress, 368 p. (In Russ.)

Gegel', G. V. F. (1975) Filosofiya religii [Philosophy of religion]. Vol. 1. Moscow, Mysl', 532 p. (In Russ.)

- Gegel' G. V. F. (2019) *Nauka logiki* [Science of logic]. Moscow, AST, 416 p. (In Russ.)
- Heidegger, M. (1953) *Sein und Zeit* [Being and time]. Tübingen, Max Niemeyer Verlag.
- Heidegger, M. (1975) *Über den Humanismus*. [About humanism]. Frankfurt am Main, Vittorio Hoster mann, 47 S.
- Kostromina, S. N., Filatova, A. F., Moskvichyova, N. L., Zinov'eva, E. V., Odincova, M. M. (2023). *Komplementarnaya model' samodeterminacii lichnosti* [Complementary model of self-determination of personality]. *Rossijskij psihologicheskij zhurnal* [Russian Psychological Journal]. Vol. 20 (1). P. 82–99. doi: 10.21702/rpj.2023. (In Russ.)
- Leont'ev, A. N. (1977). *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activities. Consciousness. Personality]. Moscow, Politizdat, 304 p. (In Russ.)
- Leont'ev, D. A. (2003) *Psihologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti* [Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of meaning reality]. Moscow, Smysl, 487 p. (In Russ.)
- Leont'ev, D. A. (2006) *Test smyslozhiznennykh orientacij (SZHO)* [Test of meaningful orientations]. Moscow, Smysl. (In Russ.)
- Leont'ev, D. A. (2010) *Lichnost' v nepredskazuemom mire* [Personality in an unpredictable world]. *Metodologiya i istoriya psichologii* [Methodology and history of psychology]. P. 120–140. (In Russ.)
- Lewin, K. (1926) *Vorsatz, Wille und Bedürfnis* [Intention, Will and Need]. Berlin, Verlag von Julius Springer, 92 S.
- Lewin, K. (1948) *Resolving Social Conflicts. Selected Papers on Group Dynamics*. N.-Y., Happer & Brothers publishers, 289 p.
- Loginova, N. A. (2001) *Psihobiograficheskiy metod issledovaniya i korrekcii lichnosti* [Psychobiographic method of personality research and correction]. Almaty, Kazak universiteti, 172 p. (In Russ.)
- Majdanskij, A. D. (2024) *Il'enkov i svoboda voli*. [E.V. Ilyenkov and freedom of will]. *Kul'turno-istoricheskaya psichologiya* [Cultural and historical psychology]. Vol. 20, no. 1. P. 89–96. (In Russ.)
- Marks, K., Engel's, F. (1974) *Sochineniya* [Essays]. Vol. 42. Moscow, Politizdat, 536 p. (In Russ.)
- Marx, K. (1953). *Grundrisse der Kritik der politishen Ökonjmie*. Berlin, Dietz Verlag, 1102 S.
- Mazilov, V. A. (2020). *V. N. Druzhinin kak metodolog psichologicheskoy nauki (k 65-letiyu so dnya rozhdeniya)*. [V. N. Druzhinin as a methodologist of psychological science (to the 65th birthday)]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 41 (5). P. 108–117. (In Russ.)
- Orlov, A. V. (2002). *Psihologii lichnosti i sushchnosti cheloveka* [Psychology of personality and human essence]. Moscow, Akademiya, 272 p. (In Russ.)
- Park, C. (2010) *Making Sense of the Meaning Literature*. *Psychological Bulletin. American Psychological Association*. Vol. 136. No. 2. P. 257–301.

Petrovskij, A. V., Yaroshevskij, M. G. (1999) *Osnovy teoreticheskoy psikhologii*. [Fundamentals of theoretical psychology]. Moscow, INFRA-M, 528 p. (In Russ.)

Rozin, V. M. (2022) Etapy stanovleniya evropejskoj sub"ektivnosti i lichnosti v socio- i personogeneze [Stages of formation of European subjectivity and personality in socio-and personogenesis]. *Voprosy psikhologii [Issues of psychology]*. № 68 (4). P. 14–24. (In Russ.)

Rubinshtejn, S. L. (1973) *Problemy obshchej psikhologii* [Problems of general psychology]. Moscow, Pedagogika, 424 p. (In Russ.)

Sartre, J.-P. (1943) *L'être et le néant. Esse d'ontologie phénoménologique*. Paris: Gallimard, XII+722 p.

Schnell, T. (2014) The Sources of Meaning and Meaning in Life Questionnaire (SoMe): Relations to demographics and well-being. *The Journal of Positive Psychology*. Dedicated to furthering research and promoting good practice. Vol. 4:6. P. 483–499, DOI: 10.1080/17439760903271074

SHadrin, N. S. (2012) Problema determinacii (samodeterminacii) povedeniya v kul'turno-istoricheskoy i ekzistencial'noj psikhologii. [The problem of determination (self-determination) of behavior in cultural-historical and existential psychology]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural and historical psychology]*. № 8(2). P. 113–122. (In Russ.)

SHadrin, N. S. (2024). Stanovlenie psihicheskoy samoregulyacii urovnya individa, sub"ekta deyatel'nosti i lichnosti: nekotorye psihologo-pedagogicheskie aspekty. [The formation of mental self-regulation of the level of the individual, subject of activity and personality: some psychological and pedagogical aspects]. *Vestnik KazNPU im. Abaya. Ser Psihologiya [Bulletin of KazNPU named after Abay. Series Psychology]*. Vol. 79 (2). P. 19–34. (In Russ.)

Sheldon, K. M., Prentice, M. (2019) Self-determination theory as a foundation for personality researchers. *Journal of Personality*. Vol. 87:–14(5) <https://doi.org/10.1111/jopy.1236>.

Tihomirov, O. K. (2007) *Psihologiya myshleniya* [Psychology of thinking]. Moscow, «Akademiya», 288 p. (In Russ.)

Uhtomskij, A. A. (1973) *Pis'ma* [Letters]. Puti v neznaemoe: Pisateli rasskazyvayut o nauke [Paths to the unknown: Writers talk about science]. Moscow, Sovetskij pisatel', 1973. P. 371–436. (In Russ.)

Vygotsky, L. S. (2024) *Myshlenie i rech; Psihologiya iskusstva; Voprosy detskoj psikhologii*. [Thinking and Speech; Psychology of Art; Issues in Child Psychology]. Moscow, Eksmo, 848 p.

Yaroshevskij, M. G. (1985) *Istoriya psikhologii*. [History of psychology]. Moscow, Mysl', 575 p. (In Russ.)

Zimnyaya, I. A. (2005) *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Pedagogical psychology]. Moscow, Logos, 384 p. (In Russ.)

Zinchenko V. P. (2016) *Bluzhdanie v trekh sosnah, ili Toska po lichnosti (Iz lichnogo arhiva V. P. Zinchenko)* [Wandering in three pines, or longing by persona-

lity (From the personal archive of V. P. Zinchenko)]. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal* [*National Psychological Journal*]. № 23 (3). P. 49–58. (In Russ.)

Сведения об авторе

Шадрин Николай Семенович, доктор психологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий лабораторией экспериментальной психологии и психодиагностики Павлодарского педагогического университета им. А. Марғулана

Information about the Author

Nikolay S. Shadrin, Doctor of Psychological Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Experimental Psychology and Psychodiagnostics of Pavlodar Pedagogical University named Ә. Марғұлан

Материал поступил в редколлегию 10.06.2025

The article was submitted 10.06.2025

Научная статья

УДК 159.9

DOI 10.25205/2658-4506-2024-17-1-41-61

Личностные и безличные моральные дилеммы: объяснительные модели и критерии разграничения

Алексей Павлович Шабалин

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

a.shabalin3@g.nsu.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема классификации жертвенных моральных дилемм, активно используемых в психологии и нейрофизиологии морального выбора. Анализируются истоки и развитие противопоставления личностных и безличных сценариев, предложенное в рамках теории двойного процесса Дж. Грина, а также альтернативные подходы, включая концепцию универсальной моральной грамматики Дж. Михаила и модели, основанные на вычислительной нейронауке. Особое внимание уделяется критериям разграничения, их эволюции и современным изменениям в подходах к классификации дилемм. Подчеркивается важность дальнейшего уточнения параметров классификации для повышения валидности исследований морального суждения.

Ключевые слова

моральные дилеммы, теория двойного процесса, универсальная моральная грамматика, дилемма вагонетки, дилемма моста, доктрина двойного эффекта

Для цитирования

Шабалин А. П. Личностные и безличные моральные дилеммы: объяснительные модели и критерии разграничения // Reflexio. 2024. Т. 17, № 1. С. 41–61. DOI 10.25205/2658-4506-2024-17-1-41-61

© Шабалин А. П., 2024

Personal and Impersonal Moral Dilemmas: Explanatory Models and Distinction Criteria

Alexey P. Shabalin

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russian Federation
a.shabalin3@g.nsu.ru

Abstract

The article considers the problem of classification of sacrificial moral dilemmas actively used in psychology and neurophysiology of moral reasoning. The origins and development of the opposition of personal and impersonal scenarios proposed within the framework of J. Greene's dual process theory are analyzed, as well as alternative approaches, including the concept of universal moral grammar by J. Mikhail and models based on computational neuroscience. Particular attention is paid to the distinction criteria, their evolution and modern changes in approaches to the classification of dilemmas. The importance of further clarification of the classification parameters for increasing the validity of moral judgment studies is emphasized.

Keywords

Moral dilemmas, dual process theory, universal moral grammar, trolley dilemma, footbridge dilemma, doctrine of double effect

For citation

Shabalin A. P. Personal and impersonal moral dilemmas: explanatory models and distinction criteria. *Reflexio*, 2024, vol. 17, no. 1, pp. 41–61. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2024-17-1-41-61

Введение

Использование дилемм является стандартной практикой в рамках психологических исследований морали уже более 60 лет, начиная с работ Лоуренса Колберга, признаваемого основоположником «рационалистского» подхода к моральным суждениям (см. [Greene et al., 2001; Christensen & Gomila, 2012]) – более того, предложенная им «дилемма Хайнца», вопрос о допустимости совершения кражи во имя спасения близкого человека, активно применяется в качестве стимульного материала по сей день, совершенно вне контекста оригинальной теории морального развития (см., к примеру, [Vezirian et al., 2025]). Так, согласно данным обзора, проведенного Н. Эллемерс и соавторами, почти треть (30 %) задействованных в рассмотренных ими работах по психологии морали количественных методик опираются на гипотетические моральные дилеммы, предполагающие выбор между двумя альтернативами в соответствии с теми или иными моральными принципами [Ellemers et al., 2019].

Традиционно моральные дилеммы понимаются как короткие истории о ситуациях, содержащих в себе моральный конфликт, т. е. противоречие между двумя несовместимыми способами поведения, обусловленными конкури-

рующими моральными соображениями [Christensen & Gomila, 2012]. Отдельным классом моральных дилемм, которого и будет касаться данный обзор, являются *жертвенные дилеммы* (*sacrificial dilemmas*) – описания гипотетических ситуаций, где единственным способом спасти группу людей от опасности является причинение вреда (очень часто – смерти) другому человеку или группе людей. Примечательно, что жертвенные дилеммы зачастую носят вычурный, гротескный характер или же просто не отличаются сколько-нибудь высоким реализмом, что порождает сомнения в валидности получаемых с их помощью результатов (см. [Bauman et al., 2014]); тем не менее вопрос о том, является ли низкая экологическая валидность и реалистичность жертвенных дилемм принципиальным препятствием на пути к их использованию, можно признать дискуссионным (см., к примеру, [Фёдоров, Злобина, 2023]).

Как бы то ни было, активно продолжающееся использование жертвенных дилемм в рамках психологии и нейроэтики предполагает учет специфики данной разновидности стимульного материала: если перед исследователями стоит задача изучения связей между отдельными аспектами предъявляемых испытуемым дилемм и демонстрируемыми поведенческими реакциями, актуальным становится вопрос выделения релевантных в контексте выносимых моральных суждений параметров стимульных ситуаций и, как следствие, проблема классификации последних. Таким образом, целью настоящей статьи является анализ существующих подходов к классификации жертвенных моральных дилемм с акцентом на дихотомию так называемых *личностных* (*personal*) и *безличных* (*impersonal*)¹ сценариев.

Вагонетка, мост и теория двойного процесса

Хрестоматийным примером жертвенной моральной дилеммы является впервые сформулированная в 1967 г. философом Филиппой Фут *проблема*, или *дилемма вагонетки* (*trolley problem*) – сценарий, согласно наиболее известной версии которого тяжелая неуправляемая вагонетка движется по рельсам навстречу пяти рабочим, и единственный способ их спасти заключается в том, чтобы перевести стрелку на запасной путь, где находится только один рабочий, тем самым убив его [Foot, 1967]. Аналогичным образом, в схожей *дилемме моста*, предложенной Джудит Джарвис Томсон в 1976 г., единственный способ остановить вагонетку и спасти пятерых рабочих от гибели заключается в том, чтобы столкнуть с пешеходного моста крупного прохожего на проходящие внизу рельсы [Thomson, 1976]. Суть данных мысленных экспериментов сводится к противопоставлению *консеквенциалистской* (в частности, *утилитаристской*) и *деонтологической* этики; если первый класс нормативных этических теорий постулирует допустимость или обязательность действия

¹ В русскоязычной литературе, касающейся моральных дилемм, встречаются переводы эпитета “personal” и как «личностный», и как «личный»; в рамках данной статьи используется первый вариант. Однако, пожалуй, наиболее адекватным по смыслу переводом должен быть «влияющая на конкретного человека» или «затрагивающая конкретного человека».

или бездействия в том случае, если оно ведет к наилучшим возможным последствиям в свете соотношения выгод и издержек, то второй предполагает верховенство определенных этических правил независимо от возможных последствий (см., к примеру, [Schaich Borg et al., 2006; Ryazanov et al., 2023]). При этом в свете дальнейшего обсуждения следует упомянуть следующие деонтологические принципы:

1. *Доктрина деяния и допущения (doctrine of doing and allowing)*. Согласно данному постулату, вред, причиненный действием, сложнее оправдать, чем вред, причиненный бездействием.

2. *Доктрина двойного эффекта (doctrine of double effect)*. В соответствии с этим постулатом сложнее оправдать вред, причиненный как цель или как средство для достижения цели, чем как предвидимый, но неумышленный побочный результат достижения цели [Schaich Borg et al., 2006; Cushman & Young, 2011; Ryazanov et al., 2023].

Возвращаясь к дилеммам вагонетки и моста, следует заметить, что данные гипотетические сценарии, будучи перенесенными из сферы нормативной этики в область психологии и нейрофизиологии, во многом определили направление эмпирических исследований в области морали в начале XXI в. К этому моменту доминирующие в психологии взгляды относительно природы моральных суждений неоднократно кардинально изменялись – от эмоциональных и нерациональных процессов в оптике психоанализа к рационализму в духе идей Ж. Пиаже и Л. Колберга, одержавшему триумф после «когнитивной революции», но который снова уступил место аффекту и автоматическим процессам после 1980-х гг. [Greene & Haidt, 2002].

Своеобразной поворотной точкой стало исследование Дж. Грина и соавторов [Greene et al., 2001], обративших свое внимание на «загадку для моральных философов»: в случае проблемы вагонетки спасение пятерых человек ценой жизни одного («утилитаристский» сценарий) оказывается для людей более морально приемлемым, чем в случае дилеммы моста, чаще вызывающей «деонтологические» ответы у испытуемых. Выдвинутая исследователями гипотеза гласила, что «...некоторые моральные дилеммы (относительно схожие с дилеммой моста) задействуют эмоциональную обработку в большей степени, чем другие (относительно схожие с дилеммой вагонетки), и эти различия в эмоциональной вовлеченности влияют на суждения людей» [Ibid. P. 2106].

В рамках проведенного исследования с использованием методов нейровизуализации в качестве стимульного материала Грин и соавторы использовали набор из 60 дилемм, условно разделенных на «моральную» и «неморальную» категории. В свою очередь, дилеммы из категории «моральных» также разбивались на две подгруппы, исходя из их сходства с дилеммой моста или дилеммой вагонетки – предполагалось, что в первом случае совершаемое действие, приводящее к гибели одного человека, интуитивно переживается как более «близкое и личное» (*close and personal*), а во втором – как «без-

личное» (*impersonal*); как можно понять, это и положило начало выделению групп личностных и безличных моральных дилемм. В качестве формальных критериев отнесения к одной из данных категорий Грин и соавторы выделили следующие пункты:

- а) можно ли обоснованно ожидать, что совершаемое действие приведет к серьезным телесным повреждениям;
- б) является ли вред результатом перенаправления существующей угрозы на другого человека/группу лиц;
- с) будет ли причинен результирующий вред отдельному человеку или участникам группы людей (находится ли жертва «на сцене» дилеммы) [Ibid.].

Те дилеммы, которые (а) ожидаемо должны были привести к серьезным телесным повреждениям у (б) отдельного человека или участников некоей группы людей, и в которых (с) вред не является результатом перенаправления существующей угрозы на других людей, были отнесены «моральным личностным», а остальные – к «моральным безличным». В дальнейшем Дж. Грин предложил более лаконичную формулу ME HURT YOU, по-прежнему предполагающую причинение вреда (HURT), наличие «жертвы» (YOU) и агентность, «авторство» самого субъекта (ME) [Greene & Haidt, 2002; Greene et. al., 2004]. Кроме того, личностные моральные дилеммы были разбиты на простые и сложные: если в первом случае негативная социально-эмоциональная реакция доминирует над слабыми или несуществующими «когнитивными» доводами в пользу действия, что приводит к быстрым и единообразным ответам у всех испытуемых, то во втором негативная социально-эмоциональная реакция вступает в борьбу с более абстрактным «когнитивным» пониманием, что в случае совершения этого действия человеку нечего терять, но получено может быть многое [Greene et. al., 2004].

Как отмечали Грин и соавторы, в терминах психологических процессов, связанных с их порождением, суждения по поводу безличных моральных дилемм больше напоминали суждения по поводу неморальных дилемм, чем личностных моральных дилемм, что проявилось на уровне выявленных паттернов активации коры головного мозга. Также, согласно полученным данным, участки головного мозга, продемонстрировавшие повышенную активацию в случае морального личностного условия, были вовлечены в эмоциональную переработку, что соответствовало выдвинутой гипотезе [Greene et al., 2001].

На основе полученных эмпирических данных Дж. Грин сформулировал *теорию двойного процесса (dual-process theory)*², призванную занять промежуточное место между рационалистскими и эмоционалистскими подходами; был выдвинут тезис о том, что в вынесении морального суждения участвуют как быстрые социально-эмоциональные реакции (направляющие личностные моральные суждения), так и «когнитивные» процессы (как антипод аффективных; задействуются в безличных суждениях). Само разде-

² Другой возможный вариант перевода – «теория двух процессов».

ление на «личностное» и «безличное» получило эволюционное толкование: по мнению Дж. Грина и Дж. Хайдта, предки человека, ведя социальный образ жизни, руководствовались преимущественно эмоциями, но современный человек также способен и к сложному абстрактному рассуждению. Как результат, суждения в отношении нарушений морали, знакомые нашим эволюционным предкам (т. е. личностные) управляются социально-эмоциональными реакциями, а моральные суждения в ответ на исключительно человеческие (безличные) моральные нарушения являются более «когнитивными» по своему характеру. Социально-эмоциональные реакции, как предполагалось, лежат в основе абсолютных запретов, центральных для деонтологии, а моральные вычисления, определяющие утилитаризм, возможны только благодаря более поздним структурам лобных долей, участвующим в абстрактном мышлении и высокоуровневом когнитивном контроле [Greene & Haidt, 2002; Greene et. al., 2004].

В целом, согласно Дж. Грину и Дж. Хайдту, моральная система не является «естественным видом» (*natural kind*): «Точно так же, как привычное понятие памяти относится к множеству разрозненных познавательных процессов (рабочая память, эпизодическая память, моторная память и т. д.), привычное понятие морального суждения, как мы считаем, означает множество более тонких и раздельных процессов, “аффективных” и “когнитивных”» [Greene & Haidt, 2002. P. 523].

Тезис Дж. Грина о самом наличии дискретных систем, совместно принимающих участие в вынесении морального суждения («мультисистемность»), оказался крайне влиятельным – однако вопрос о том, какие именно процессы в нем участвуют (познавательные vs. эмоциональные, контролируемые vs. автоматические, интуитивные vs. рациональные), до сегодняшнего дня остается в той или иной степени открытым; более того, варьируют даже предполагаемые характеристики протекания самих процессов (см. [Cushman, 2013; Greene, 2023]). Что касается разделения моральных дилемм на личностные и безличные, то, несмотря на яркость и лаконичность, формула ME HURT YOU оказалась произвольной – попытка формализовать различие между ситуациями, схожими с дилеммами вагонетки и дилеммами моста, не опиралась ни на принципы философии морали (так, Дж. Грин не учитывал доктрину деяния и допущения и доктрину двойного эффекта), ни на нейрофизиологические данные (о чем, в частности, говорит последующее возникновение подклассов простых и сложных личностных дилемм); недостаточно обоснованным оказалось и утверждение о необходимости сочетания всех трех компонентов формулы для того, чтобы дилемма вызвала сильный эмоциональный отклик. Кроме того, критике была подвергнута методология оригинального исследования: в ходе репликаций было показано, что ряд дилемм, использованных Дж. Грином и соавторами, не может считаться настоящими дилеммами, а также отмечалось то, что предлагаемые ситуации слишком отличны друг от друга, в частности, формулировки личностных дилемм характеризовались

большей эмоциональностью, чем безличных и неморальных [Schaich Borg et al., 2006; McGuire et al., 2009]. Идея сужения определения личностных дилемм для изолирования частных факторов, ответственных за автоматические реакции, высказывалась и сторонниками теории двойного процесса [Moore et al., 2008; Moore et al., 2011]. В своем ответе на высказанные критические замечания Дж. Грин признал произвольность и предварительность разделения «личностного» и «безличного», объяснив это изначальным отсутствием знаний о релевантных свойствах дилемм, а также выдвинул тезис о независимости теории двойного процесса от идеи разграничения личностных и безличных дилемм [Greene, 2009].

Тем не менее эвристичность как теории, так и методологии Дж. Грина была достаточно высоко оценена, в силу чего идея «мультисистемности» нашла свое продолжение в ряде других моделей, некоторые из которых будут рассмотрены далее.

Вычислительная нейронаука и развитие теории двойного процесса

Как упоминалось выше, идея проявления в процессах морального суждения двух дискретных систем получала различное содержательное наполнение; очевидно, что в целом само противопоставление быстрого, автоматического и интуитивного процесса медленному, произвольному и рациональному было продиктовано «духом времени»: так, Дж. Грин признавал, что источником вдохновения для его теории являлись описанные Даниелем Канеманом Система 1 и Система 2 («быстрое» и «медленное» мышление) [Greene, 2023]; следует вспомнить и социально-интуиционистскую модель Дж. ХайдТА [Haidt, 2001], также предполагающую существование быстрых аффективно-интуитивных процессов и рациональных обоснований *post hoc*, которая стала вехой в развитии эмпирической психологии морали [Ellemers et al., 2019].

По мнению Ф. Кашмана, существует достаточно широкий консенсус относительно необходимости обращения к работающей оптике двух процессов, но их контуры, функции и взаимовлияния остаются предметом споров. Не соглашаясь с дихотомией «когнитивное vs. аффективное» (поскольку оба процесса / обе группы процессов должны включать в себя и некоторую аффективную составляющую, и познание как переработку информации) и опираясь на принципы обучения с подкреплением из вычислительной нейронауки, Ф. Кашман предлагает различие между системами на основе оценки внутреннего статуса действий (процессы, приписывающие ценность непосредственно действиям; к примеру, «Я должен сказать Джорджу правду, потому что лгать неправильно») и оценки ожидаемых последствий действий (процессы, выбирающие действия на основе исходов; к примеру, «Если я обману Джорджа, это в конечном счете причинит ему вред»). Первая система, *модельно-свободная (Model-Free)*, присваивает ценность действиям напрямую, на ос-

нове прошлого опыта; она оказывается связанной с деонтологическими суждениями, в частности, осуждением «личностного» вреда в случае дилеммы моста; на нейрофизиологическом уровне она оказывается связана с работой дофаминовой системы и базальными ганглиями. Вторая система, *модельно-зависимая (Model-Based)*, оценивает исходы действий посредством внутренней модели причинно-следственных связей; соответственно, она вовлечена в утилитаристские суждения в случае «безличных» дилемм, сходных с проблемой вагонетки; ее нейрофизиологической основой является префронтальная кора. В ряде случаев модельно-свободная и модельно-зависимая системы взаимодействуют; примером может служить влияние привычек на сложные решения. Ф. Кашман признает, что некоторые моральные нормы могут формироваться независимо от опыта подкрепления или наказания, а быть врожденными или обусловленными биологическими механизмами; также данная теоретическая модель лучше всего применима для описания автоматических моральных интуиций. Как бы то ни было, несмотря на все ограничения, исследователь предполагает, что подобная конкретизация двух систем является шагом на пути к большей точности по сравнению с традиционной дихотомией «эмоции vs. рациональность» [Cushman, 2013].

Сходная мультисистемная модель была предложена М. Крокетт. С ее точки зрения, в моральном суждении оказываются задействованными три системы:

1. *Модельно-зависимая система* порождает прогнозирующее дерево решений, репрезентирующее связи между действиями и исходами, а также их ценностью. Действия оцениваются путем поиска по дереву и определения того, какая последовательность действий с наибольшей вероятностью приведет к наилучшему варианту; сам поиск при этом оказывается ресурсозатратным.

2. *Модельно-свободная система* оценивает действия на основе их усвоенной ценности в специфических контекстах и является ретроспективной (в отличие от проспективной модельно-зависимой), а также может предлагать неоптимальные рекомендации в условиях, где традиционно полезные действия приводят к неблагоприятным результатам.

3. *Павловская система* включает в себя автоматические рефлекторные реакции приближения или удаления к приятным и аверзивным стимулам соответственно; данная система может оказывать влияние на поведение, управляемое другими системами, а также на оценку модельно-зависимой системы [Crockett, 2013].

М. Крокетт полагает, что утилитаристские и деонтологические решения проистекают из сложных взаимодействий между системами, а не связаны напрямую с одной из них. В целом, процесс принятия морального решения выглядит в рамках данной модели следующим образом: модельно-зависимая система преобразует гипотетические сценарии в структурные описания действий и исходов (дерево решений); путем поиска по этому дереву си-

стема оценивает все возможные исходы и рекомендует действия, ведущие к наилучшему. Одновременно с этим модельно-свободная система оценивает контекстуализированные действия, приписывая то или иное значение парам «состояние – действие», исходя из истории подкрепления; в случае никогда не осуществлявшихся действий оценка основывается на наблюдении или на обучении модельно-зависимой системой путем симуляции. В свою очередь, павловская система может отвечать на прогнозы аверзивных исходов модельно-зависимой системы или аверзивные значения модельно-свободной системы. По мнению М. Крокетт, каждая система «голосует» за предпочитаемое действие, и выбор является результатом их совместного влияния. Контроль, осуществляемый системой, основанной на модели, оптимален для простых решений; в ситуациях, если результирующее дерево решений слишком велико и поиск слишком ресурсозатратен, модельно-свободный и павловский механизмы обеспечивают полезные эвристики. Если консеквенциализм дает гибкую рамку для максимизации выгоды и минимизации ущерба, то деонтология позволяет избежать проблем в ситуациях, где исходы являются неопределенными [Ibid.].

Таким образом, модели Ф. Кашмана и М. Крокетт, придерживаясь общей позиции «мультисистемности», наполняют исходную идею существования двух процессов несколько иным содержанием: особо подчеркивается роль научения (в противовес «врожденным» интуициям), а линия демаркации личностных и безличных случаев во многом оказывается зависимой от прошлого опыта и «вычислимости» ситуации, с которой сталкивается человек.

Моральный «монизм»: универсальная моральная грамматика

Своеобразным антиподом рассмотренной выше идеи мультисистемности является теория универсальной моральной грамматики, предложенная Дж. Михайлом, согласно которой мораль обусловлена функционированием специфического биологически обусловленного модуля³, а в основе морального суждения лежат рационально-интуитивные вычислительные процессы [Mikhail, 2011].

Прежде всего, Дж. Михайл оспаривает представления Дж. Грина о том, что эмоциональные процессы могут лежать в основе каких бы то ни было моральных суждений; с его точки зрения, эмоции являются эпифеноменом, ответом на независимые от них моральные оценки. Разграничение личностного и безличного в таком случае является псевдопроблемой, поскольку в действительности предъявляемые моральные дилеммы неосознаваемо анализируются людьми с позиции содержащихся в них элементов преступлений и правонарушений, что обусловлено наличием имплицитного знания моральных правил и законов⁴ [Ibid.]: «...различение «личностного» и «безличного» вреда пред-

³ В понимании Дж. Фодора.

⁴ В частности, различие в ответах на дилемму вагонетки и моста объясняется доктриной двойного эффекта.

стает слишком грубым для достижения описательной адекватности. Обычные юридические справочники – хранилища накопленных в течение веков моральных проблем и вызываемых ими интуиций – полны правдоподобных контрпримеров. Так, понятия *причинения физического вреда, цели, средства и побочного результата* являются вычислительными формулами, которые прошли проверку временем» [Mikhail, 2007. P. 143].

В целом, согласно представлениям Дж. Михаила, люди, сталкиваясь с проблемами вагонетки, бессознательно строят репрезентации (дендрограммы), обладающие эмпирически верифицируемыми структурными свойствами. Построение структурного описания ситуации моральной дилеммы, в свою очередь, включает:

- a) распознавание различных описаний действий в стимулах;
- b) размещение их в надлежащем временном порядке;
- c) разложение их на лежащие в основе причинные и семантические структуры;
- d) применение определенных моральных и логических принципов по отношению к этим основополагающим структурам для создания репрезентаций положительных и негативных последствий;
- e) вычисление интенциональной структуры данных действий и бездействий путем принятия допущения о том, что акторы стремятся к положительным последствиям и избегают негативных (при отсутствии доказательств противоположного);
- f) получение репрезентаций морально значимых действий, подобных причинению физического вреда, а также размещение их в правильном порядке в дендрограмме действий.

Хотя каждая из этих операций сама по себе является достаточно простой, общая продолжительность, сложность и абстрактный характер подобных вычислений, равно как и их быстрый, интуитивный и как минимум частично недоступный характер, поддерживают, согласно мнению Дж. Михаила, гипотезу об их зависимости от врожденных и специализированных алгоритмов [Там же].

По аналогии с универсальной грамматикой Ноама Хомского, проявляющейся в сфере освоения языка, Дж. Михаил выдвигает идею существования универсальной моральной грамматики (UMG) как некоей врожденной моральной способности, в некоторых отношениях аналогичной языковой способности. Как и в случае языка, UMG содержит три элемента:

- 1) *деонтические правила*, действующие в процессе осуществления морального суждения (по аналогии с грамматическими правилами);
- 2) *структурные описания*, по которым осуществляются вычислительные действия (по аналогии с глубинными синтаксическими структурами);
- 3) *правила преобразования*, по которым стимул конвертируется в подходящее структурное описание (по аналогии с правилами преобразования глубинных языковых структур в поверхностные).

К аргументам в поддержку данной позиции Дж. Михаил относит достаточно сложную интуитивную юриспруденцию у детей раннего возраста (различение «истинных» нарушений морали и нарушений социальных конвенций, обращение к понятиям намерения и цели, и т. п.), наличие в каждом естественном языке слов или фраз, выражающих основные деонтические понятия («обязательное», «допустимое» и «запрещенное»), универсальность запретов на убийство, изнасилование и других типов агрессии, а также наличие достаточно устойчивой сети участков мозга, вовлеченных в моральное познание [Mikhail, 2007].

Примечательно, что М. Крокетт полагает, что по принципам, описанным Дж. Михаилом, функционирует модельно-зависимая система [Crockett, 2013], однако предложенная ей теоретическая модель все же выходит за пределы построения структурных описаний, не ограничиваясь бессознательными репрезентациями ситуации моральной дилеммы.

Одной из уязвимых точек теории универсальной моральной грамматики может быть ее доменоспецифичность, т. е. предположение о том, что механизмы морального суждения работают с моральными же репрезентациями (действие, бездействие, средство, побочный результат), осуществляя вычисления – то, что было обозначено Ф. Кашманом и Л. Янг как «базовая модель». С их точки зрения, в действительности («производная модель») основу моральных суждений формируют каузальная и интенциональная атрибуция, не являющиеся специфичными для морали: «Комплексные паттерны морального суждения могут быть укоренены в сложных процессах каузальной и интенциональной атрибуции, проходящих через фильтр относительно простых моральных вычислений. Эти разграничения кодируются как эксплицитные моральные правила путем рассуждения *post-hoc*, в равной мере обычного для философов, законодателей и обычных людей» [Cushman & Young, 2011. P. 1071].

Другим моментом в теории Дж. Михаила, подвергающимся критике, является представление об «изолированности» моральной системы, проистекающее из ее модулярного характера. Если моральное познание недоступно для влияний со стороны других систем, то, к примеру, становятся необъяснимыми результаты экспериментов, где было продемонстрировано влияние отвлечения на моральные суждения (см. [Schnall et al., 2008]). Также отмечается, что на моральные суждения оказывают влияние явные убеждения [Dipoux & Jacob, 2007].

Наконец, аргументами против идеи универсальной моральной грамматики являются тезисы о том, что человеческий мозг эволюционировал, скорее, для решения социальных, нежели моральных проблем, а явные параллели между языком и моралью все же отсутствуют – к примеру, мораль не обладает такими свойствами грамматики, как обратимость [Dipoux & Jacob, 2007; Kirchmair, 2017].

Несмотря на оригинальность нативистского, модулярного и «монистического» подхода к морали, теория Дж. Михаила, по всей видимости, не выдер-

живает эмпирической проверки; тем не менее, как было отмечено ранее, отдельные ее положения (к примеру, тезис о построении структурных описаний) представляют интерес и находят свое воплощение в других моделях.

Эволюция критериев?

Как отмечалось выше, изначальные критерии разграничения личностных и безличных дилемм были сочтены неудовлетворительными как самим Дж. Грином, так и рядом других исследователей, что привело к их трансформации, а также появлению альтернативных вариантов классификаций.

Так, Ф. Кашман, Л. Янг и М. Хаузер выделили три моральных принципа, на основе которых происходило решение моральных дилемм [Cushman, Young & Hauser, 2006]:

1. *Принцип действия*: вред, причиненный действием, хуже с моральной точки зрения, чем эквивалентный вред, причиненный бездействием; данный принцип соотносится с явлением «недооценки бездействия» (*omission bias*).
2. *Принцип намерения*: вред, предполагаемый как средство достижения цели, хуже с моральной точки зрения, чем эквивалентный вред, предполагаемый как побочный эффект достижения цели; этот принцип соотносится с доктриной двойного эффекта.
3. *Принцип контакта*: использование физического контакта для причинения вреда жертве хуже с моральной точки зрения, чем причинение эквивалентного вреда жертве без использования физического контакта.

Ф. Кашман, Л. Янг и М. Хаузер отмечают, что принцип контакта недостаточно изучался психологами и философами; хотя в нем есть внешнее сходство с разделением личностных и безличных моральных дилемм, физический контакт, согласно Дж. Грину, никогда не являлся необходимым или достаточным условием для личностной моральной дилеммы. По мнению исследователей, понятия, которые задействовали в своих моделях Л. Колберг (авторитет, сотрудничество и автономия), Дж. Хайдт (страдание, взаимность, иерархия, чистота и групповая идентичность), а также Дж. Грин, «...следует объединить с более подробным анализом таких базовых понятий, как действие, намерение и контакт» [Там же. Р. 1088].

Соответственно, в упоминавшейся выше «производной модели» Ф. Кашмана и Л. Янг основополагающими критериями являются действие/бездействие, средство/побочный результат и физический контакт/отсутствие контакта, опосредуемые каузальной и интенциональной атрибуцией [Cushman & Young, 2011].

Я. Шайх Борг и соавторы также указывали на недостаточность создания или перенаправления вреда для разграничения личностных и безличных ситуаций; так, в случае дилеммы моста актер приближается к жертве. В итоге исследователями были выделены такие факторы, как *последствия* (причинение

вреда), *действие/бездействие* и *намерение*; было выдвинуто предположение, что в основе консеквенциализма, доктрины двойного эффекта и доктрины делания и допущения лежат разные эвристики и разные мозговые механизмы [Schaich Borg et al., 2006].

Сам Дж. Грин ушел от формулы ME HURT YOU к понятию *личной силы* (*personal force*). С его точки зрения, к наиболее общим факторам, обуславливающим разницу в суждениях в ситуации жертвенной моральной дилеммы, можно отнести *намерение*, или *интенциональность* (разграничение между вредом как средством для достижения большего блага и вредом как предвидимым, но «ненамеренным» побочным эффектом достижения большего блага) и *непосредственность*, *личную силу* или *личностный характер* (наличие физического контакта, локус вмешательства, наличие или отсутствие механической опосредованности и т. п.). Как полагает Грин, актер применяет личную силу, когда сила, воздействующая на другого, генерируется его собственными мышцами; применения личной силы не могут быть опосредованы механизмами, высвобождающими или производящими другой вид силы и применяющими его к другому человеку – поэтому выстрел или сбрасывание груза, как в некоторых жертвенных дилеммах, не могут считаться примером задействования личной силы. При этом, согласно полученным эмпирическим данным, вредоносные действия оценивались как менее морально приемлемые, когда к жертве применялась личная сила; кроме того, факторы личной силы и намерения оказываются взаимозависимыми, из чего Дж. Грин делает вывод о существовании системы морального суждения, оперирующей интегрированными репрезентациями целей и личной силы (*цель-в-пределах-достигаемости-личной-силы*) – этот механизм является видом воплощенного познания. По мнению Грина, связь чувства моральной неправильности действия с базовыми двигательными функциями, равно как и фактора намерения с чувствительностью к личной силе, опровергает идеи универсальной моральной грамматики, поскольку в последней остается слишком «мало места» воплощенным репрезентациям [Greene et al., 2009].

Сходным образом, с точки зрения А. Мура и соавторов, к факторам, обуславливающим принятие морального решения, можно отнести *прямой физический контакт* (аналогичный упомянутой выше личной силе), *личный интерес* (вовлеченность или невовлеченность респондента в качестве участника гипотетической ситуации) и *интенциональность* [Moore et. al., 2011].

Й. Людвиг и соавторы также рассматривают в качестве двух наиболее важных переменных концептуализации дилемм *инструментальность вреда* (аналог намерения; вопрос о том, является ли причиняемый вред средством или побочным следствием попытки предотвратить больший вред) и *личную силу* (как роль активности актора в причинении вреда другому человеку в попытках предотвратить больший вред). При этом, как отмечают исследователи, ментальные процессы, ответственные за эффекты инструментальности и личностной силы, оказываются не до конца понятыми – в частности, неясно,

как они соотносятся с избеганием вреда или максимизацией общего блага (деонтологические и утилитаристские варианты поведения). В целом, Й. Людвиг и соавторы противопоставляют «традиционной» модели двойного процесса более «мягкие» варианты, в которых отвергается представление об исключительных связях между аффектом и деонтологией, а также когнитивными процессами и утилитаризмом, равно как и представление о том, что аффективные процессы идут первыми, и где сохраняется предположение о том, что деонтологические суждения преимущественно основаны на аверзивных чувствах по поводу причиняемого вреда, в то время как утилитаристские – на сознательных рассуждениях о максимизации выгоды [Ludwig et al., 2020].

Достаточно интересной представляется попытка классификации дилемм, предложенная Л. Лотто и соавторами: так, используя дилеммы, аналогичные дилеммам моста и вагонетки, исследователи заменяют дихотомию личностных и безличных на *инструментальные* и *случайные*, в соответствии с доктриной двойного эффекта. Они отмечают, что разграничение личностных и безличных дилемм основано на слишком обширных критериях, применимых к большому количеству сценариев, и более того, критерии ME HURT YOU касаются лишь личностных дилемм, оставляя класс безличных крайне расплывчатым в своих границах. Вторым основанием классификации является *вовлеченность* (по аналогии с личным интересом) [Lotto et. al, 2014].

Дж. Кристенсен и Э. Гомила, исчерпывающим образом анализируя особенности экспериментального дизайна в исследованиях с применением моральных дилемм, выделяют три категории параметров: формулировка дилеммы (каким образом представлен сценарий, какой требуется ответ, влияние стиля и формулировок), характеристики участника и концептуализация дилеммы (релевантные с моральной точки зрения элементы, которые характеризуют ситуацию как понятую участником); именно к разделу концептуализации относятся факторы, которые обуславливают разницу в моральных суждениях. Авторы относят к данной категории *интенциональность* (намеренный вред vs. случайный вред, действие vs. бездействие), *тип морального нарушения*, *прямолинейность причиняемого вреда* (личностное vs. безличное, личное расстояние, личная сила), *компромисс*, *нормальность вреда*, *определенность событий* [Christensen & Gomila, 2012]. Соответственно, предложенная ими классификация дилемм основывается на таких концептуальных факторах, как *личная сила* (роль актора в причинении вреда), *выгодоприобретатель*, *избегаемость* причиняемого вреда и *интенциональность* [Christensen et al., 2014].

Примечательно, что в рассмотренных критериях концептуализации не фигурируют такие переменные, как соотношение числа спасенных и погибших, а также вероятность того или иного исхода, которые способны оказывать значительное влияние на выносимое суждение, что соответствует принципам *пороговой деонтологии* – позиции, согласно которой категорические запреты могут быть нарушены, если последствия превышают определенный

порог, долгое время игнорируемой в психологических исследованиях морального познания с применением моральных дилемм [Ryazanov et al., 2023].

Таким образом, временные критерии, предложенные Дж. Грином как отражающие некое «естественное» и «интуитивно понятное» разграничение, подверглись пересмотру, в силу чего прежняя дихотомия уступила место более разнородной картине. Произошло обращение к нормативной этике, в силу чего в качестве критериев классификации дилемм стали задействоваться параметры, апеллирующие к доктрине двойного эффекта (интенциональность, инструментальность), а также доктрине делания и допущения (действие или бездействие). Предложенное понятие личной силы все еще представляется достаточно неопределенным, так как в различных интерпретациях подразумевает наличие контакта, расстояние, активность или даже наличие воплощенного компонента. Вероятно, что и такой вариант выделения критериев окажется не окончательным и в дальнейшем уступит место более частным параметрам; возможен и переход от дискретной к более континуальной картине, а также включение принципов пороговой деонтологии.

Заключение

История разделения моральных дилемм на личностные и безличные во многом примечательна: философские мысленные эксперименты, не предназначенные для проведения эмпирических изысканий, стали тем не менее частью ведущей экспериментальной парадигмы на стыке нейрофизиологических и психологических исследований, постепенно продвигаясь от набора невалидизированных и нестандартизированных ситуаций к состоянию адекватного инструмента.

Идея «мультисистемности», множественности морального познания оказалась продуктивной, и несмотря на неоднократный пересмотр и уточнение характера его процессов (аффективное и когнитивное, автоматическое и сознательное, интуитивное и рациональное или модельно-зависимое и модельно-свободное), остается актуальной и эвристичной. В свою очередь, альтернативные «монистические» подходы, как показывает опыт универсальной моральной грамматики, все же обнаруживают себя не столь состоятельными в контексте объяснения природы морального суждения и обладают недостаточной поддержкой со стороны эмпирических данных, хотя отдельные их положения могут быть непротиворечиво инкорпорированы в «мультисистемные» подходы.

Изначальное спекулятивное и «интуитивное» разделение моральных дилемм на основе субъективных критериев, осуществленное в рамках теории двойного процесса, выполнило свою функцию, поспособствовав привлечению внимания к проблематике механизмов, лежащих в основе морального познания, и постепенно сменяется иным подходом, задействующим более глубокое теоретическое осмысление, а также предполагающим междисциплинарный

синтез на стыке экспериментальной психологии, нейрофизиологии и философии морали – остается лишь выразить осторожную надежду на сохранение тренда на поступательное развитие.

Список литературы

Фёдоров А. А., Злобина М. В. Игра в мораль: связана ли оценка инструментальной пригодности моральных дилемм с их решением // *Reflexio*. 2023. Т. 16. № 1. С. 5–28. <https://doi.org/10.25205/2658-4506-2023-16-1-5-28>

Bauman C. W., McGraw A. P., Bartels D. M., Warren C. Revisiting external validity: Concerns about trolley problems and other sacrificial dilemmas in moral psychology // *Social and Personality Psychology Compass*. 2014. Vol. 8 (9). P. 536–554. <https://doi.org/10.1111/spc3.12131>

Christensen J. F., & Gomila A. Moral dilemmas in cognitive neuroscience of moral decision-making: A principled review // *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*. 2012. Vol. 36 (4). P. 1249–1264. <https://doi.org/10.1016/j.neubio-rev.2012.02.008>

Christensen J. F., Flexas A., Calabrese M., Gut N. K., & Gomila A. Moral judgment reloaded: A moral dilemma validation study // *Frontiers in Psychology*. 2014. Vol. 5. Article 607. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2014.00607>

Crockett M. J. Models of morality // *Trends in cognitive sciences*. 2013. Vol. 17 (8). P. 363–366. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2013.06.005>

Cushman F. Action, outcome, and value: a dual-system framework for morality // *Personality and social psychology review : an official journal of the Society for Personality and Social Psychology, Inc.* 2013. Vol. 17 (3). P. 273–292. <https://doi.org/10.1177/1088868313495594>

Cushman F., & Young L. Patterns of moral judgment derive from nonmoral psychological representations // *Cognitive science*. 2011. Vol. 35 (6). P. 1052–1075. <https://doi.org/10.1111/j.1551-6709.2010.01167.x>

Cushman F., Young L., & Hauser M. The role of conscious reasoning and intuition in moral judgment: testing three principles of harm // *Psychological science*. 2006. Vol. 17 (12). P. 1082–1089. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2006.01834.x>

Dupoux E., & Jacob P. Universal moral grammar: a critical appraisal // *Trends in cognitive sciences*. 2007. Vol. 11 (9). P. 373–378. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2007.07.001>

Ellemers N., van der Toorn J., Paunov Y., & van Leeuwen T. The Psychology of Morality: A Review and Analysis of Empirical Studies Published From 1940 Through 2017 // *Personality and social psychology review : an official journal of the Society for Personality and Social Psychology, Inc.* 2019. Vol. 23 (4). P. 332–366. <https://doi.org/10.1177/1088868318811759>

Foot P. The Problem of Abortion and the Doctrine of Double Effect // *Oxford Review*. 1967. Vol. 5. P. 5–15.

Greene J. D. Dual-process moral judgment beyond fast and slow // *The Behavioral and brain sciences*. 2023. Vol. 46. e123. <https://doi.org/10.1017/S0140525X22003193>

Greene J. D. Dual-process morality and the personal/impersonal distinction: A reply to McGuire, Langdon, Coltheart, and Mackenzie // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2009. Vol. 45 (3). P. 581–584. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2009.01.003>

Greene J. D., Cushman F. A., Stewart L. E., Lowenberg K., Nystrom L. E., & Cohen J. D. Pushing moral buttons: the interaction between personal force and intention in moral judgment // *Cognition*. 2009. Vol. 111 (3). P. 364–371. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2009.02.001>

Greene J. D., Nystrom L. E., Engell A. D., Darley J. M., & Cohen J. D. The neural bases of cognitive conflict and control in moral judgment // *Neuron*. 2004. Vol. 44 (2). P. 389–400. <https://doi.org/10.1016/j.neuron.2004.09.027>

Greene J. D., Sommerville R. B., Nystrom L. E., Darley J. M., & Cohen J. D. An fMRI investigation of emotional engagement in moral judgment // *Science* (New York, N.Y.). 2001. Vol. 293 (5537). P. 2105–2108. <https://doi.org/10.1126/science.1062872>

Haidt J. The emotional dog and its rational tail: A social intuitionist approach to moral judgment // *Psychological Review*. 2001. Vol. 108 (4). P. 814–834. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.108.4.814>

Kirchmair L. Morality between nativism and behaviorism: (Innate) intersubjectivity as a response to John Mikhail's "universal moral grammar" // *Journal of Theoretical and Philosophical Psychology*. 2017. Vol. 37 (4). P. 230–260. <https://doi.org/10.1037/teo0000067>

Lotto L., Manfrinati A., & Sarlo M. A new set of moral dilemmas: Norms for moral acceptability, decision times, and emotional salience // *Journal of Behavioral Decision Making*. 2013. Vol. 27 (1). P. 57–65. <https://doi.org/10.1002/bdm.1782>

Ludwig J., Reizenzein R., & Hiemisch A. Effects of instrumentality and personal force on deontological and utilitarian inclinations in harm-related moral dilemmas // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01222>

McGuire J., Langdon R., Coltheart M., & Mackenzie C. A reanalysis of the personal/impersonal distinction in moral psychology research // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2009. Vol. 45 (3). P. 577–580. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2009.01.002>

Mikhail J. Emotion, Neuroscience, and Law: A Comment on Darwin and Greene // *Emotion Review*. 2011. Vol. 3 (3). P. 293–295. <https://doi.org/10.1177/1754073911406150>

Mikhail J. Universal moral grammar: Theory, evidence and the future // *Trends in Cognitive Sciences*. 2007. Vol. 11 (4). P. 143–152. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2006.12.007>

Moore A. B., Clark B. A., & Kane M. J. Who shalt not kill? Individual differences in working memory capacity, executive control, and moral judgment // *Psy-*

chological science. 2008. Vol. 19 (6). P. 549–557. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2008.02122.x>

Moore A. B., Lee N. Y. L., Clark B. A. M., & Conway A. R. A. In defense of the personal/impersonal distinction in moral psychology research: cross-cultural validation of the dual process model of moral judgment // *Judgment and Decision Making*. 2011. Vol. 6. P. 186–195.

Ryazanov A. A., Wang S. T., Nelkin D. K., McKenzie C. R. M., & Rickless S. C. Beyond killing one to save five: Sensitivity to ratio and probability in moral judgment // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2023. Vol. 108. P. 1–13. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2023.104499>

Schaich Borg J., Hynes C., Van Horn J., Grafton S., & Sinnott-Armstrong W. Consequences, action, and intention as factors in moral judgments: an fMRI investigation // *Journal of cognitive neuroscience*. 2006. Vol. 18 (5). P. 803–817. <https://doi.org/10.1162/jocn.2006.18.5.803>

Schnall S., Haidt J., Clore G. L., & Jordan A. H. Disgust as embodied moral judgment // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2008. Vol. 34 (8). P. 1096–1109. <https://doi.org/10.1177/0146167208317771>

Thomson J. J. Killing, Letting Die, and The Trolley Problem // *The Monist*. 1976. Vol. 59 (2). P. 204–217.

Vezirian K., Sarda E., Bègue L., Laine P.-J., & IJzerman H. “Black-and-white” thinking: Does visual contrast polarize moral judgment? Independent replications and extension of study 1 // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2025. Vol. 117. 104712. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2024.104712>

References

Fedorov A. A., Zlobina M. V. (2023). Igra v moral': svyazana li otsenka instrumental'noi prigodnosti moral'nykh dilemm s ikh resheniem [The Morality Game: Is the Evaluation of the Instrumental Utility of Moral Dilemmas Related to Decision Outcomes]. *Reflexio*, 16(1), 5–28. (In Russ.) <https://doi.org/10.25205/2658-4506-2023-16-1-5-28>

Bauman, C. W., McGraw, A. P., Bartels, D. M., & Warren, C. (2014). Revisiting external validity: Concerns about trolley problems and other sacrificial dilemmas in moral psychology. *Social and Personality Psychology Compass*, 8(9), 536–554. <https://doi.org/10.1111/spc3.12131>

Christensen, J. F., & Gomila, A. (2012). Moral dilemmas in cognitive neuroscience of moral decision-making: A principled review. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, 36(4), 1249–1264. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2012.02.008>

Christensen, J. F., Flexas, A., Calabrese, M., Gut, N. K., & Gomila, A. (2014). Moral judgment reloaded: A moral dilemma validation study. *Frontiers in Psychology*, 5, Article 607. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2014.00607>

Crockett, M. J. (2013). Models of morality. *Trends in cognitive sciences*, 17(8), 363–366. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2013.06.005>

Cushman, F. (2013). Action, outcome, and value: a dual-system framework for morality. *Personality and social psychology review : an official journal of the Society for Personality and Social Psychology, Inc.*, 17(3), 273–292. <https://doi.org/10.1177/1088868313495594>

Cushman, F., & Young, L. (2011). Patterns of moral judgment derive from nonmoral psychological representations. *Cognitive science*, 35(6), 1052–1075. <https://doi.org/10.1111/j.1551-6709.2010.01167.x>

Cushman, F., Young, L., & Hauser, M. (2006). The role of conscious reasoning and intuition in moral judgment: testing three principles of harm. *Psychological science*, 17(12), 1082–1089. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2006.01834.x>

Dupoux, E., & Jacob, P. (2007). Universal moral grammar: a critical appraisal. *Trends in cognitive sciences*, 11(9), 373–378. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2007.07.001>

Ellemers, N., van der Toorn, J., Paunov, Y., & van Leeuwen, T. (2019). The Psychology of Morality: A Review and Analysis of Empirical Studies Published From 1940 Through 2017. *Personality and social psychology review : an official journal of the Society for Personality and Social Psychology, Inc.*, 23(4), 332–366. <https://doi.org/10.1177/1088868318811759>

Foot, P. (1967) The Problem of Abortion and the Doctrine of Double Effect. *Oxford Review*, 5, 5-15.

Greene, J. D. (2023). Dual-process moral judgment beyond fast and slow. *The Behavioral and brain sciences*, 46, e123. <https://doi.org/10.1017/S0140525X22003193>

Greene, J. D. (2009). Dual-process morality and the personal/impersonal distinction: A reply to McGuire, Langdon, Coltheart, and Mackenzie. *Journal of Experimental Social Psychology*, 45(3), 581–584. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2009.01.003>

Greene, J. D., Cushman, F. A., Stewart, L. E., Lowenberg, K., Nystrom, L. E., & Cohen, J. D. (2009). Pushing moral buttons: the interaction between personal force and intention in moral judgment. *Cognition*, 111(3), 364–371. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2009.02.001>

Greene, J. D., Nystrom, L. E., Engell, A. D., Darley, J. M., & Cohen, J. D. (2004). The neural bases of cognitive conflict and control in moral judgment. *Neuron*, 44(2), 389–400. <https://doi.org/10.1016/j.neuron.2004.09.027>

Greene, J. D., Sommerville, R. B., Nystrom, L. E., Darley, J. M., & Cohen, J. D. (2001). An fMRI investigation of emotional engagement in moral judgment. *Science (New York, N.Y.)*, 293(5537), 2105–2108. <https://doi.org/10.1126/science.1062872>

Haidt, J. (2001). The emotional dog and its rational tail: A social intuitionist approach to moral judgment. *Psychological Review*, 108(4), 814–834. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.108.4.814>

Kirchmair, L. (2017). Morality between nativism and behaviorism: (Innate) intersubjectivity as a response to John Mikhail's "universal moral grammar". *Journal of Theoretical and Philosophical Psychology*, 37(4), 230–260. <https://doi.org/10.1037/teo0000067>

Lotto, L., Manfrinati, A., & Sarlo, M. (2013). A new set of moral dilemmas: Norms for moral acceptability, decision times, and emotional salience. *Journal of Behavioral Decision Making*, 27(1), 57–65. <https://doi.org/10.1002/bdm.1782>

Ludwig, J., Reisenzein, R., & Hiemisch, A. (2020). Effects of instrumentality and personal force on deontological and utilitarian inclinations in harm-related moral dilemmas. *Frontiers in Psychology*, 11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01222>

McGuire, J., Langdon, R., Coltheart, M., & Mackenzie, C. (2009). A reanalysis of the personal/impersonal distinction in moral psychology research. *Journal of Experimental Social Psychology*, 45(3), 577–580. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2009.01.002>

Mikhail, J. (2007). Universal moral grammar: Theory, evidence and the future. *Trends in Cognitive Sciences*, 11(4), 143–152. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2006.12.007>

Mikhail, J. (2011). Emotion, Neuroscience, and Law: A Comment on Darwin and Greene. *Emotion Review*, 3(3), 293–295. <https://doi.org/10.1177/1754073911406150>

Moore, A. B., Clark, B. A., & Kane, M. J. (2008). Who shalt not kill? Individual differences in working memory capacity, executive control, and moral judgment. *Psychological science*, 19(6), 549–557. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2008.02122.x>

Moore, A. B., Lee, N. Y. L., Clark, B. A. M., and Conway, A. R. A. (2011). In defense of the personal/impersonal distinction in moral psychology research: cross-cultural validation of the dual process model of moral judgment. *Judgment and Decision Making*, 6, 186–195.

Ryazanov, A. A., Wang, S. T., Nelkin, D. K., McKenzie, C. R. M., & Rickless, S. C. (2023). Beyond killing one to save five: Sensitivity to ratio and probability in moral judgment. *Journal of Experimental Social Psychology*, 108, 1–13. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2023.104499>

Schaich Borg, J., Hynes, C., Van Horn, J., Grafton, S., & Sinnott-Armstrong, W. (2006). Consequences, action, and intention as factors in moral judgments: an fMRI investigation. *Journal of cognitive neuroscience*, 18(5), 803–817. <https://doi.org/10.1162/jocn.2006.18.5.803>

Schnall, S., Haidt, J., Clore, G. L., & Jordan, A. H. (2008). Disgust as embodied moral judgment. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 34(8), 1096–1109. <https://doi.org/10.1177/0146167208317771>

Thomson, J. J. (1976). Killing, Letting Die, and The Trolley Problem. *The Monist*, 59(2), 204–217.

Vezirian, K., Sarda, E., Bègue, L., Laine, P.-J., & IJzerman, H. (2025). "Black-and-white" thinking: Does visual contrast polarize moral judgment? Independent

replications and extension of study 1. *Journal of Experimental Social Psychology*, 117, 104712. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2024.104712>

Сведения об авторах

Шабалин Алексей Павлович, старший преподаватель кафедры психологии личности Института медицины и психологии им. Зельмана Новосибирского государственного университета, младший научный сотрудник Междисциплинарного центра прикладного анализа поведения ИМПЗ НГУ
Scopus Author ID 57206893194
AuthorID RSCI 1002509

Information about the Author

Alexey P. Shabalin, Senior Lecturer of the Section of Personality Psychology of the V. Zelman Institute for the Medicine and Psychology of Novosibirsk State University, Junior Researcher of the Center for Behavior Analysis at Novosibirsk State University
Scopus Author ID 57206893194
AuthorID RSCI 1002509

Материал поступил в редколлегию 19.05.2025
The article was submitted 19.05.2025

Научная статья

УДК 159.9

DOI 10.25205/2658-4506-2024-17-1-62-76

**Psychological Transformations based on Ideals
and Representations of the Self,
Expressed in “Humorous-Formative” Graphic Literature**

Alfredo Bautista-Banos¹

Olga N. Pervushina²

Ekaterina M. Kobal³

^{1,2,3} Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ Universidad de las Américas Puebla.
San Andrés Cholula, Mexico

¹ draba2003@hotmail.com,

² olgap7@yandex.ru,

³ e.koval@g.nsu.ru

Abstract

The literary genre “Bildungsroman,” also known as the coming-of-age novel or educational-formative novel, in the form of “*Bildungsroman*” graphic stories is addressed in this research. We are interested in the importance of constructing utopian versus dystopian visions of the world, with their resulting emotions and feelings that arise from the “hero’s/heroine’s” struggles against antagonistic events and circumstances resulting from own personal experiences and impulses. The reader-spectator will be shown how these narratives are technically and artistically expressed in humorous, satirical, or comical ways. Our working hypothesis is that this literary genre effectively demonstrates psychological realities and circumstances with which the reader-spectator can identify by becoming involved in idealized scenarios, developing and transforming awareness, as well as improving a self-esteem. Educational-formative humorous graphic novels acquire the status of “clinical-pedagogical instruments” since they open, for clinicians and non-professional audiences, the possibility of a deep understanding of critical periods of development, as well as the steps to follow in order to enhance next stages of mental and psychological growth.

Key words

Adolescent Narratives, Bildungsroman, Humorous Graphic Novel, Literary Science, Aesthetics, Psychoanalysis of Adolescent, Young Adult Discourse

© Бауттиста-Банос А., Первушина О. Н., Коваль Е. М., 2024

For citation

Bautista-Banos A., Pervushina O. N., Kobal E. M. P. Psychological transformations based on ideals and representations of the self, expressed in “humorous-formative” graphic literature. *Reflexio*, 2024, vol. 17, no. 1, pp. 62–76. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2024-17-1-62-76

**Психологические трансформации, основанные на идеалах
и представлениях о себе,
выраженные в «юмористически-формирующей»
графической литературе**

**Альфредо Бауттиста-Банос¹
Ольга Николаевна Первушина²
Екатерина Максимовна Коваль³**

^{1, 2, 3}Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹Сан-Андрес-Чолула, Мексика

¹draba2003@hotmail.com,

²olgap7@yandex.ru,

³e.koval@g.nsu.ru

Аннотация

Мы подходим к литературному жанру «Bildungsroman», также известному как роман «выход из возраста», в котором мы находим образовательно-формирующие графические истории. В этом исследовании мы занимаемся значимостью построения утопических и антиутопических видений мира с его вытекающими эмоциями и чувствами, которые возникают из борьбы героя/героини с антагонистическими событиями и обстоятельствами. Зрителю-читателю будет показано, как эти повествования технически и художественно выражены в юмористических, сатирических или комических способах. Наша рабочая гипотеза заключается в том, что этот жанр литературы эффективно демонстрирует психологические реальности и обстоятельства, с которыми читатель-зритель отождествляет себя, вовлекаясь в идеализированные образы, развивая и трансформируя критерии, а также самообладание. Аналогичное явление можно также наблюдать в японских мангах вместе с так называемыми «видеоиграми». Юмористические графические образовательно-формирующие романы приобретают статус «клинико-педагогических инструментов», поскольку открывают для врачей и непрофессиональной аудитории возможность понимания шагов, которые необходимо предпринять для перехода на следующую стадию психического и психологического развития.

Ключевые слова

юмор, подростковые рассказы, роман воспитания, юмористический графический роман, литературоведение, эстетика, психоанализ подросткового и юношеского дискурса

Для цитирования

Бауттиста-Банос А., Первушина О. Н., Коваль Е. М. Психологические трансформации, основанные на идеалах и представлениях о себе, выраженные в «юмористиче-

ски-формирующей» графической литературе // Reflexio. 2024. Т. 17. № 1. С. 62–76.
DOI 10.25205/2658-4506-2024-17-1-62-76

1. Introduction and Purpose of the Study

The investigation of affects and emotions resulting from human interrelations related to adolescent and early youth narratives, both those corresponding to their initial period of emergence and their persistence and extension into later stages of development, has been a particular topic of our previous interest (Bautista, 2023, 2025). Specifically, we have focused on the study of “conceptual art.” Therefore, our observations have led us to recognize the great potential this style has for understanding deep psychological issues at the social and community level, as well as for increasing our capacities for perception, sensitivity, and individual approach, that are necessary in the professional practice of psychology, among other sciences.

The use of humorous and caricature-like devices, as well as jokes, has been characteristic of various art styles as well, ranging from avant-garde movements such as Surrealism, Cubism, Dadaism, Fauvism, Pop Art, especially Conceptual Art, among others, to the so-called “outsider” artistic expressions, characteristic of marginalization and mental illness. In this sense, the art of children and some adolescents is also generally considered “outsider art.” Therefore, in most of these aforementioned expressions, regardless of their medical-psychiatric, diagnostic-psychological, or artistic-aesthetic meaning and interpretation, we find comedy and humor as relevant characteristics.

In order to follow up on the line raised above, we propose an investigation of the literary version that we believe corresponds to the aforementioned contemporary style, which can be found within the “Bildungsroman” genre. In this way, we construct our universe of study based on the variant known as the “graphic novel”, to which we can add the terms: “humorous-formative.” Our justification is grounded in the fact that when the researcher has access to empirical material that displays a cartoonish visual language intertwined or coupled with every day “speech genres” (Bakhtin, 1986), the possibility opens up for new analyses and interpretations related to transformations of adolescent narratives, from scientific and aesthetic disciplines. This offers, in particular, knowledge of great clinical-diagnostic, didactic-pedagogical, and therapeutic-preventive utility, since, at the level of sensitivity and emotions, it allows us to approach both the individual-personal and the group-community levels. The objective of this study has led us to clarify, understand, and “listen” to the essential characteristics concerning aspirations, shortcomings, needs, and affective/emotional difficulties characteristic of narratives related to the developmental period in question. Our task also leads us to detect and recognize obstacles through the presence versus absence of “internal dialogues,” induced in the viewer-reader both by the structure and assembly of the “humorous-formative” graphic text and by the symbolic-narrative content.

Our psychoanalytic working hypothesis proposes that the viewer-reader, by protectively identifying with the role of the imaginary “protagonist” acting in a

specific realistic comic scenario, finds a path to knowledge about pleasurable instinctual expressions, as well as internal readjustment in relation to ideals and self-representations. We believe that the latter emerge as a result of contact and communication with present or past self-referential experiences, evoked in memory preconsciously, from an interrelationship between the text's "humorous" content and its "visual-graphic" structure. A literary review of the genre leads us to assume that both elements belong to the formative narrative breakdown characteristic of the "Bildungsroman" literary style, resulting in the emotional interaction between the work, the reader, and the viewer. We believe that, in a similar sense, "Japanese manga," or even certain types of video games, would also fall within this type of artistic expression corresponding to contemporary cultural discourse. The implicit purpose of these artistic manifestations, in this case literary, is to offer the reader-spectator both ways of recognizing, discharging, diverting or concealing instinctive and affective aspects, as well as possibilities of repair and construction of alternatives, thus establishing a differentiation between one's own world and the collective imagination, in its "utopian" versus "dystopian" conception.

2. Methodology and operationalization of the study

2.1. Case study and analysis: Using various methodological and interpretive criteria, we have proposed the graphic novel "*Rules of School Survival*" by Russian-Canadian writer Esvelana Shmakova (Mig comics. Mann, Ubanof, and Ferder. Moscow, 2023, 4th edition) as a "case study." We establish five axes for analysis and interpretation:

A) Analysis of narrative technique and structure (form analysis method) (Bautista, 2025; Reiche, 2001, 2011; Oevermann, 1993).

B) Analysis of intercultural and psychoethnographic characteristics (Erdheim, 1985).

C) Analysis of the dynamics of socialization and group and intergenerational interrelations (group analysis, dialogue, and scenic reconstruction methods) (Lorenzer, 2010).

D) Analysis of the protagonist's characteristics and construction of identity and emotions (psychoanalytic psychological analysis method: drives, desires, fantasies, and feelings expressed in self-representations) (Bion, 1959; Freud, 2013; 2017; Klein, 1937).

E) Idealizations and representations of the hero (literary analysis method, hero resources, renunciations, and negotiations). (Koval, 2018; Sumalla, 2003)

3. Architecture of the novel

3.1. Description of the structure and technique: The work consists of 210 color pages, a description of color resources be provided in the following section. In order to give greater emphasis to our method, we have concentrated our analysis on the first chapter, which runs from pages 5 to 36 and contains a total of

172 frames or panels distributed across 5 or 6 panels located on three levels on each page. Regarding the dialogues expressed in written language, these present multiple variations in dimensions, typography, and location within each panel, as well as in each indication referring to auditory or sound expressions. It is also worth noting the frequent introduction of “silent” panels, either empty or with figures, which function as connectors and are a means of representing strong emotions graphically and symbolically. On the other hand, we can observe that the graphic representations of vocal and auditory manifestations, such as “screams,” “exclamations of surprise,” “joy,” “anger,” and “laughter,” as well as “external noises” from the performance areas, are freely distributed within or outside the texts, sometimes spanning several panels, and with different sizes and colors in the corresponding frames. The written language related to the author’s “narrative self,” expressed in “explanations” or “comments” explaining the development of the drama, is found printed within small squares located on the sides, above, or below the panels, their location is been shared with the representation of the instructions issued by someone who represents an “authority” voice within the scenes, although in each case the use of specific fonts stands out, as mentioned. Regarding the representation of spoken dialogue, that is, the written language that represents the verbalizations or sounds emitted by the characters, the author uses the natural resource of any graphic novel, humorous literature, or even traditional comics, i.e. printed letters inside “balloons.” Regarding the latter, we see them freely placed within the panels and connected to the protagonists who deliver the dialogue, linguistic expressions, as well as acoustic noises.

3.2. Description of the visual artistic work: Because this is a graphic novel, the drawings of the characters are depicted in a caricature-like manner. However, mostly pencil drawings preserve the image of real adolescents, except on brief occasions when they have been designed with distorted shapes. In such cases, they show exaggerated facial or body features, enlarged or diminished in relation to the actual proportions of the adolescents’ changing bodies. The artistic drawings of the characters have been designed with realistic colors in terms of skin tones and designs of clothing remaining as such throughout the novel. The artist-author consistently uses basic colors such as violet, brown, and briefly blue, giving them different shades, while all the designs are done on a white background. Only on a few occasions are the aforementioned colors mixed, resulting in a touch of tuché or soft pink. It is striking that “bright” colors or those regularly known for expressing strong emotions are almost absent, such as green, orange, yellow, deep navy blue, etc. The latter mentioned were practically excluded from the novel, except for pages 58-61, where they display a marked difference due to the author’s introduction of a rich multicolored palette in the design of the forms. As we will see later, this use of color becomes a representative element of the affective and emotional aspects that impact and emotionally involve the viewer-reader because they form an important part of satire and self-reference.

4. Development of the Drama

4.1. Location of the Space. The drama takes place within a high school with modern buildings, where classrooms, laboratories, a library, hallways, courtyards, and gardens leading to the school and other buildings can be seen. Eventually, the artist shows us drawings of an archaeological museum, as well as an urban setting with some streets and single-family homes in the neighborhood near the school, which maintain a Californian, middle-class Canadian architectural style.

4.2. Description and Characteristics of the Main Characters

A) Penelope Torres. “Peppi,” as her friends at school call her, is the main protagonist or “heroine.” She is a girl who is depicted as having a slim, petite body, still with traces of childlike and delicate features. Apparently, based on her last name, she comes from a Latin American family or has such family background. She has dark hair and wears her medium-length hair in a ponytail. “Peppi” was transferred to a new school. At the beginning of the drama, she is introduced as a girl quite concerned about the first impression she will have to make on her classmates. She appears friendly and cooperative, although she also expresses discomfort and anxiety, wanting to correct her mistakes and establish and maintain optimal contact with her classmates. From the beginning of the novel, we see “Peppi” as a girl who appears shy and somewhat clumsy, but on the other hand, she is proactive and sincere, ashamed of what she considers “mistakes,” which she sincerely intends to correct. It is striking that throughout the novel, “Peppi” gradually changes her behavior in the scenario described by the author, to the point where she becomes the leader of the group, being able to display creativity and initiative and “saves” her group from a “disaster,” thus taking on the role of an “epic heroine.”

B) Jaime Thomson. This boy has similar physical characteristics to “Peppi,” and his body reflects his developmental stage. Jaime is small and thin, and is considered as the “nerd” of his group, based on the fact that he is always reading a book and appears to be shy and quiet. Regarding his peer group, he is part of the “scientists” group and actively participates in the team’s proposals. He eventually meets “Peppi,” whom he sees as a great companion, and with whom later in the drama he establishes a friendly relationship outside of school, including with Peppi’s family.

C) Miss Tobins (Miss Ti). She is a member of the school’s teaching staff, runs the science lab, and enjoys riding motorcycles, which makes her appear rebellious and youthful. However, she has a strong character, is determined, and plays her role of authority firmly and confidently, denoting great satisfaction with her work as a science teacher. She maintains a supportive and protective relationship with “Peppi,” finding ways to recognize and value her ideas.

D) Mr. Ramírez. He is a member of the school’s teaching staff and is in charge of coordinating the art club. He is apparently a man of Latino origin whose sincere demeanor shows great concern for his students’ academic performance, to the point of resorting to obsessive behavior, which in some ways hinders the group’s per-

formance. He is a character who expresses his emotions dramatically; he takes his group's failures personally, although his students view his reactions with respect, as he provides sufficient support and empathy for the group's sentiments.

E) The members of the art club. This is a group of students to which "Peppi" belongs, with whom she finds common ground and interests due to their shared interest in drawing, painting, and the arts in general. The protagonists and participants of this group develop cooperation with the support of a leader who is proactive and quite directive, thus developing important group synergies to meet the required levels of competition and participation. Among its participants are other girls with whom "Peppi" begins to establish relationships of intimacy, trust, and friendship.

F) The members of the natural sciences club. This is a group of students who maintain a level of competition, even rivalry, sometimes exaggerated, towards the members of the drawing club. Its main representatives are "Derek" and "Ashiek," two boys who struggle to control their impulsiveness. They engage in activities that break the rules and affect the general coexistence of the students. For this reason, they frequently require the establishment of limits, both by their coordinator, Miss Tobins, and by the additional group members.

5. Narrative Sequence

5.1. Chapter One

For reasons that are not explained, "Peppi" (the heroine) arrives for the first time at Beribrook Middle School, having transferred from another school. In the first scene, on the first day, during the first hour of school, "Peppi" suffers an unfortunate incident: she trips and falls heavily to the floor, having dropped her school supplies. This is the cause of intense ridicule from the boys and girls around her. Jaime Thomson, the "nerdy" boy at school, who has apparently also been the target of ridicule before, comes to her aid. (see: figure No. 1) When "Peppi" receives Jaime's help, she panics when she hears the laughter and mocking expressions about her, feeling extremely ashamed, so she categorically rejects her classmate and quickly flees the scene of the embarrassing incident. However, in subsequent scenes, we see "Peppi" reflect on her behavior during her fall, deciding to secretly apologize to him, though, without finding the right opportunity to do so and acting with great embarrassment and evasiveness throughout. She finally manages to meet Jaime face to face during an extracurricular tutoring session for his biology class assignment proposed by Miss Tu, although it will not be until later (Chapter 3) that "Peppi" will face her own shame by offering the long-awaited apology. Meanwhile, returning to the continuity of the scenes from the first chapter, we see that, in the classroom of the art group, which "Peppi" has now joined, a great commotion arises, since, this year, its members have been notified that they have been surpassed in performance by the natural sciences group. However, the art team, supported by Mr. Ramirez, and guided by the efficient school leader "Maribela," confidently promotes group motivation, maintaining high spirits and optimism. The group is now committed to

carry out a “comic book” project; a proposal that will be entered into the upcoming school festival. (End of chapter)

Fig. 1 (Page # 5)

Fig. 2 (Page # 60)

Fig. 3 (Page # 209)

Annotation. As a summary of the following chapters (2–5), the protagonist gradually overcomes her deep fears of rejection and distancing from her peers, as well as the psychological resistance to afford necessary confidence and trust in her-

self. Finally, by establishing alliances with both peers and female authority figures, she primarily manages to get rid of the aforementioned emotional obstacles, leading to proposals for group integration. She takes on the role of leader, replacing the former one who suddenly leaves the school, thus “Peppi” manages to make proposing collaborative work, creating alliances, and carrying out activities related to sensitivity and creativity as well.

6. Analysis and Interpretation

6.1. General Aspects: The book “Rules of Survival” deals with the difficulties a pre-adolescent girl faces in dealing with the problems that arise when she joins her peer group in a new school environment. From the first panels, the author manages to show the characteristics of adolescent emotions, allowing the reader to see the world through the eyes of the main character. For the latter, what is most important is her adaptation to her new school, which is why she tries to integrate into the new group, living according to the rules that the group has automatically and unconsciously developed, but feeling vulnerable. The importance of a successful school life, according to the heroine’s perspective, is evident in the emotional experiences related to the successes and failures that must occur when learning and following the series of “unwritten and unspoken” rules; therefore, going to school becomes “a fight for survival,” as the book’s title suggests.

The heroine experiences an internal struggle within herself: the preservation of individuality as well as belonging to a peer group. We can see in “Peppi,” a strong impulse to belong that emerges; that is, she expresses an intense desire to see her individuality projected by being part of a group that coincides with her interests. “Peppi” places great importance on her participation within the group, to the point that she is herself forced to reject the boy who approaches for giving help, succumbing to the scorn and laughter of her peers, according to the story. For “Peppi,” survival lies in recognizing and being recognized as assertive and proactive, something she finally achieves at the end of the novel. However, the integration she strives for from the beginning of the drama is not without great suffering. In order to avoid her fears of not being accepted by her peers, she resorts to a measure of rejection. Faced with this matter, “Peppi” must struggle for a time with intense shame, as well as feelings of guilt and confusion. It is at this moment that the heroine learns for the first time to confront her still-childish fears of rejection and abandonment.

6.2. The ideals seen throughout the technique representations. By graphically presenting the figures of several characters in their early adolescence, the author-artist draws our attention to the fact that, the figures of the protagonists remain without substantial physical modifications during the period covered, that is, without apparently bodily transformations. Despite the fact that, as we know, during the aforementioned stage, changes sometimes arise in surprising and frequent ways, for example, in bodily aspects: girls begin to glimpse the plane of feminine beauty, whilst in boys, changes in hearing and voice, among other substantial ones, appear

more prominently (Bloss, 1983). We believe that by showing the characters without major physical changes, the author's intention is to provide the reader-spectator with an image with which identification and emotional involvement can occur through the visual repetition of the figures. It is as if, on the one hand, we were seeing the same painting repeatedly, while on the other, the development of the scenes seen in the narrative breakdown became referential, meaning that the reader-spectator recognizes similar experiences. Furthermore, the psychological atmosphere of confusion evoked by the sequence of dialogues, in which we can witness negative and threatening emotions such as intimidation, rivalry, frustration, deception, and betrayal, among others, related to group dynamics, causes the reader-spectator to see him/herself as just another participant in the teams' attempts at organization. In this sense we – as probable involved participants- also develop the expectation that cooperation among team members will eventually manifest itself in creative behaviors and group synergy. In this way, the interrelation between the visual design and the unfolding drama achieves a point of equilibrium and balance, with the continuous presence of the figure drawings, rendered consistently within a single format and figures, mixed with the vitality, emotionality, and dramatic intensity of the scenes.

The above argument is strongly linked to the use of the color palette, whose continuity and chromatic expression are preserved unchanged throughout the narrative drama. The aforementioned discoloration, seen in dull, dry tones and shades, lacking in brightness or luminosity, is manifested, for example, in the fact that it is impossible to determine what year's season the scenes correspond to, as well as what colors prevail in the "painting studio" too. Continuing this line of thought regarding the author-artist's use of color, the protagonist—"Peppi"—has a moment of "flight" or "psychological evasion" when, in a museum, a scientist-adventurer presents his research's results. "Peppi" becomes immersed and involved, through a great deal of imagination and fantasy, in the conception of an imaginary and idyllic situation, remaining in absolute abstraction, as well as noticeably removed from her present and real location. Precisely at that moment, supported by the artist-author's technical handling, we observe that "Peppi's" world acquires alternative tones, colors, and brightness, artistically combined (see figure No. 2). The latter turns out to be a symbolic example of the possibilities of reaching a longed-for utopian dimension, precisely of an ideal and a self-representation, in relation to the change she yearns for in the future. As we have stated elsewhere (Bautista, 2025) a "nostalgia for the future" has been shown in this scenery from which the adolescent girl attempts to build her path; based on this ideal fantasy, the little heroine expresses with great astonishment: "*Can a person really see all this?!*" (p. 62, panel no. 1). Evidently, the developmental process proposed by the literary theory of hero transformation, as well as theoretical experience, suggests that "Peppi" will gradually have to negotiate, adapt to, and manage (Koval, 2018) her current circumstances in order to find her identity, that is, the transformation for a future, mature life.

6.3. Affects and Emotions. In relation to the intercultural aspects raised in the novel, some intercultural characteristics are striking, for instance, the surname of

the protagonist and that of the art group director. In addition, the latter expresses himself physically and verbally in a rather emotional and sensitive manner with his students, similar to the emotional expressions of so-called “warm cultures.” Both surnames appear to come from a family tree of Hispanic origin. Likewise, we see female figures covered in hijab, a garment typically worn by Muslim women, with their hair and part of their neck covered. The remarks regarding surnames and garments are quite significant in a multicultural society such as Canadian. Our comment in this regard is directed at the fact that “Peppi” arrives at a new school after transferring from another school. We therefore assume that in this case, this is a covert projection of the book’s author-artist, who, according to the information gathered in her profile and biographical data, emigrated from the Russian Federation to Canada still being a teenager, similar to that of the characters presented.

Our hypothesis leads us to assume that the author experienced the process of adaptation and integration in the new country after have been transferred from a Russian school to a Canadian one. Therefore, if this was the case, she undoubtedly experienced the vicissitudes and details expressed by her main character in the novel regarding learning the “*rules of survival*” both in a new school and a new country. Our on the psychological effects related to emigration leads us to understand different phases that range from the initial idealization phase that arose before emigration, to the phase of “culture shock” upon arrival at the new place of residence, the purpose and motivation being to achieve cultural adaptation and integration through the use of coping mechanisms, contrary to the neurotic mechanisms that would lead to isolation and loneliness, among others. In this sense, the affective reactions that must be processed psychologically to varying degrees largely have to do with the sadness and nostalgia for one’s roots that prevail in the country of origin (Bautista, 1989), which, as we know, is none other than the country of childhood, which is full of great meanings based on early emotional ties. If we accept our assumption regarding the author-artist’s origin and emigration as valid, the novel’s drama turns out to be an excellent autobiographical example related to the emotional and affective experiences following the writer’s separation from her original roots, as well as to her efforts to reestablish internal order during a stage of psychosexual development in which personality development is destined to seek internal rearrangement and order on the psychophysiological, mental-cognitive, familial, and especially the socialization levels necessary for the establishment of social identity, as mentioned above. In short, the author-artist presents with excellent results through an autobiographical satire the confrontation and experiences related to a dual process: that of an adolescent narrative on the one hand, and on the other, the separation from the country of origin. Both procedures are linked to internal movements of change and transformation (see: figure No. 3).

6.4. Affective Bonds. In our research, we are struck by the fact that the positive outcome of the protagonist’s integration, expressed in the establishment of group synergies, brings into play two important and interrelated psychological aspects, which are difficult to express in the adolescent stage of both men and women. These

elements are closely related to the construction of both horizontal and vertical alliances; the former arise from socialization within the peer group, while the latter is related to authority figures, in this case, female ones. We believe that these are mechanisms of displacement and identification of “Peppi’s” initial alliance with the maternal figure. Therefore, we see a maternal foundation of trust and affection in the mother-daughter and daughter-mother relationship. We observe that “Peppi” constructs an ideal and a representation of herself as a woman, projecting these ideals onto relevant female figures. In this way, “Peppi” develops a special bond to Miss Ti, a scientist of a strong character and confidence, who also possesses knowledge of art, especially regarding the intersection of art, science, and nature. She makes this knowledge available to our heroine, awakening in her great admiration, curiosity, and intrigue about the interrelationship between these disciplines. Likewise, “Peppi” is quite amazed by the artistic work with paintings, designs, and sketches created by her classmate Jaime’s mother, who also expresses great confidence in “Peppi” in the creative aspects of painting, especially for having overcome the trauma of being disabled and wheelchair-bound. These are precisely the female role models from which the protagonist now draws, reaffirming Freud’s (1911, 1917) proposal in his text about *“The Family Novel of the Neurotic,”* in which he expresses that adolescents will seek sources of satisfaction for their libidinal drives outside the family nucleus. “Peppi” sublimates these impulses and channels them by identifying with idealized female figures, in which she finds a foundation through which she can deploy her skills as the new leader of the work team and find points of agreement and negotiation with the concurrent group. She does this through project proposals for joint creative work involving art and science, which once again indicates a sublimation of her instinctive impulses. She also acquires the strength to symbolically confront the holder of patriarchal power, represented by an absent, mechanical, and inert figure known as the school principal, who makes and administers “fair” decisions and communicating them using only the school loudspeaker, in an action to the society proposed by George Orwell in his dystopian novel “1984.” In this way, “Peppi” (as well as the author) manages to break through the barrier of paternal domination, by creating a work that allows for collective socialization based on “creativity,” a current word with which the “formative graphic novel” concludes.

7. Conclusions and Recommendations

Our analysis and interpretation methodology has allowed us to visualize idealizations and concepts of self in a period of development in which continuous internal diatribes arise, regarding this with other authors, as a period of transition and evolution, are conflicting, unfinished, and undefined. We have observed in detail that the “formative graphic novel” analyzed here exhibits technical and design characteristics in which humor and comedy stand out, expressed both in cartoonish or visual forms, as well as in a language based primarily on satire. The conjunction of visual and narrative elements results in new, clear, and direct observations about

psychological processes and dynamics related to the need for change and transformation, since these are greatly accentuated and displayed.

From an artistic perspective, we conclude that this is a literary-artistic work, which we can eventually place within the realist “outsider” genre, since it directly reflects events common to a group during a specific period of development in which young people are frequently seen as “outsiders”. Likewise, for our purposes, we can consider it a “psychological” novel, since we recognize the humor and satire displayed as elements that allow and favor the expression and repair of emotions and feelings that normally have difficult access to consciousness. These latter feelings arise because they come from primitive forces that generate conflicts, anxiety, and guilt, making their expression and socialization difficult. The technical and narrative handling that gives rise to the use of humor and jokes allows, according to Freud (1905), “a release of unconsciously repressed emotions, and even better, the self-realization of something gratifying and magnificent.” We would like to add here the words “grandiose” or “utopian” as complementary to Freud’s conception. Although we find few expressions throughout the novel that suggest verbal “jokes,” we see a continuous satire within dramatic situations that usually generate anxiety because they involve anger, unpleasant surprises, frustrations, and the aforementioned emotions. However, the use of grotesque or distorted figures that evoke the comical and humorous reactions are directed to produce the effect of reducing anxiety, as well as, providing solutions, both in the novel itself, as well as in the intersubjectivity of the researcher. We see here the great utility for understanding adolescent narratives, by means of identifying one’s self with the characters, scenes and performances, since mental health professional staff is required to face such situations in their daily work.

Regarding this last argument mentioned above, the narrative, as seen in the coming-of-age novel studied here it can provide and lead to a better awareness of oneself own emotions. It also raises the possibility of learning and accepting feelings, in the same way we have evaluated sentiments and actions of the protagonist Penelope and her companions. It is worth mentioning that we consider the author’s decision to present such important topics in the form of a humorous comic to be highly effective, as the clearness and vividness of the ideas will facilitate understanding by those who support a narrative of transformation. Further research into this type of approach from an aesthetic and psychological framework will be necessary to deep into the possibilities for professional intervention in times of significant social change.

References

Bautista, A. (2025) Arte Conceptual: Diálogos interiores y Ejercicios de escritura psicoanalítica. (230 págs. 125 imágenes) Entregado para revisión y publicación.

Bautista, A. (2018) Habilitación-rehabilitación en los procesos de juventud versus envejecimiento psicológico. En: De la psicología cognitiva a la neuropsicología. Editoras Cristobalina M. Trápaga Ortega. Edit. El Manual Moderno. México.

Bautista, A. (2011) Aspectos psicoanalíticos y de interculturalidad en relación con “la separación del país”. *Interculturalidad y Comunicación. Aspectos Psicoanalíticos y Psicosociológicos*. Veronika Sieglin coord. UANL y Plaza y Valdéz. Monterrey N.L. México.

Bautista, A. (1987). Die Trennung von der Heimat. Eine psychoanalytische Studie. Frankfurter Diss. 1987. Frankfurt am Main.

Bajhtin, M. M. (1986) *Speech Genres and Other Late Essays*. Edit. Caryl Emerson and Michael Holquist. University of Texas Press, Austin.

Bion, W. R. (1959) *Transformations. Change from learning to Growth*. William Heinemann Medical Books Limited. London.

Bloss, P. (1983) *Adolesenz. Eine psychoanalytische Interpretation*. Klett-Cotte. Stuttgart.

Erdheim, 1985.

Freud, S. M. (1917) *Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie*. GW B.V Fischer Verlag. Frankfurt am Main.

Freud, S. (1905) *Der Witz und seine Beziehung zum Unbewußten*. G.W. B. VI. Fischer Verlag. Frankfurt am Main.

Freud, S. (1909) *Der Familienroman des Neurotikers*. G.W. B. VII Fischer Verlag. Frankfurt am Main.

Klein, M. (1937) *Love, Guilt and Reparation*. The Writings of Melanie Klein Vol. 1 1921-1945 The Free Press. New York

Koval, (2018) *Vocación y Renuncia. La novela de formación alemana entre la ilustración y la primera guerra mundial*. Edit. Facultad de Filosofía y Letras. Universidad de Buenos Aires. Argentina.

Lorenzer, (1973) El Psicoanálisis como indagación lingüística. Figuras del lenguaje y formas de interacción. En: *Sobre el objeto del Psicoanálisis. Lenguaje e Interacción*. Amorrortu Edit. Buenos Aires

Oevermann, U. (1993) *Die objektive Hermeneutik als unverzichtbare methodologische Grundlage für die Analyse von Subjektivität. Zugleich eine Kritik der Tiefenhermeneutik*. In: Th. Jung und S. Müller-Doohm (Edit.) *Wirklichkeit im Deutungsprozeß*. Frankfurt am Main. (Suhrkamp) 1993:106-189

Reiche, R. (2001) „Mutterseelenallein“ Kunst, Form und Psychoanalyse. Stroemfeld/Nexus Verlag. Frankfurt am Main

Reiche, R. (2011) „Mutterseelenallein # 2“. Das Tabu der Schönheit in Kunst und Psychoanalyse. Stroemfeld/Nexus Verlag. Frankfurt am Main

Sumalla, A. (2013) “El Adolescente como Protagonista Literario”. *Temas de Psicología*. No. 5. Madrid, España.

Сведения об авторах

Бауттиста-Банос Альфредо, доктор философии (PhD), профессор Университета де лас Америкас Пуэбла (Мексика); приглашенный исследователь факультета медицины и психологии им. В. Зельмана Новосибирского государственного университета

Первушина Ольга Николаевна, кандидат психологических наук, заведующая кафедрой психологии личности, заместитель директора Института медицины и психологии им. Зельмана Новосибирского государственного университета

Scopus Author ID 57190754195

RSCI AuthorID 406156

Коваль Екатерина Максимовна, магистр психологии Новосибирского государственного университета

Information about the Authors

Alfredo Bautista-Banos, PhD, Professor, Universidad de las Américas Puebla (Mexico); Invited Researcher, V. Zelman Department of Medicine and Psychology, Novosibirsk State University

Olga N. Pervushina, PhD, Head of the Department of Personality Psychology, Deputy Director of the V. Zelman Institute for the Medicine and Psychology of Novosibirsk State University

Scopus Author ID 57190754195

RSCI AuthorID 406156

Ekaterina M. Koval, Master's Degree in Psychology, Novosibirsk State University

Материал поступил в редколлегию 18.07.2024

The article was submitted 18.07.2024

Научная статья

УДК 159.9 + 791.43/.45

DOI 10.25205/2658-4506-2024-17-1-77-108

Почему аниме? Исследование содержательных аспектов интереса к японской анимации у молодежи (анализ на женской выборке)

Яна Сергеевна Лякина¹
Полина Владимировна Гололобова²

¹ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

² Новосибирский государственный университет архитектуры,
дизайна и искусств им. А. Д. Крячкова
Новосибирск, Россия

lyakina@nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0000-9442-9251>
ms.pol2020@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-9978-3781>

Аннотация

Данное исследование посвящено изучению субъективного опыта увлечения аниме, анализу и сравнению содержания интереса к аниме у разных групп фанатов, выделенных по субъективной оценке силы увлеченностью аниме (слабоувлеченные фанаты аниме и сильноувлеченные, считающие себя отаку). Начальная выборка составила 433 человека, по результатам опроса были сформированы две группы, общей численностью 53 человека (отаку: $N = 30$, не-отаку: $N = 23$). Возраст респонденток в обеих группах варьировал от 18 до 32 лет, средний возраст для отаку составил $M = 23,1$, $SD = 3,58$; для не-отаку $M = 22,2$, $SD = 3,83$. Все участницы заполнили анкету для сбора социально-демографических данных и ответили на открытые вопросы об опыте увлечения аниме (силе, интенсивности, формах фанатского интереса) и причинах предпочтения аниме по сравнению с другими видами медиаконтента. Полученные данные обрабатывались с помощью конвенционального контент-анализа. Дополнительно был проведен количественный анализ данных: подсчитывалась и сравнивалась частота упоминаний выделенных в результате контент-анализа категорий. Результаты исследования показали, что в содержательных аспектах увлеченности аниме девушки отаку и не-отаку не различаются: в качестве причин предпочтения аниме девушки обеих групп называли необычность, уникальность художественно-выразительных средств и содержания аниме. Большая часть респонденток отмечала интерес к наблюдению за персонажами и связь с персонажами (желаемую идентификацию, сходство, сопереживание и парасо-

© Лякина Я. С., Гололобова П. В., 2024

циальные отношения). Выявленные различия относились только к силе, интенсивности и формам выражения фанатского интереса: девушки отаку больше времени посвящают просмотру аниме, чаще посещают аниме-конвенции и занимаются фан-творчеством.

Ключевые слова

увлеченность аниме, отаку, форма и содержание аниме, связь с предпочитаемым персонажем, парасоциальные отношения

Для цитирования

Лякина Я. С., Гололобова П. В. Почему аниме? Исследование содержательных аспектов интереса к японской анимации у молодежи (анализ на женской выборке) // Reflexio. 2024. Т. 17, № 1. С. 77–108. DOI 10.25205/2658-4506-2024-17-1-77-108

Why anime? A Study of the Content Aspects of Interest in Japanese Animation among Youth (Analysis on a Female Sample)

Yana S. Lyakina¹, Polina V. Gololobova²

¹Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russian Federation

²Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts named after A. D. Kryachkov
Novosibirsk, Russian Federation

lyakina@nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0000-9442-9251>
ms.pol2020@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-9978-3781>

Abstract

The objective of this study was to examine subjective experience of interest in anime, to the analysis and comparison of the content of interest in anime in different groups of fans self-identified as otaku and non-otaku fans. There were 433 people in the initial sample, and the survey findings indicated two groups, with a total of 53 people (otaku: $N = 30$, not otaku: $N = 23$). The age of the respondents in both groups ranged from 18 to 32 years, the average age for otaku was $M = 23.1$, $SD = 3.58$; for non-otaku $M = 22.2$, $SD = 3.83$. All participants completed questionnaire with sociodemographic characteristics, answered open questions about their experience of anime interest (strength, intensity, forms of fan interest) and the reasons for preferring anime over other types of media content. The data obtained was processed using conventional content analysis. Additional quantitative analysis of data was performed: the frequency of references to categories identified by content analysis was calculated and compared. As a result of the study of significant differences in content aspects of interest in anime between otaku and non-otaku was not identified: as reasons for preference of anime respondents of both groups called unusual, unique expressive style and content of Japanese animation. Most respondents reported interest in observing the characters and connection with the favorite character (wishful identification, similarity, empathy, and parasocial relationships). The differences identified related only to the strength, intensity and forms of expression of fan interest: otaku spend more time watching anime, attend anime conventions more often, and engage in fan art.

Keywords

interest in anime, otaku, anime style and content, connection with favorite character, parasocial relationships

For citation

Lyakina Y. S., Gololobova P. V. Why anime? A study of the content aspects of interest in Japanese animation among youth (analysis on a female sample). *Reflexio*, 2024, vol. 17, no. 1, pp. 77–108. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2024-17-1-77-108

Введение

Некоторые исследователи отмечают, что аниме (сокращенно от англ. *animation* – «анимация», японская анимация) является одним из доминирующих феноменов современной популярной культуры [Нейпир, 2022]. В Японии вся молодежь смотрит аниме, иногда, как в случае с фильмами Хаяо Миядзаки, аниме увлекает и более старшее поколение. Со времени показа первых аниме на Западе прошло уже более 50 лет, и за это время интерес к аниме у западной аудитории не угасает. Согласно аналитическим данным, сайт MyAnimeList.net – крупнейшая в мире база данных аниме и манги, созданная по типу социальной сети, объединяющая миллионы поклонников из более чем 200 стран по всему миру, позволяющая создавать свой персонализированный список аниме, обсуждать любимые аниме и быть в курсе новостей и тенденций в мире аниме и манги, – насчитывает более полумиллиона пользователей в день. Anime Expo (AX) – одна из самых больших аниме-конвенций в США, которую ежегодно посещают более 300 тыс. участников. Посещаемость одного из наиболее популярных сайтов с аниме-контентом для русскоязычной аудитории Jut.su за последние полгода сохранялась на устойчиво высоком уровне, в среднем совершалось более 85 млн посещений ежемесячно. Календарь аниме-конвенций в России за последние три года в среднем включил около 100 ежегодных мероприятий. Всероссийский фестиваль японской анимации в Воронеже в 2019 г. отметил свой 20-летний юбилей, с 2009 г. проводится фестиваль японской культуры в России J-FEST, объединяющий сотни тысяч любителей современной японской культуры.

Популярность японской анимации инициировала исследовательский интерес среди широкого круга специалистов. С 2011 г. в рамках программы Anime Expo проводится научная конференция Anime and Manga Studies Symposium, целью которой является объединение международных групп ученых и содействие развитию исследований аниме и манги как определенной научной области. Однако большая часть исследований посвящена историческим, кинематографическим, философским аспектам аниме и манги: истории развития и распространения, специфике визуального, драматического, повествовательного языка, жанровому своеобразие, влиянию японской анимации на европейский кинематограф, особенностям репрезентации проблем современного общества в аниме и самоопределению зрителей.

Искусствоведческие исследования интереса к японской анимации

Анализируя причины популярности аниме во всем мире, исследователи отмечают сочетание его «бескомпромиссной инаковости», необычности (в отличие от предсказуемой популярной американской культуры) и универсальности проблематики и образов [Нейпир, 2022]. Главная особенность японской анимации состоит в условности выразительных средств, произведения имеют сугубо знаковый характер, а смысловое содержание передается с помощью ассоциативных образов [Катасонова, 2012]. В отличие от западной диалоговой художественной традиции (когда для подробного описания внутреннего мира персонажа и обстоятельств используется несколько кадров), лаконичному и немногословному символическому языку аниме и манги достаточно одного кадра (мысли и чувства героя передаст фоновое сопровождение, цвета, дополнительные образы и символы, например, летящие лепестки сакуры как символ скоротечности жизни и печали) [Иванов, 2001]. В аниме используются различные техники подчеркивания движения в кадре: длинные кадры, съемка дальним, панорамным, чрезмерно крупным планами, различные оптические эффекты (необычные ракурсы лица и тела персонажей, деформация, искажение пропорций, например, непропорционально большой рот, разинутый в крике или от удивления и радости; или пиктограммы, например, «капельки пота» над головой персонажа или чиби-стиль, когда персонажи изображаются упрощенно с непропорционально большими головами и глазами в пол-лица, которые могут использоваться для подчеркивания комедийности ситуации либо для создания симпатии к главным героям). Помимо придания общей динамичности повествования, эти приемы используются для передачи эмоций, большей оживленности персонажа [Катасонова, 2012]. Несмотря на то что аниме – это форма популярной культуры, исследователи подчеркивают, что аниме как выразительное средство выросло на высоких традициях прошлого [Нейпир, 2022]. Нисида Китаро – основоположник современной японской философской эстетики, отмечал, что главной особенностью японской культуры является ее эмоциональность, опора на чувство, он относит японскую культуру к категории культур с имманентным мирозерцанием и определяет ее как эстетическую [Скворцова, 2021]. Акцент на линии рисунка в манге и аниме, а не на его детальной прорисовке предположительно связан с одним из базовых принципов японской культуры – эстетикой недосказанного [Катасонова, 2012].

В аниме много внимания уделяется созданию интересных и привлекательных образов персонажей, детально разрабатывается внешний дизайн персонажей и их личность, образ мышления, взгляды на жизнь, идеалы, страхи, комплексы, мечты. Выразительный кинематографический стиль (растянутость, нарочитая замедленность в разворачивании событий, большие долги для размышлений героев) позволяет дать более глубокое развитие характеру персонажа. При этом преобладает нагрузка на чувственное восприятие,

а эмоциональные связи и переживания персонажей играют значительно более важную роль, нежели развитие сюжетной линии. Сочетание эмоционального содержания и выразительный кинематографический стиль способствуют глубокому вовлечению зрителя (что близко к «эффекту присутствия» в компьютерных играх) [Катасонова, 2012].

Для аниме характерны сложные непредсказуемые линии повествования, широкий жанровый и возрастной диапазон японской анимации, охватывающий не только привычные для западной аудитории сюжеты, характерные для мультипликации, но включающий темы, скорее, характерные для игрового кино. Отмечается, что аниме перешло в разряд интеллектуально сложных форм искусства, поднимает серьезные темы, связанные с проблемами современного общества, например, исследование амбивалентных чувств по отношению к технологиям, беспокойство о будущем природы в технологической среде, страх перед роботами, киборгами, андроидами, искусственным интеллектом, отчуждение в урбанизированном индустриальном обществе, растущее напряжение во взаимоотношениях полов, разочарование в ценностях и целях предыдущих поколений [Нейпир, 2022]. Предполагается, что возросшее за последнее десятилетие XX в. чувство неудовлетворенности, разочарования в научно-техническом прогрессе породило глобальную жажду фантастического [Нейпир, 2022]. По мнению исследователя анимации профессора Пола Уэллса (директора Академии анимации при Университете Лафборо в Великобритании), «анимацию можно назвать наиболее влиятельной формой творчества XXI века» (цит. по [Нейпир, 2022. С. 18]). Анализируя функции анимации, исследователь подчеркивает, что «примитивность образов и их способность преобразовываться в совершенно другие изображения» отчетливо резонирует с особенностями современной культуры с колеблющимся самосознанием (цит. по [Нейпир, 2022. С. 41]). Для многих произведений, созданных в жанре аниме, характерна способность перемещаться из мира реального в фантастический и обратно, что создает альтернативную реальность, «фэнтези-пространство». Благодаря этому аниме является идеальным выразительным средством для передачи главной проблемы современного человечества – переходного состояния самоопределения в постоянно меняющемся мире [Нейпир, 2022].

Психологические исследования аниме-фанатов

Несмотря на популярность аниме, в современном обществе распространены негативные стереотипы о фанатах аниме. В Японии страстных фанатов аниме называют отаку (в яп. дословно означает «ваш дом»), данный термин имеет негативную коннотацию и ассоциируется с затворником, фанатиком [Катасонова, 2012]. При этом эмпирические исследования показали, что восприятие фанатов аниме людьми, не являющимися фанатами, как замкнутых, социально неловких и оторванных от реальной жизни, является предиктором

стигматизации в отношении фанатов аниме. По данным исследований, среднестатистический фанат аниме, особенно посещающий аниме-конвенции, имеет историю столкновений с издевательствами (например, вербальный буллинг), случаи которых учащаются по мере того, как фанаты аниме становятся старше [Reysen et al., 2021].

Эмпирическая проверка достоверности стереотипов об отаку на выборке англоговорящих фанатов показала, что из 36 проверяемых стереотипов подтвердились 11 и еще 14 нашли частичную поддержку [Reysen, 2022]. В целом отаку можно охарактеризовать как молодых ($M = 23,38$, $SD = 6,58$), одиноких, гетеросексуальных мужчин из семей среднего класса, которые, как правило, интроверты, неспортивные, идентифицирующие себя как ботаники/тики, достаточно осведомленные о японской культуре и способствующие распространению информации о любимых аниме, в некоторой степени навязчивые в отношении интереса к аниме/манге, высоко оценивающие погружение при просмотре аниме и сильно идентифицирующие себя со своим любимым персонажем. Вопреки стереотипам, отаку имели сопоставимую сеть дружеских связей с фанатами аниме не-отаку, считали себя зрелыми и не чувствовали себя социально неловко рядом с не-фанатами аниме. При проверке стереотипа о дисфункциональности и сниженном благополучии у отаку по сравнению с фанатами аниме не-отаку по показателям тревожности, депрессии, удовлетворенности жизнью, самооценки и психологического благополучия (самопринятие, цель в жизни, позитивные отношения с другими, личностный рост, управление окружающей средой и автономия) не было получено значимых различий. Таким образом, исследование показало, что отаку довольно хорошо социально-психологически адаптированные и не сильно отличаются от поклонников аниме, не являющихся отаку. Скорее, они, по-видимому, находятся выше в континууме идентификации со своим интересом [Reysen, 2022].

Изучение мотивов и потребностей, связанных с интересом к аниме, показало, что основными мотивами фанатов аниме являются развлечение (желание получать удовольствие) и эскапизм (желание забыться или отвлечься от повседневных забот). В среднем фанатами аниме в первую очередь движет развлекательная ценность аниме и возможность отвлечься от повседневной жизненной рутины, при этом для тех фанатов, кто в большей степени идентифицирует себя с сообществом фанатов аниме (фандомом¹), ведущим мотивом выступает принадлежность (чувство связи с другими фанатами) [Reysen, 2021].

Среди психологических потребностей, которые позволяет удовлетворять аниме-фандом, значимыми оказались: дружба, чувство принадлежности и ми-

¹ Исследователи выделяют две группы фанатов аниме: *фандом* (от англ. fandom – «сообщество фанатов») – фанаты, для которых в большей степени важна идентификация себя с группой фанатов, разделяющей их интерес к аниме (они являются активными участниками аниме-конвенций, тематических ивентов, аниме-форумов, занимаются косплеем) и *фанишип* (fanship) – фанаты, для которых более значимым является аниме-контент, а не принадлежность к фан-группе [Reysen, 2021].

ровозрание. Другие потребности, такие как чувство непрерывности в жизни, чувство межличностной исключительности, социальная поддержка, самоуважение и чувство компетентности и способности (самоэффективность) также были важны. Самые сильные предикторы идентификации с аниме-фандомом – полагание на фандом как на источник самооценки, как на средство достижения межличностной самобытности, для большего смысла в жизни, как на источник дружбы и для ощущения чувства принадлежности и оптимальной самобытности. Другими словами, те, для кого фандом обеспечивает чувство уникальной и позитивной идентичности, смысл жизни и дружеские отношения, с наибольшей вероятностью будут сильно идентифицировать себя с фандомом [Reysen, 2021].

Наиболее высоко оцененными ценностями по Шварцу среди поклонников аниме оказались универсализм, самостоятельность, доброжелательность, гедонизм и безопасность [Reysen, 2021].

Исследование личностных черт фанатов аниме показало, что фанаты аниме набрали значимо меньше баллов по экстраверсии, дружелюбию и добросовестности по сравнению с другими группами фанатов (фурри, фэнтези, спорта) и студентами колледжа, при этом косплеящие фанаты аниме по сравнению с не участвующими в косплее показали более высокие значения по экстраверсии, доброжелательности, сознательности и открытости опыту, а не косплеярующие набрали больше баллов по шкале эмоциональной стабильности [Reysen, 2021].

По чертам темной триады фанаты аниме набрали значительно меньше баллов по показателям нарциссизма и макиавеллизма, но набрали больше баллов по психопатии по сравнению с выборкой из общей популяции (при этом средние значения по всем этим шкалам были ниже среднего), и все три черты темной триады прямо коррелировали с негативной фантазийной вовлеченностью². Позитивное вовлечение в фантазию прямо коррелировало с более сильной идентификацией себя как фаната аниме (фаншип) и участника аниме-сообщества (фандом), общением с друзьями, просмотром аниме, чтением манги, новостей/блогов из мира аниме, а также с удовлетворенностью жизнью и самооценкой. Негативное вовлечение в фантазию обратно связано с удовлетворенностью жизнью и самооценкой и прямо связано с количеством приобретенных аниме-фигурок, кигуруми, дакимакур, татуировок в стиле аниме. Таким образом, более проблемная негативная вовлеченность в фэнтези, по-видимому, больше ограничена определенными типами привычек потребления (например, коллекционированием подушек для тела и кигуруми) [Reysen, 2021].

² Plante et al. предложили шкалу для измерения позитивных и дисфункциональных аспектов вовлеченности в фантазию. Позитивная вовлеченность в фантазию является обычным аспектом повседневной жизни во взрослом возрасте и связана с более частым вовлечением в фэнтези, возможностью более ярко представлять вещи и более глубоким погружением в миры фэнтези (примерами являются: видеоигры, чтение книг, мечтания, просмотр фильмов). Напротив, негативная вовлеченность в фэнтези связана с более низким благополучием, неадаптивными копингами, потерей связи с реальностью и употреблением наркотиков [Reysen, 2021].

Исследование распространенности психических расстройств среди фанатов аниме, проведенное на американской выборке, показало, что частота встречаемости расстройств настроения, тревожных расстройств и синдрома дефицита внимания/гиперактивности была ниже, чем в среднем в популяции, при этом у девушек – фанаток аниме чаще встречалось расстройство аутистического спектра, чем у населения в целом³ [Reysen, 2018].

Было установлено, что фандом как социальная составляющая фанатской идентичности является значимым фактором, влияющим на психологическое благополучие, в то время как фанатство – более индивидуалистическая составляющая фанатской идентичности – таковым не является, наличие большего количества друзей, разделяющих интересы фаната, посещение фан-мероприятий (социальная активность), но не потребление медиаконтента или онлайн-активность – также опосредовало связь между фанатской идентичностью и психологическим благополучием [Reysen, 2021].

На сегодняшний день большая часть психологических исследований фанатов аниме проведена за рубежом, при этом, как отмечают авторы этих исследований, большинство данных было получено с помощью кратких опросниковых мер и не учитывались кросс-культурные особенности интереса к аниме. Представители русскоязычного аниме-сообщества остаются малоизученными, что определяет актуальность нашего исследования.

Исследовательские вопросы

1. Как в опыте описываются причины предпочтения аниме (что нравится в любимых аниме-тайтлах)?
2. Существует ли специфика в содержательных аспектах интереса к аниме у отаку и не-отаку?

В качестве априорных предположений мы ожидали найти эмпирическое подтверждение результатов искусствоведческих и психологических исследований, а также допускали вероятность обнаружения дополнительных аспектов интереса к аниме. Также поскольку большая часть ранее проведенных психологических исследований рассматривали аниме-фанатов в целом (за исключением выделения подгрупп *фандом* и *фанишип*), в то время как в обществе наиболее стигматизированной является подгруппа аниме-отаку, нам было интересно проверить, существуют ли различия в содержательных аспектах интереса к аниме у разных по силе увлечения групп аниме-фанатов. Например, некоторые исследователи рассматривают отаку как промежуточную

³ Однако, как отмечают авторы, данное исследование имеет ограничения, так как основывалось на данных самоотчета и может недооценивать распространенность психических расстройств в аниме-фандоме. С другой стороны, это может быть особенностью фандомов в целом (а не только аниме-фандома), поскольку одной из характеристик многих людей с расстройствами аутистического спектра является постоянное, повторяющееся поведение, что может сделать их особенно склонными к тому, чтобы стать поклонниками именно этих конкретных занятий. Необходимы дальнейшие исследования для проверки возможности того, что фанатов с расстройствами аутистического спектра привлекают именно фэнтезийные фэндомы.

ступень на пути развития хикикомори (формы патологического социального ухода или социальной изоляции, основной чертой которой является продолжительная (более шести месяцев) физическая изоляция в собственном доме, сопровождающаяся выраженными функциональными нарушениями или переживанием дистресса [Kato et al., 2020]). Если это предположение верно, можно ожидать, что в подгруппе отаку будут чаще встречаться признаки, связанные с отчуждением от общества.

Выборка

Выборка исследования изначально составила 433 человека, из них для проведения качественного анализа были выделены контрастные группы, различающиеся по субъективной оценке силы фанатского интереса к аниме. Субъективная оценка силы увлеченности аниме оценивалась с помощью вопросов: «Насколько сильно Вы увлечены аниме» (оценка по 7-пунктной шкале Ликерта, где «-3» – совсем не увлечен, «+3» – очень сильно увлечен) и «Считаете ли Вы себя фанатом аниме?» (оценка по 5-пунктной шкале Ликерта, где 0 – нет, 1 – скорее нет, 4 – да, меня можно назвать отаку). В группу слабоувлеченных фанатов аниме вошли респонденты с оценкой увлеченности аниме на «+1 балл» и не оценивающие себя как фанат, но интересующиеся аниме (те, кто ответил «0» и «1» на второй вопрос), группу отаку составили респонденты с очень сильной увлеченностью аниме («+3 балла» и самоидентифицирующиеся как отаку).

Данное исследование проведено на женской выборке: несмотря на то что по данным зарубежных исследований в онлайн аниме-сообществах отмечается большее присутствие фанатов мужского пола, в последнее время исследователи отмечают увеличение количества женщин среди аниме-фанатов. Представляется, что женская выборка аниме-фанатов является менее изученной.

Таким образом, итоговая выборка состояла из 53 человек (девушки в возрасте от 18 до 32 лет), из них девушки-отаку (ОТ = 30 человек) и девушки не-отаку (НОТ = 23 человека). В исследовании принимали участие студентки и выпускницы вузов, учебных заведений среднего профессионального образования, ученицы школ. География участниц включала разные города России (от Калининграда, Москвы, Санкт-Петербурга до Сибири и Дальнего Востока) и ближнего зарубежья (Белоруссия, Казахстан, Эстония).

Процедура и материалы исследования

Исследование проводилось онлайн с помощью Google-формы. Для приглашения испытуемых было разработано объявление, сопровождающее ссылку на опрос. Приглашение испытуемых осуществлялось через социальные сети «ВКонтакте» и Telegram, где объявление и ссылка на опрос были опубликованы в группах, посвященных аниме, и в различных студенческих он-

лайн-сообществах, а также с помощью печатных объявлений, которые были размещены в НГУ. К участию приглашались лица от 18 лет.

В Google-форму входили:

- 1) анкета для сбора социодемографических данных (возраст, уровень образования, профессиональный статус);
- 2) для исследования различных аспектов увлеченности аниме была разработана авторская анкета, которая, помимо вопросов о субъективной оценке степени увлеченности аниме, описанных ранее, включала открытые вопросы о длительности увлечения аниме, частоте просмотра аниме в течение последнего года, посещении аниме-конвенций, фан-творчестве, других хобби, о том, что нравится в любимых аниме-тайтлах.

Полученные данные (развернутые ответы респонденток) обрабатывались с помощью конвенционального контент-анализа [Hsieh, Shannon, 2005]: сначала осуществлялось многократное прочтение всех данных для достижения погружения и целостного восприятия, затем в процессе последовательного прочтения данных выделялись коды (точные слова из текста, отражающие ключевые мысли), которые затем объединялись в категории. Для повышения валидности контент-анализ проводился двумя экспертами (авторами статьи) параллельно и независимо друг от друга, выделенные на основе обобщения ответов респонденток категории согласовывались в ходе совместного обсуждения, в случае разногласий привлекался третий независимый эксперт (психолог), также для лучшего понимания контекста осуществлялся полный или частичный просмотр аниме, которые называли участницы исследования.

Дополнительно был проведен количественный анализ данных: подсчитывалась и сравнивалась частота упоминаний выделенных в результате контент-анализа категорий. Статистический анализ данных проводился в свободном пакете jamovi 2.3.28

Результаты и обсуждение

Описательная статистика

Сравниваемые группы не различались по социодемографическим характеристикам: в обеих группах средний возрастной диапазон составил от 18 до 26 лет, около 70 % респонденток с высшим образованием, из них 40 % – студентки, 20 % отметили в качестве сферы профессиональных интересов область искусства и культуры, трудоустроены в группе «отаку» 67 % и 3 % в группе «не-отаку» (табл. 1).

Для сравнения пропорций использовался χ^2 с поправкой на непрерывность (Yates's correction), поскольку сравнивались небольшие объемы выборок.

Таблица 1

Социодемографическая характеристика двух групп

Характеристики выборок	НОТ (N = 23)	ОТ (N = 30)	Сравнение
Возраст (лет)	22,2 (SD = 3,83)	23,1 (SD = 3,58)	$U = 278,5$
Уровень образования (%)			
Высшее	26,1	36,7	$\chi^2 = 1,96$, $p = 0,743$
Неоконченное высшее (студент)	43,5	40,0	
Среднее профессиональное	17,4	13,3	
Среднее общее (10–11-й классы)	8,7	10,0	
Основное общее (5–9-й классы)	4,3	0,0	
Трудоустройство (%)			
Трудоустроены	39,1	66,7	$\chi^2 = 2,95$, $p = 0,086$
Не трудоустроены	60,9	33,3	
Профессиональная/учебная сфера (%)			
Технические науки (инженерия, IT и т. д.)	34,8	16,7	$\chi^2 = 3,79$, $p = 0,705$
Искусство и культура	21,7	20	
Общественные науки (психология, юриспруденция, социология и т. д.)	21,7	23,3	
Гуманитарные науки (лингвистика, журналистика и т. д.)	8,7	20	
Здравоохранение и медицинские науки	8,7	10	
Математические и естественные на- уки (биология, химия, физика и т. д.)	4,4	6,7	
Другое	0	3,3	

Примечание: здесь и далее * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$, *** – $p < 0,001$.

Опыт увлечения аниме

Сравнение групп по возрасту знакомства с аниме и длительности увлечения аниме не выявило значимых различий: средний возрастной диапазон знакомства с аниме в группе «отаку» составил от 5,5 до 13 лет, в группе «не-отаку» – от 7,5 до 13 лет, средняя длительность увлечения аниме в обеих группах составила около 10 лет. При этом были выявлены значимые различия по частоте просмотра аниме в течение последнего года: в группе «не-отаку» около половины отметили, что редко смотрели аниме (1–3 аниме в год), а в группе «отаку» 90 % респонденток смотрели аниме еженедельно (при этом отмечались случаи ежедневного многочасового просмотра: «часами напро-

лет», «иногда только на сон отрываюсь», «если найдется что-то интересное, я отдам этому все свое время»). В группе «отаку» респондентки чаще отмечали, что занимаются фанатским творчеством (рисуют фанарт, пишут фанфики, делают фигурки любимых аниме-персонажей) и посещают аниме-фестивали, 20 % девушек-отаку отметили свое активное участие в косплее, проведении мастер-классов (табл. 2).

Таблица 2

Опыт увлечения аниме

Характеристики увлечения аниме	НОТ ($N = 23$)	ОТ ($N = 30$)	Сравнение
Знакомство с аниме (лет)	10,2 ($SD = 2,67$)	9,17 ($SD = 3,7$)	$U = 284,5$
Длительность увлечения аниме (лет)	9,5 ($SD = 3,71$)	11,5 ($SD = 5,02$)	$U = 259,0$
Частота просмотра аниме в год, %			$\chi^2 = 31,9^{***}$
Еженедельно	13,0	90,0	
Раз в месяц	30,4	6,7	
Редко (1–3 аниме в год)	56,5	3,3	
Фан-творчество (%)	43,48	76,67	$\chi^2 = 5,99^*$
Участие в аниме-фестивалях			$\chi^2 = 8,08^*$
Участвуют	13,0	50,0	
Не участвуют	73,9	40,0	
Нет ответа	13,0	10,0	
Активный участник (организатор, косплеер)	4,3	20,0	$\chi^2 = 1,58$
Зритель	95,7	80,0	

Дополнительно для лучшего понимания опыта увлечения аниме у сравниваемых групп уточнялось наличие других интересов (хобби): чтение манги отметили 96,7 % респонденток в группе «отаку» и 78,3 % среди «не-отаку», рисование и графический дизайн назвали 50 % девушек-отаку и 21,7 % среди «не-отаку», видеоиграми увлекаются около 30 % девушек в обеих группах (интересно, что в группе «отаку» встречались такие ответы: «очень активно играю в игры, в ... строго азиатские, ничего неанимешного/неазиатского не приемлю... в целом люблю игры с анимешной эстетикой»). Респонденты обеих групп в среднем оценили силу своего увлечения западным медиаконтентом как слабую ($M = 1,27$ в группе «отаку» и $M = 1,0$ у «не-отаку»). Обобщая, можно заключить, что большая часть увлечений девушек обеих групп относится к интересам художественно-эстетической направленности (табл. 3).

Таблица 3

Другие увлечения (хобби)

Увлечение	НОТ ($N = 23$), N (%)	ОТ ($N = 30$), N (%)	Сравнение
Рисование, графический дизайн	5 (21,7)	15 (50)	$\chi^2 = 3,30$, $p = 0,069$
Видеоигры	7 (30,4)	11 (36,7)	$\chi^2 = 0,033$, $p = 0,855$
Настольные ролевые игры (Pathfinder, D&D)	2 (8,7)	1 (3,3)	$\chi^2 = 0,057$, $p = 0,812$
Чтение	6 (26,1)	11 (36,7)	$\chi^2 = 0,271$, $p = 0,602$
Чтение манги (японских комиксов)	18 (78,3)	29 (96,7)	$\chi^2 = 2,75$, $p = 0,097$
Художественное творчество (стихи, художественные зарисовки)	4 (17,4)	6 (20,0)	$\chi^2 = 1,28$, $p = 1,00$
Прослушивание музыки, вокал/игра на музыкальных инструментах	2 (8,7)	7 (23,3)	$\chi^2 = 1,08$, $p = 0,299$
Танцы	1 (4,3)	1 (3,3)	$\chi^2 = 2,51$, $p = 1,00$
Фотосъемка	2 (8,7)	0	$\chi^2 = 0,845$, $p = 0,358$
Растениеводство	1 (4,3)	1 (3,3)	$\chi^2 = 2,51$, $p = 1,00$
Рукоделие (шитье, вязание, бисероплетение)	5 (21,7)	13 (43,3)	$\chi^2 = 1,83$, $p = 0,176$
Спорт (плавание, лыжи, велосипед)	1 (4,3)	3 (10)	$\chi^2 = 0,061$, $p = 0,805$
Изучение иностранных языков (испанский, японский)	0	2 (6,7)	$\chi^2 = 0,286$, $p = 0,593$
Просмотр фильмов, сериалов	1 (4,3)	5 (16,7)	$\chi^2 = 0,932$, $p = 0,334$
Сила увлеченности западным медиаконтентом (диапазон шкалы: от -3 до +3)	1,0 ($SD = 1,48$)	1,27 ($SD = 1,74$)	$U = 285,0$

Первое впечатление от просмотра аниме

Для того чтобы лучше понять особенности восприятия аниме у девушек с разной степенью увлеченности аниме были проанализированы ответы на вопрос: «Какое первое впечатление произвело на вас аниме?» Нам было интересно посмотреть, отличалась ли реакция девушек из групп «отаку» и «не-отаку» при знакомстве с аниме как уникальным видом медиаконтента. В результате контент-анализа были выделены четыре типа впечатлений: положительное (респондентки отмечали, что аниме им понравилось, произвело сильное впечатление, вдохновляло, «привязывало внимание к экрану прочно от начала до конца»), смешанное (когда отмечались разнонаправленные реакции: с одной стороны, странно, непонятно, напугало, но было интересно и понравилось), нейтральное (воспринималось как обычный мультфильм) и отрицательное (не понравилось). Сравнение групп по частоте упоминания каждой категории не выявило значимых различий, положительное первое впечатление от просмотра аниме отметили 86,7 % респонденток в группе «отаку» и 65,2 % среди «не-отаку» (табл. 4).

Предпочитаемые жанры аниме

Анализ жанровых предпочтений показал, что в группе «отаку» респондентки чаще отмечали жанр *сёнэн* (56,7 %, $\chi^2 = 5,18$, $p = 0,023^*$). *Сёнэн* (в переводе с японского означает «мальчик, юноша») – это жанр аниме и манги, ориентированный преимущественно на мужскую подростковую и юношескую аудиторию. Согласно канону *сёнэн-аниме*, основным сюжетом данного жанра является взросление протагониста мужского пола, обладающего или наделенного необычайными свойствами или умениями, имеющего четкую цель, для достижения которой он применяет свои способности. Преодолевая внешние и внутренние препятствия, герой учится жизни, заводит друзей и постепенно взрослеет [Иванов, 2001]. Произведения данного жанра отличаются динамичным развитием сюжета, обилием юмора, акцентом на темах мужской дружбы, товарищества и соперничества в разных сферах жизни. Мужские персонажи, как правило, отличаются смелостью, уверенностью в себе, заботой о своих товарищах, никогда не унывают и не сдаются, упорно движутся к своей цели даже в безвыходной ситуации. Интересно, что 66,7 % респонденток в группе «отаку» отдают предпочтение мужским жанрам аниме (*сёнэн* и *сэйнэн* – жанр аниме и манги, рассчитанный на молодых мужчин от 18 лет и старше) и 10 % – *сёдзё* (жанр аниме для девушек от 18 до 20 лет). Как отметила одна из участниц, «иногда я смотрю... легкие комедии или милые романтические аниме. Но, опять-таки, в этих жанрах много клише, поэтому я в последнее время ориентируюсь на *сэйнэн* и приключения – эти жанры все еще создают уникальные шедевры». Среди жанров аниме по сеттингу между группами не было выявлено значимых различий: в группе «отаку» 50 % респонденток в качестве наиболее предпочитаемых жанров отметили экшен

Таблица 4

Частота категорий ответов на вопрос: «Какое первое впечатление произвело на Вас аниме?»

Кластер (категория)	Примеры ответов	НОТ (N = 23)	ОТ (N = 30)	Сравнение
Положительное	Понравилось, так как это было чем-то новым, ярким и непривычным. Миядзакэ сразил меня рисовкой и интересным сюжетом. Очень красочное и эмоциональное, я никогда не видела такое сильное выра- жение эмоций до этого. Много фантазии/фантастики и выглядело это в виде аниме гораздо естествен- нее, чем в кино. Сюжетная составляющая: многое из того, что я посмотрела, до сих пор не- возможно сравнить по сюжету с чем-то из кино. Аниме уникально в сравнении с другим медиаконтентом	15 (65,2)	26 (86,7)	$\chi^2 = 2,30,$ $p = 0,129$
	Не могу сказать, что оно сильно зацепило, там слишком много фансервиса, но история довольно интересная, да и музыка приятная. Было непонятно, но интересно. Для детского мозга сюжет был непонятным и странным, но когда Пононь превращала игрушечную лодку в большую и работающую..., а также вода, которая покрывала собой весь город, произвели невероятное впечатление.	3 (13)	5 (16,7)	$\chi^2 = 7,14,$ $p = 1,00$
	Восприняла как обычный мультфильм для детей Такой же мультсериал, как и все остальные, которые показывали по тв. Для меня это были обычные мультки	3 (13)	2 (6,7)	$\chi^2 = 0,098,$ $p = 0,754$
Отрицательное	Не понравилась рисовка Было очень странным	2 (8,7)	0	$\chi^2 = 0,845,$ $p = 0,358$

и приключения, 40 % драму и психологию, 36,7 % мистику, по 33,3 % повседневность, романтику и комедии; в группе «не-отаку» 39,1 % отдают предпочтение жанру повседневности, романтике, 30,4 % – научной фантастике, по 26,1 % – фэнтези, детективам и триллерам (см. табл. 5). В зарубежных исследованиях, проведенных на больших выборках аниме-фанатов, были выявлены схожие результаты по жанровым предпочтениям: наиболее популярными были жанры экшен и драмы, а наименее понравившимися – эротические жанры (хентай). Предпочтение жанров драмы, меха и хентая слабо коррелировало с чертами «темной триады» макевиализмом и психопатией, а фанаты с более сильным предпочтением драмы, меха и экшена оценили себя как более зрелых [Reysen et al., 2021].

Таблица 5

Частота категорий ответов на пункт
«Перечислите Ваши любимые жанры аниме»

Кластер (категория)	НОТ (N = 23)	ОТ (N = 30)	Сравнение
Жанры аниме по целевой аудитории, %			
сёнэн	5 (21,7)	17 (56,7)	$\chi^2 = 5,18, p = 0,023^*$
сэйиэн	0	3 (10)	$\chi^2 = 0,925, p = 0,336$
сёдзё	2 (8,7)	3 (10)	$\chi^2 = 6,69, p = 1,00$
дзёсэй	1 (4,3)	0	$\chi^2 = 0,018, p = 0,893$
Жанры аниме по сеттингу			
экшен, приключения	5 (21,7)	15 (50)	$\chi^2 = 3,30, p = 0,069$
драма, психология	5 (21,7)	12 (40)	$\chi^2 = 1,24, p = 0,265$
повседневность, романтика	9 (39,1)	10 (33,3)	$\chi^2 = 0,022, p = 0,883$
меха	0	3,3	$\chi^2 = 6,07, p = 1,00$
эротические жанры	1 (4,3)	5 (16,7)	$\chi^2 = 0,932, p = 0,334$
комедия	3 (13)	10 (33,3)	$\chi^2 = 1,90, p = 0,168$
научная фантастика	7 (30,4)	4 (13,3)	$\chi^2 = 1,39, p = 0,238$
антиутопия	1 (4,3)	0	$\chi^2 = 0,018, p = 0,893$
фэнтези	6 (26,1)	8 (26,7)	$\chi^2 = 8,23, p = 1,00$
исекай	1 (4,3)	5 (16,7)	$\chi^2 = 0,932, p = 0,334$
детектив	6 (26,1)	9 (30)	$\chi^2 = 3,37, p = 0,995$
триллер	6 (26,1)	3 (10)	$\chi^2 = 1,38, p = 0,239$
хоррор	2 (8,7)	4 (13,3)	$\chi^2 = 0,008, p = 0,928$
мистика	4 (13)	10 (36,7)	$\chi^2 = 0,981, p = 0,322$
не разбираюсь в жанрах	3 (13)	0	$\chi^2 = 2,06, p = 0,151$

Предпочитаемые аниме

Анализ наиболее понравившихся аниме показал, что предпочтения всех участниц достаточно индивидуальны, большая часть названных аниме не повторялась, что, вероятно, связано с большим разнообразием японской анимации. В группе «отаку» 20 % респонденток в качестве наиболее понравившихся аниме назвали «Евангелион», а в группе «не-отаку» 21,74 % назвали фильмы студии Ghibli («Унесенные призраками», «Принцесса Мононоке», «Небесный замок Лапута», «Ходячий замок» и др.) (табл. 6).

Таблица 6

Частота упоминания наиболее предпочитаемых аниме

NOT (N = 23)		ОТ (N = 30)	
Название	Частота упоминаний, %	Название	Частота упоминаний, %
Аниме студии Ghibli (реж. Хаяо Миядзаки)	21,74	«Евангелион»	20
«Тетрадь смерти»	17,39	«Сэйлор Мун»	13,33
«Евангелион»	13,04	«Волейбол!!»	13,33
«Хеллсинг»	13,04	«Гинтама»	10
«Стальной алхимик»	8,7	«One Piece»	10
«Невероятные приключения ДжоДжо»	8,7	«Наруто»	10
«Блич»	8,7	«Атака титанов»	10
«Тёмный дворецкий»	8,7	«Охотник х Охотник»	10
«Моб Психо 100»	8,7	«Моя геройская академия»	10
«Врата Штейна»	8,7	Аниме студии Ghibli (реж. Хаяо Миядзаки)	3,33

Сравнение пересекающихся предпочтений не выявило значимых различий (табл. 7).

Таблица 7

Сравнение предпочитаемых аниме в группах «отаку» и «не-отаку»

Название	NOT (N = 23), N (%)	ОТ (N = 30), N (%)	Сравнение
Аниме студии Ghibli (реж. Хаяо Миядзаки)	5 (21,7)	1 (3,3)	$\chi^2 = 2,75$, $p = 0,097$
«Евангелион»	3 (13)	6 (20)	$\chi^2 = 0,09$, $p = 0,765$

Причины предпочтения аниме

Для исследования причин увлечения аниме респонденток попросили назвать наиболее предпочитаемые аниме (1–3 тайтла) и рассказать, что им в них нравится (в выразительных средствах и содержании). В результате контент-анализа были выделены семь категорий, сравнение групп «отаку» и «не-отаку» по частоте упоминания данных категорий не выявило значимых различий (табл. 8). В группе «отаку» большинство респонденток (90 %) в качестве причин предпочтения аниме отметили интерес к наблюдению за персонажами, 80 % назвали привлекательность визуальной составляющей и 76,7 % выделили ценностно-смысловое содержание. В группе «не-отаку» респондентки в равной степени отметили интерес к персонажам и их взаимоотношениям и к содержанию предпочитаемых аниме – 73,9 % упоминаний каждой категории, 60,9 % выделили особенности визуальных средств.

Таблица 8

Частота категорий ответов на вопрос:
«Что Вам нравится в любимых аниме?»

Категория	Краткое описание	НОТ (N = 23)	ОТ (N = 30)	Сравнение
Визуальная составляющая	Особенности рисовки, цвет	14 (60,9)	24 (80,0)	$\chi^2 = 1,50$, $p = 0,221$
Анимация	Темп повествования	7 (30,4)	12 (40)	$\chi^2 = 0,186$, $p = 0,667$
Звуковая составляющая	Музыка, голос (озвучка) персонажей	3 (13,0)	11 (36,7)	$\chi^2 = 2,62$, $p = 0,105$
Персонажи	Дизайн, история персонажей, их взаимоотношения, связь с персонажами	17 (73,9)	27 (90,0)	$\chi^2 = 1,38$, $p = 0,239$
Атмосфера	Настроение, которое создает фильм	13 (56,5)	17 (56,7)	$\chi^2 = 0,00$, $p = 1,00$
Сюжет	Нарратив, история, сюжетная линия	9 (39,1)	12 (40)	$\chi^2 = 0,00$, $p = 1,00$
Содержание	Темы, идеи, смыслы, ценности	17 (73,9)	23 (76,7)	$\chi^2 = 3,21$, $p = 1,00$
Эмоциональный отклик	Катарсические переживания	2 (8,7)	6 (20)	$\chi^2 = 0,566$, $p = 0,452$

Далее, для того чтобы лучше понять содержательные характеристики выделенных категорий, внутри каждой категории были выделены подкатегории, подсчитывалась частота упоминания каждой подкатегории в обеих группах.

Таблица 9

Частота подкатегорий ответов на вопрос «Что Вам нравится в любимых аниме?»
(анализ категории «визуальная составляющая»)

Подкатегории	Примеры ответов	НОТ (N = 23)	ОТ (N = 30)	Сравнение
1	2	3	4	5
Необычная рисовка (символьность, иска- жение форм)	В визуале люблю видеть что-то необычное: необычную рисовку, не- обычные цвета, необычные ракурсы. Мне нравится вайб «необычности» в тайгле, например рисовка. Рисовка там, конечно, невыразимо специфичная. Формы искажены	5 (21,7)	8 (26,7)	$\chi^2 = 0,001$, $p = 0,927$
Старая рисовка (2D-графика, без спецэффектов)	Я предпочитаю аниме с более старой рисовкой... не нравятся крутые спецэффекты. В старой рисовке все выглядело намного проще. А еще у многих старых аниме формат картинки 4:3 и он мне очень нравится. Современные широкие картинки вроде 21:9 меня очень сильно напрягают. Больше нравятся аниме с рисовкой до 2000-х... без очевидной 3D-гра- фики.	4 (17,4)	7 (23,3)	$\chi^2 = 0,035$, $p = 0,852$
Красивая рисовка (проработанность, внимание к деталям)	Прекрасная рисовка (кино анимейшн же делали). Визуал очень красивый. Произведения выполнены на высоком художественном уровне. В аниме часто уделяют большое внимание деталям и это, наверное, то, что меня очень привлекало. Проработанность заставляет восхищаться.	7 (30,4)	11 (36,7)	$\chi^2 = 0,033$ $p = 0,855$
Цвет		3 (13,04)	10 (33,3)	$\chi^2 = 1,90$, $p = 0,168$

Окончание табл. 9

1	2	3	4	5
яркие краски	Поражают своими обилием красок. В целом для меня аниме – это во многом цветотерапия... Чистые яркие краски просто бальзам на душу. ... яркое, броское.	2 (8,7)	6 (20)	$\chi^2 = 0,566$, $p = 0,452$
спокойные, приглу- шенные	Очень люблю аниме... за неторопливость и спокойные глубокие цвета. ...приглушенная затуманенность	2 (8,7)	1 (3,3)	$\chi^2 = 0,057$, $p = 0,812$
необычные	Цвета странные... необычные цвета.	1 (4,3)	1 (3,3)	$\chi^2 = 2,51$, $p = 1,00$

Сравнение групп «отаку» и «не-отаку» по частоте упоминания подкатегорий также не выявило статистически значимых различий.

Визуальная составляющая

В визуальной составляющей респондентки обеих групп отмечали красивую рисовку, проработанность, внимание к деталям (36,7 % у «отаку» и 30,4 % у «не-отаку»), яркие цвета (33,3 % у «отаку» и 13,04 % у «не-отаку») и необычность (простоту, символичность) рисовки (26,7 % упоминаний в группе «отаку» и 21,7 % среди «не-отаку»). Интересно, что часть респонденток отдельно отмечала приоритет старого типа рисовки с использованием 2D-графики и отсутствием спецэффектов (23,3 % у «отаку» и 17,4 % у «не-отаку») (табл. 9).

Анимация

Предпочтение динамичности анимации отметили 20 % в группе «отаку» и 21,7 % среди «не-отаку», в то время как размеренность только 6,7 % в группе «отаку», 4,3 % среди «не-отаку» (табл. 10).

Таблица 10

Частота подкатегорий ответов на вопрос: «Что Вам нравится в любимых аниме?»
(анализ категории «анимация»)

Подкатегории	Примеры ответов	НОТ (N = 23)	ОТ (N = 30)	Сравнение
<i>Динамичность</i>	Динамичное Нравится из-за большого количества экшена	5 (21,7)	6 (20,0)	$\chi^2 = 2,92$, $p = 1,00$
<i>Размеренность</i>	Неторопливое. Повествование...: не слишком медленно и не слишком быстро, размеренно	1 (4,3)	2 (6,7)	$\chi^2 = 0,00$ $p = 1,00$

Звуковая составляющая

Важность музыкального сопровождения для глубины эстетического воздействия аниме, создания атмосферы отметили 33,3 % респонденток в группе «отаку» и 13 % в группе «не-отаку». Также респондентки из группы «отаку» выделяли особенности оригинальной озвучки персонажей: гармоничность японских голосов, некоторые отмечали, что после первого знакомства с аниме их удивила озвучка и с тех пор они смотрят аниме только с субтитрами (табл. 11).

Таблица 11

Частота подкатегорий ответов на вопрос:
 «Что Вам нравится в любимых аниме?»
 (анализ категории «звуковая составляющая»)

Подкатегории	Примеры ответов	НОТ (N = 23)	ОТ (N = 30)	Сравнение
Музыка	Музыка потрясающая... Когда я слышу осты отту- да, меня мгновенно бросает в прошлое. Очень классный саундтрек, опенинги от любимой груп- пы. Важна музыка	3 (13,0)	10 (33,3)	$\chi^2 = 1,90$, $p = 0,168$
Озвучка (сейю)	Нравятся оригинальные японские голоса и их гармо- ничность, ... озвучка сейю	0	5 (16,7)	$\chi^2 = 2,51$, $p = 0,113$

Персонажи

Среди характеристик персонажей респондентки обеих групп отмечали необычность, яркость (харизматичность) аниме-персонажей (причем как главных, так и второстепенных) (26,7 % в группе «отаку» и 21,7 % в группе «не-отаку»), проработанность дизайна и личностных особенностей и длительное раскрытие истории каждого персонажа (26,7 % в группе «отаку» и 17,4 % в группе «не-отаку») (табл. 12), благодаря чему возрастает способность чувствовать связь с персонажем (60 % в группе «отаку», 52,2 % – у «не-отаку») (табл. 13).

Анализ подкатегории «связь с персонажем» показал, что в группе «отаку» 20 % респонденток отметили наличие парасоциальных отношений с предпочитаемыми персонажами (восприятие персонажа как романтического партнера, родительской фигуры) (см. табл. 13).

Атмосфера

Анализ особенностей атмосферы, возникающей при восприятии предпочитаемых аниме, показал, что респондентки в группе «отаку» с одинаковой частотой отмечали уютную атмосферу повседневности и веселую атмосферу – по 30 % упоминаний (как заметила одна из участниц, «серьезности и проблем мне и в жизни хватает, а в аниме мне это не нужно»). Респондентки группы «не-отаку» также отмечали комедийную атмосферу их любимых аниме (21,7 %), а также загадочную, нагнетающую атмосферу, свойственную детективному жанру, триллерам и хоррорам. В обеих группах отмечалась ат-

Таблица 12

Частота подкатегорий ответов на вопрос: «Что Вам нравится в любимых аниме?» (анализ категорий «персонажи»)

Подкатегории	Примеры ответов	НОТ (N = 23)	ОТ (N = 30)	Сравнение
Необычные (яркие, оригинальные)	В аниме меня больше всего интересуют персонажи, они такие необычные и интересные, ... много ярких неклишированных персонажей. Харизматичные главные и второстепенные персонажи привлекают внимание и являются ключевым фактором наравне с сюжетом при выборе тайтла	5 (21,7)	8 (26,7)	$\chi^2 = 0,01$, $p = 0,927$
Проработанность (история, раскрытие)	Самое главное, персонажи, их развитие по сюжету. Проработанные персонажи, от их личностей до внешних характеристик, за которыми интересно наблюдать, либо размышлять об их опыте, характерах или мировоззрении. Много проработанных героев, которым легко сопереживать. Прописанность персонажей (включая работу сейю)	4 (17,4)	8 (26,7)	$\chi^2 = 0,22$, $p = 0,639$
Внешность	Нравится красивый дизайн персонажей, например бисёнены. Во многом определило мой любимый типаж персонажей	2 (8,7)	5 (16,7)	$\chi^2 = 0,194$, $p = 0,66$
Неидеальные (похожие на настоящих)	Очень понравились похожие на настоящих по поведению запоминающиеся персонажи. Мне нравится, когда персонажей не показывают идеальными людьми, которые не знают что такое злость, отчаяние и другие негативные эмоции, ... когда персонажи неидеальны, т. е. банально могут трусить и пр.	2 (8,7)	4 (13,3)	$\chi^2 = 0,01$, $p = 0,928$
Взаимоотношения персонажей	Максимально краткий ответ – во всех своих любимых тайтлах я больше наблюдаю за персонажами, чем за сюжетом... Мне больше нравится наблюдать за процессом и взаимодействием всех этих невыразимо ярких личностей	5 (21,7)	5 (16,7)	$\chi^2 = 0,013$, $p = 0,910$

Таблица 13
Частота подкатегорий ответов на вопрос: «Что Вам нравится в любимых аниме?» (анализ категории «персонажи»)

Подкатегории	Примеры ответов	НОТ (N = 23)	ОТ (N = 30)	Сравнение
Связь с персонажем		12 (52,2)	18 (60,0)	$\chi^2 = 0,084$, $p = 0,772$
Желаемая идентификация	Мне нравится наблюдать за ростом главных героев. Они стараются и это заставляет и меня двигаться вперёд. Каждый раз, когда герой, в существование которых начинаешь сам верить, преодолевают сложные препятствия и проблемы, начинаю думать, что и я так смогу	4 (17,4)	5 (16,7)	$\chi^2 = 0,00$, $p = 1,00$
Сходство	Кинокружок и многие другие аниме, связанные с рисованием, мне близки как человеку, который тоже увлекается процессом создания артов. Чувствую себя ближе к истории, когда главная героиня имеет социальную неловкость и желание уйти из реальности в Интернет	2 (8,7)	4 (13,3)	$\chi^2 = 0,01$ $p = 0,928$
Сопереживание	Причём, несмотря на выдуманность мира, его собственные правила и причуды, в происходящее охотно веришь и за героев порой переживаешь больше, чем за себя. Проявление спектра эмоций заставляет сопереживать персонажам, и это то, что меня цепляет	4 (17,4)	3 (10,0)	$\chi^2 = 0,143$, $p = 0,705$
Парасоциальные отношения	...я люблю их так давно, что они мне уже как родные. Наруто заменил мне отца	2 (8,7)	6 (20,0)	$\chi^2 = 0,566$, $p = 0,452$

Таблица 14

Частота подкатегорий ответов на вопрос: «Что Вам нравится в любимых аниме?» (анализ категории «атмосфера»)

Подкатегории	Примеры ответов	НОТ (N = 23)	ОТ (N = 30)	Сравнение
Необычная	Вайб необычности; сюрреалистичный стиль мне по душе; это что-то необычно безумное; мне больше всего нравится абсурдность и хаотичность происходящего	4 (17,4)	7 (23,3)	$\chi^2 = 0,035$, $p = 0,852$
Уютная, теплая, романтическая	Ламповая атмосфера. Максимально приятно смотреть аниме с непринуждённой атмосферой. Порой мне нравится смотреть на что-то обычное... Люблю, когда уделяют внимание спокойным сценам, где герои ведут себя как настоящие люди, а не просто карикатурные персонажи. Нет чернухи, цинизма ради цинизма. Атмосфера... очень трогательная, возможно милая...	4 (17,4)	9 (30,0)	$\chi^2 = 0,541$, $p = 0,462$
Загадочная, нагнетающая, дарковая	В ангеле все запутанно и в основном ты сидишь в предвкушении. Часто люблю что-то гнетущее, напрягающее и заставляющее думать. Нравятся загадки, задаваемые по ходу истории и их раскрытие (или необходимость додумывать самим)	6 (26,1)	6 (20,0)	$\chi^2 = 0,038$ $p = 0,846$
Драма, меланхолия, тоска, рефлексия	Мне кажется, в моих любимых тайтлах можно проследить временами тоскливое и задумчивое повествование; где можно подумать. Люблю меланхоличные произведения. Тягостно чувство безнадеги; стоит включить Еву, и ты сразу погружаешься в эту упадническую атмосферу.	4 (17,4)	4 (13,3)	$\chi^2 =$ $p =$
Веселая, забавные моменты, юмор	Комедийность; веселое; забавные моменты; оригинальный японский юмор	5 (21,7)	9 (30,0)	$\chi^2 = 4,80$, $p = 0,983$

мосфера сюрреалистичности, абсурдности, хаотичности, иногда граничащая с безумием (23,3 % в группе «отаку») и 17,4 % в группе «не-отаку») (табл. 14).

Сюжет

В сюжете респондентки обеих групп отмечали неожиданные сюжетные повороты (40 % в группе «отаку» и 39,1 % в группе «не-отаку») (табл. 15).

Таблица 15

Частота подкатегорий ответов на вопрос: «Что Вам нравится в любимых аниме?»
(анализ категории «сюжет»)

Подкатегории	Примеры ответов	НОТ (N = 23)	ОТ (N = 30)	Сравнение
Необычность	Я в буквальном смысле была в шоке от каждого сюжетного поворота в этом произведении. Люблю нестандартный подход к повествованию, нетривиальные сюжетные тропы. В жюже мне больше всего нравится реально неожиданные сюжетные повороты	9 (39,1)	12 (40)	$\chi^2 = 0,00$, $p = 1,00$

Смысловое содержание

Респондентки обеих групп в равной степени отмечают, что в предпочитаемых ими аниме раскрываются серьезные темы, философские, мировоззренческие и психологические вопросы: о смысле жизни, о людях и их месте в обществе и виртуальной реальности, о технологиях будущего (33,3 % в группе «отаку» и 30,4 % в группе «не-отаку»), при этом подчеркиваются необычные идеи, которые предлагаются в аниме (например, «серая мораль», идеи о хикикомори). Большая часть респонденток (76,7 % в группе «отаку» и 52,2 % в группе «не-отаку») отмечает близость ценностных ориентаций, которыми руководствуются персонажи аниме: целеустремленность (упорство в достижении своей цели, мечты), дружба (преданность), альтруизм (жертвенность) и универсализм (бережное отношение к природе и всему живому) (табл. 16).

Эмоциональный отклик

Также в качестве одной из причин предпочтения аниме респондентки обеих групп отметили, что аниме помогает пережить положительные эмо-

Таблица 16

Частота подкатегорий ответов на вопрос: «Что Вам нравится в любимых аниме?» (анализ категории «смысловое содержание»)

Подкатегории	Примеры ответов	НОТ (N = 23)	ОТ (N = 30)	Сравнение
1	2	3	4	5
Серьезные темы (философия, мораль, психология)	Поднимают философские темы, рассуждают над фундаментальными вопросами о жизни, о технологиях будущего, о людях и их месте в социуме, в Интернете, об их значимости для других и для самих себя. Персонажи находятся на грани жизни и смерти. Обигрываются серьезные темы. В Еве раскрывается тема смысла жизни.	7 (30,4)	10 (33,3)	$\chi^2 = 1,71$, $p = 1,00$
Необычные идеи		6 (26,1)	5 (16,7)	$\chi^2 = 0,246$, $p = 0,620$
Серая мораль	...о том, что мир не делится только на черное и белое	4 (17,4)	2 (6,7)	$\chi^2 = 0,615$, $p = 0,433$
Отчуждение от общества	Привлекают идеи о хикикомори	1 (4,3)	3 (10,0)	$\chi^2 = 0,061$, $p = 0,805$
Отношение полов	Я нахожу это аниме феминистичным (с оговорками), что необычно для аниме в целом, а потому подкупило.	1 (4,3)	0	$\chi^2 = 0,018$ $p = 0,893$
Культура Японии	Мне нравится культура региона; околорелигиозные сюжеты	2 (8,7)	1 (3,3)	$\chi^2 = 0,057$ $p = 0,812$
Ценности		12 (52,2)	23 (76,7)	$\chi^2 = 2,48$ $p = 0,116$
Целеустремленность	Самый главный посыл – никогда не сдаваться, очень мотивирует и придает силы	4 (17,4)	7 (23,3)	$\chi^2 = 0,035$ $p = 0,852$

Окончание табл. 16

1	2	3	4	5
<i>Доброта</i>	Общая идея – это эдакое человеколюбие. ... Также здесь нет чернухи, цинизма ради цинизма; искренность, жертвенность	3 (13,0)	1 (3,3)	$\chi^2 = 0,643$, $p = 0,423$
<i>Универсализм</i>	Призывает бережно относиться к тому, что вокруг нас	1 (4,3)	1 (3,3)	$\chi^2 = 2,51$, $p = 1,00$
<i>Дружба, преданность, семья</i>	Очень ценю тему человеческих взаимодействий, но не любви в романтическом плане, а дружбу/восхищение/преданность. Одной из главных вещей, которые меня интересуют в аниме, является наличие «семейных уз». То, как совершенно незнакомые люди, к концу повествования становятся буквально семьей. И в каждом из моих любимых аниме это есть.	3 (13,0)	11 (36,7)	$\chi^2 = 2,62$, $p = 0,105$
<i>Любовь</i>	Мне близки темы любви..., потому что у меня в жизни такой роскоши нет	2 (8,7)	3 (10)	$\chi^2 = 6,69$, $p = 1,00$

ции, которых им не хватает в жизни, получить эмоциональную поддержку (табл. 17).

Таблица 17

Частота категорий ответов на вопрос: «Что Вам нравится в любимых аниме?»
(анализ категории «эмоциональный отклик»)

Категория	Примеры ответов	НОТ (N = 23)	ОТ (N = 30)	Сравнение
Положительные эмоции, поддержка	Больше всего мне нравится, какие эмоции они вызывают. Фильмы Хаяо Миядзаки вообще всю душу выворачивают. Во взрослом возрасте тоже пересматриваю, когда не хватает эмоционального ресурса жить. «Студия Гибли» дарит надежду. Атмосфера, музыка, изображение и взаимоотношения героев такие, что хочется плакать от того, какое все невыразимо прекрасное. Чувствую себя живой. Без шуток и приукрашивания, «Гинтама» – единственное, на чем удерживается мое психологическое состояние	2 (8,7)	6 (20)	$\chi^2 = 0,566$, $p = 0,452$

Выводы и заключение

Обобщая результаты проведенного исследования, можно заключить, что сравниваемые нами группы поклонниц аниме «отаку» и «не-отаку» не различаются по содержательным аспектам интереса к аниме.

В качестве причин предпочтения аниме девушки обеих групп отмечали необычность аниме, его уникальность по сравнению с другими видами медиаконтента. Подкатегория «необычность» прослеживалась практически во всех выделенных категориях: в визуальной составляющей (необычная рисовка, необычные цвета, необычные ракурсы), в образах персонажей (необычные, яркие, харизматичные персонажи, неидеальные, похожие на обычных людей, разделяющие немейнстримные идеи), в необычной (сюрреалистичной) атмосфере, в непредсказуемых сюжетных поворотах и обращении к серьезным темам, не свойственным обычной мультипликации (сопоставимые по проблематике с серьезной классической литературой).

Из всех выделенных категорий обращает на себя внимание частота упоминания категории «персонажи», в частности, подкатегории «связь с персонажем» (желаемая идентификация, сходство, сопереживание и парасоциальные отношения). Поскольку в категории «содержания» большая часть респондентов выделяли подкатегорию ценностей (особое представление о дружбе, близкое к понятию семьи), а при описании эмоционального отклика встречались такие ответы, как «мне близки темы любви и дружбы, потому что у меня в жизни такой роскоши нет, потому мне хочется, чтобы хотя бы у ребят на экране все было хорошо», можно предположить, что аниме ввиду его эмоциональной направленности позволяет погрузиться в мир эмоциональных отношений и пережить положительные эмоции, эмоциональную поддержку, которой не хватает в жизни. Интересно, что согласно результатам зарубежных исследований связь с любимым персонажем включает три фактора: идентификацию с персонажем, ощущаемое сходство с персонажем и романтический интерес к персонажу [Reysen et al., 2020], причем отаку по сравнению с аниме-фанатами, не считающими себя отаку, набрали значимо высокие баллы по показателю идентификации, чем не-отаку. Это говорит о том, что отаку сильнее отождествляют себя со своими любимыми персонажами аниме и, следовательно, чувствуют сильную связь с ними [Reysen et al., 2022]. В нашем исследовании мы не получили значимых различий по этому показателю, но, возможно, это связано с ограничениями исследовательской процедуры – сравнивались не большие по объему выборки. Представляется интересным в будущих исследованиях сосредоточиться на исследовании категории «связь с персонажем» у фанатов аниме.

Таким образом, результаты нашего исследования показали, что в содержательных аспектах увлеченности аниме девушки отаку и не-отаку не различаются, что согласуется с результатами зарубежных исследований [Reysen et al., 2022]. Выявленные различия относились только к силе, интенсивности и формам выражения фанатского интереса. Девушки отаку больше времени посвящают просмотру аниме, чаще посещают аниме-конвенции и занимаются фан-творчеством. Отдельные ответы респонденток из группы отаку позволяют предположить, что чрезмерная увлеченность аниме может быть проблемой для социально-психологической адаптации. Однако анализ социально-демографических характеристик не подтверждает это предположение, как отмечали некоторые участницы, увлечение аниме позволило им определиться в выборе профессии (назывались профессии художника-иллюстратора, графического дизайнера). Таким образом, можно полагать, что, по крайней мере, в отдельных случаях увлечение аниме может способствовать социально-психологической адаптации, что требует дальнейшего изучения.

Список литературы

Иванов Б. Введение в японскую анимацию. 2-е изд., испр. и доп. М.: Б.И., 2001.

Катасонова Е. Л. Японцы в реальном и виртуальном мирах: очерки современной японской массовой культуры. М.: Вост. лит., 2012.

Нейпир С. От «Акиры» до «Ходячего замка». Как японская анимация перевернула мировой кинематограф. М.: Эксмо, 2022.

Скворцова Е. Л. Японская эстетика XX века. Антология. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021.

Furlong A. The Japanese hikikomori phenomenon: Acute social withdrawal among young people // *The Sociological Review*. 2008. Vol. 56. P. 309–325.

Hsieh H.-F., Shannon, S. E. Three Approaches to Qualitative Content Analysis // *Qualitative Health Research*. 2005. Vol. 15 (9). P. 1277–1288.

Kato T. A., Kanba S., & Teo A. R. Defining pathological social withdrawal: Proposed diagnostic criteria for hikikomori // *World Psychiatry*. 2020. Vol. 19 (1). P. 116–117.

Reysen S., Plante C. N., Chadborn D., Roberts, S. E., Gerbasi K. C., Miller J., Gamboa A., & Ray A. A brief report on the prevalence of self-reported mood disorders, anxiety disorders, attention-deficit/hyperactivity disorder, and autism spectrum disorder in anime, brony, and furry fandoms // *The Phoenix Papers*. 2018. Vol. 3 (2). P. 64–75.

Reysen S., Plante C. N., Chadborn D., Roberts S. E., & Gerbasi K. Transported to another world: The psychology of anime fans. International Anime Research Project. Texas, 2021.

Reysen S., Plante C. N., Roberts S. E., & Gerbasi K. C. Sex differences in parasocial connection to favorite anime characters: A multifactor approach // *The Phoenix Papers*. 2020. Vol. 4 (2). P. 72–92.

Reysen S., Plante C. N., Roberts S. E., & Gerbasi K. C. Empirically testing the veracity of otaku stereotypes // *The Phoenix Papers*. 2022. Vol. 5 (1). P. 210–233.

References

Furlong, A. (2008) The Japanese hikikomori phenomenon: Acute social withdrawal among young people. *The Sociological Review*. Vol. 56. P. 309–325.

Ivanov, B. Vvedenie v japonskuju animaciju. 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. Moscow. B.I. (In Russ.)

Katasonova, E. L. (2012) Japoncy v real'nom i virtual'nom mirah: ocherki sovremennoj japonskoj massovoj kul'tury. Moscow, Vost. lit. (In Russ.)

Kato, T. A., Kanba, S., Teo, A. R. (2020) Defining pathological social withdrawal: Proposed diagnostic criteria for hikikomori. *World Psychiatry*. Vol. 19 (1). P. 116–117.

Neypir, S. (2022) Ot «Akiry» do «Hodjachego zamka». Kak japonskaja animacija perevernula mirovoj kinematograf. Moscow, Jeksmo. (In Russ.)

Reysen, S., Plante, C. N., Chadborn, D., Roberts, S. E., Gerbasi, K. C., Miller, J., Gamboa, A., Ray, A. (2018) A brief report on the prevalence of self-reported mood disorders, anxiety disorders, attention-deficit/hyperactivity disorder, and

autism spectrum disorder in anime, brony, and furry fandoms. *The Phoenix Papers*. Vol. 3 (2). P. 64–75.

Reysen, S., Plante, C. N., Chadborn, D., Roberts, S. E., & Gerbasi, K. (2021) Transported to another world: The psychology of anime fans. International Anime Research Project. Texas.

Reysen, S., Plante, C. N., Roberts, S. E., & Gerbasi, K. C. (2022) Empirically testing the veracity of otaku stereotypes. *The Phoenix Papers*. Vol. 5(1). P. 210–233.

Reysen, S., Plante, C. N., Roberts, S. E., Gerbasi, K. C. (2020) Sex differences in parasocial connection to favorite anime characters: A multifactor approach. *The Phoenix Papers*. Vol. 4(2). P. 72–92.

Skvorcova, E. L. (2021) Japonskaja jestetika XX veka. Antologija. Moscow; Saint Petersburg, Centr humanitarnyh iniciativ. (In Russ.)

Сведения об авторах

Лякина Яна Сергеевна, ведущий психолог, старший преподаватель кафедры клинической психологии факультета медицины и психологии им. В. Зельмана Института медицины и медицинских технологий Новосибирского государственного университета
Scopus AuthorID: 58885095200
RSCI AuthorID: 1043029

Гололобова Полина Владимировна, магистрант факультета подготовки кадров высшей квалификации по направлению «Дизайн» Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств им. А. Д. Крячкова

Information about the Authors

Yana S. Lyakina, Lead Psychologist, Senior Lecturer of the Chair of Clinical Psychology at the V. Zelman Department of Medicine and Psychology, Institute of Medicine and Medical Technologies of Novosibirsk State University
Scopus AuthorID: 58885095200
RSCI AuthorID: 1043029

Polina V. Gololobova, Master's Student of the Faculty of Training of Highly Qualified Personnel in the Design direction of the Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts named after A. D. Kryachkov

Материал поступил в редколлегию 31.10.2024
The article was submitted 31.10.2024

Научная статья

УДК 159.9

DOI 10.25205/2658-4506-2024-17-1-109-124

Моральная конформность и когнитивная рефлексия

Марина Владимировна Злобина

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

marinazlobina1991@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8793-9546>

Аннотация

Актуальность изучения моральной конформности в виртуальной среде обусловлена спецификой жизни современного человека, значительная часть которой протекает в условиях виртуальной реальности. Особое значение приобретает изучение факторов, лежащих в основе конформного поведения. В качестве одного из таких факторов может выступать способность к когнитивной рефлексии как тенденция к более рациональному, осмысленному и тщательному обдумыванию проблемы или ситуации. Мы предположили, что более высокие показатели когнитивной рефлексии будут связаны с более низкими показателями конформности. Выборку исследования составили 80 человек, 47 женщин и 33 мужчины, в возрасте от 18 до 25 лет ($M = 19,5$, $Sd = 1,69$). Были использованы следующие методики: тест когнитивной рефлексии (ТКР) (Родина, Прутков, 2019), шкала конформности Меграбяна и Стефл, шкала *vm*-конформности, набор из 20 дилемм, включающих ситуации морального конфликта в виртуальной среде. В результате проведенного исследования было показано, что показатели по тесту когнитивной рефлексии отрицательно связаны с показателями конформности. Мужчины в нашем исследовании продемонстрировали более высокие показатели когнитивной рефлексии, а женщины – более высокие показатели виртуальной моральной конформности. Таким образом, когнитивная рефлексия действительно может выступать в роли фактора, лежащего в основе конформного поведения, в том числе моральной конформности. Дальнейшие направления могут включать проверку этого предположения с использованием не только самоотчетных методов исследования конформности, но и в экспериментальных исследованиях.

Ключевые слова

конформность, шкала конформности, моральная конформность, виртуальная моральная конформность, когнитивная рефлексия, тест когнитивной рефлексии

© Злобина М. В., 2024

Источник финансирования

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00771, <https://rscf.ru/project/23-28-00771/>

Для цитирования

Злобина М. В. Моральная конформность и когнитивная рефлексия // *Reflexio*. 2024. Т. 17, № 1. С. 109–124. DOI 10.25205/2658-4506-2024-17-1-109-124

Moral Conformity and Cognitive Reflection

Marina V. Zlobina

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russian Federation

marinazlobina1991@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8793-9546>

Abstract

The relevance of studying moral conformity in a virtual environment is due to the specifics of modern life, a significant part of which takes place in virtual reality. Of particular importance is the study of the factors underlying conformity. One of these factors may be the ability to cognitive reflection as a tendency to more rational and precise consideration of a problem or situation. We assumed that higher rates of cognitive reflection would be associated with lower rates of conformity. The study sample consisted of 80 subjects, 47 women and 33 men, aged 18 to 25 ($M = 19.5$, $Sd = 1.69$). The following measures were used: Cognitive Reflection Test (CRT) (Rodina, Prutkov, 2019), Mehrabian and Stelf conformity scale, vm-conformity scale, a set of 20 dilemmas, including situations of moral conflict in a virtual environment. The results of the study showed that the CRT scores were negatively correlated to the conformity scores. Men in our study demonstrated higher cognitive reflection scores, and women demonstrated higher virtual moral conformity scores. Thus, cognitive reflection may be a factor underlying conformity behavior, including moral conformity. Further research directions may include not only self-report measures of conformity, but also experimental studies.

Keywords

Conformity, conformity scale, moral conformity, virtual moral conformity, cognitive reflection, cognitive reflection test

Funding

The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project № 23-28-00771

For citation

Zlobina M. V. Moral Conformity and Cognitive Reflection. *Reflexio*, 2023, vol. 17, no. 1, pp. 109–124. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2024-17-1-109-124

Введение

В современной психологии возрастает интерес к проблеме морального поведения человека. Внимание исследователей в последние годы привлекает феномен моральной конформности [Zlobina & Fedorov, б. д.]. Под моральной конформностью понимается «сонаправленное социальному давлению изме-

нение в публичном моральном поведении» [Фёдоров, 2024. С. 281]. Существует большое количество исследований, свидетельствующих о том, что феномен моральной конформности наблюдается как в реальной [Kundu & Cummins, 2013; Bostyn & Roets, 2017; Lisciandra et al., 2013; Keshmirian et al., 2022], так и в виртуальной среде [Bocian et al., 2024; Fedorov & Rakhmanov, 2024; Kelly et al., 2017; Marton-Alper et al., 2022]. Поскольку значительная часть жизни современного человека протекает в условиях цифровой и виртуальной действительности, все более актуальным становится изучение морального поведения в виртуальном пространстве.

Kelly и коллеги показали, что феномен моральной конформности наблюдается в даже в том случае, когда испытуемые всего лишь видят на экране компьютера информацию о том, какое решение приняло большинство [Kelly et al., 2017]. В исследовании Marton-Alper и коллег [2022] в качестве группы давления выступала виртуальная группа (вымышленные участники). Было показано, что даже в отсутствии «реальной» группы давления испытуемые демонстрируют тенденцию подчиняться в своих суждениях мнению большинства [Marton-Alper et al., 2022]. В работе Фёдорова и Рахманова также был подтвержден эффект моральной конформности в виртуальном пространстве. Авторы показали, что персонифицированное давление в ситуации виртуального морального выбора оказывает более сильное влияние, чем предоставление испытуемым информации о решении большинства [Fedorov & Rakhmanov, 2024]. Bocian и коллеги показали, что эффект моральной конформности наблюдается в иммерсивной (с использованием VR-технологий) виртуальной среде. В их исследовании испытуемые принимали решения в группе аватаров (виртуальные репрезентации других людей), которые, якобы, контролировались человеком или искусственным интеллектом (ИИ). Было показано, что эффект конформности наблюдается как в том случае, если испытуемые думают, что решение принимает другой человек, так и в случае, если участники исследования полагали, что решение принимает ИИ [Bocian et al., 2024].

Эти и другие исследования моральной конформности в виртуальном пространстве свидетельствуют о необходимости более детального изучения данного феномена. Несмотря на растущее количество исследований, подтверждающих существование моральной конформности в виртуальной среде, остается не до конца ясным, какие переменные влияют на проявление данного феномена. Традиционно в рамках социальной проявление конформности связывают с такими внешними факторами, как размер группы [Lowry и др., 2006], сложность задачи [Rosander & Eriksson, 2012] и пр. Однако, кроме внешних факторов, существуют и другие переменные, с которыми может быть связано проявление конформного поведения. В современной психологии существуют исследования, демонстрирующие взаимосвязь конформности и черт личности. К примеру, такие личностные черты, как нейротизм и добросовестность могут обуславливать более конформные ответы [Wijenayake et al., 2020], тогда

как пластичность и открытость опыту, напротив, будут отрицательно связаны с конформностью [DeYoung et al., 2002; Franzen & Mader, 2023]. В качестве одного из факторов, влияющих на конформное поведение, может выступать способность к когнитивной рефлексии. Под когнитивной рефлексией понимается способность, или склонность, не давать первый ответ, который приходит в голову [Frederick, 2005], мыслить рационально, осознавать свой мыслительный процесс, анализировать и оценивать поступающую информацию [Родина, Прутков, 2019]. Frederick [2005] предложил рассматривать способность к когнитивной рефлексии в рамках теории двойных процессов [Evans, 2008; Kahneman, Frederick, 2002], согласно которой выделяются две системы, Система 1 («интуитивная») и Система 2 («аналитическая»), связанные с принятием решений. Предполагается, что Система 1 относится к быстрым, автоматическим и неосознаваемым когнитивным процессам, тогда как Система 2 – аналитическая и рациональная система, которая относится к медленным, осознанным процессам и взвешенным решениям [Evans, 2008].

Для оценки способности к когнитивной рефлексии Frederick [2005] создал специальный тест (тест когнитивной рефлексии, ТКР), состоящий всего из трех заданий, направленный на оценку способности игнорировать первый пришедший в голову неправильный ответ и включаться в дальнейшие размышления, которые приводят к правильному ответу. С этой точки зрения, лица с более развитой когнитивной рефлексией будут более рациональны, склонны к всестороннему анализу проблемы, терпеливы, склонны к аналитическому мышлению [Frederick, 2005], в то время как лица с низкими показателями когнитивной рефлексии будут в большей степени подвержены когнитивным искажениям и ошибкам.

В работе Toplak et al. [2011] было показано, что результаты теста когнитивной рефлексии являются мощным предиктором в эвристических задачах и задачах на когнитивные искажения (heuristics-and-biases task) [Toplak et al., 2011]. Oechssler et al. [2009] показали, что лица с более низкими показателями по тесту когнитивной рефлексии более подвержены ошибке конъюнкции и ошибке консерватизма (коррекции мнения) (conservatism (belief revision)) [Oechssler et al., 2009]. Существуют также свидетельства в пользу того, что результаты ТКР отрицательно связаны с верой в Бога и религиозными убеждениями [Pennycook et al., 2016; Stagnaro et al., 2019], верой в паранормальные явления [Pennycook et al., 2012; Yelbuz et al., 2022], а также политическим консерватизмом [Stagnaro и др., 2019]. Прослеживается связь когнитивной рефлексии и склонности к когнитивным искажениям, связанным с социальным влиянием. К примеру, Baldi и коллеги [2013] в своем исследовании показали, что когнитивная рефлексия связана с уменьшением когнитивных искажений при принятии решений, связанных с социальным статусом [Department of Psychology, Catholic University of the Sacred Heart Largo Gemelli 1 – 20123 Milano, Italy et al., 2013].

Сказанное выше дает основание предположить, что лица, обладающие более высоким уровнем когнитивной рефлексии, будут более тщательно об-

рабатывать поступающую информацию, всесторонне обдумывать проблему, руководствоваться при принятии решения не мнением группы, а собственными заключениями и, как следствие, в меньшей степени будут подвержены давлению окружающих.

Для проверки данной гипотезы нами было организовано эмпирическое исследование, целью которого стало исследование взаимосвязи моральной конформности и когнитивной рефлексии.

Выборка

В исследовании приняли участие 80 человек, 47 женщин и 33 мужчины, в возрасте от 18 до 25 лет ($M = 19,5$, $Sd = 1,69$), студенты разных специальностей Новосибирского государственного университета.

Методы и методики

1. Тест когнитивной рефлексии (ТКР) [Родина, Прутков, 2019]. ТКР был разработан С. Фредериком в 2005 г. Первоначальный вариант теста включал три арифметические задачи. В каждой задаче первый ответ, который приходит в голову, как правило является неверным, и испытуемому требуется более внимательное обдумывание условий задачи. Примером такой задачи является задача на стоимость колпачка и ручки: «Шариковая ручка с колпачком стоит 110 рублей. Ручка на 100 рублей дороже колпачка. Сколько стоит колпачок?». Правильный ответ – колпачок стоит 5 рублей, однако большинство испытуемых отвечает 10 рублей [Родина, Прутков, 2019]. На русский язык методика была адаптирована в 2019 г. О. Н. Родиной и П. Н. Прутковым. Помимо трех задач, используемых в первоначальном варианте ТКР, авторами были добавлены еще четыре задачи из работы Toplak, West and Stanovich [2014]. Содержание задач было адаптировано для российской аудитории (к примеру, доллары заменены на рубли, изменены имена и др.). Полученный вариант теста обладает удовлетворительной внутренней согласованностью (коэффициент альфа составил 0,66), дискриминантной и конвергентной валидностью.

2. Шкала конформности А. Меграбяна и К. Стефл. Шкала разработана А. Меграбяном и К. Стефл в 1995 г. и направлена на оценку конформности как готовности идентифицировать себя с другими и подражать им, уступать другим, чтобы избежать конфликта. Методика содержит 11 пунктов, которые испытуемым предлагается оценить по шкале от –4 (абсолютно не согласен) до +4 (абсолютно согласен), в зависимости от степени своего согласия с каждым из пунктов. Русскоязычный вариант шкалы конформности А. Меграбяна и К. Стефл обладает конвергентной и дискриминантной валидностью, удовлетворительной надежностью по внутренней согласованности, однако слабой ретестовой надежностью [Злобина, 2023].

3. Шкала моральной конформности в виртуальной среде (vm-конформности) [Фёдоров, 2024]. Шкала направлена на оценку моральной конформ-

ности в виртуальной среде, под которой понимается изменение поведения, направленное на согласование действий человека с нормами и стандартам конкретной виртуальной среды или общности. Методика содержит 9 пунктов, с которыми испытуемому предлагается выразить степень своего согласия по шкале от «1 – полностью не согласен» до «7 – полностью согласен». Шкала обладает высокой внутренней согласованностью, хорошей ретестовой надежностью, конвергентной и дискриминантной валидностью.

4. Набор из 20 дилемм, включающих ситуации морального конфликта в виртуальной среде.

Для исследования особенностей принятия моральных решений в виртуальной среде нами был разработан набор из 20 дилемм, описывающих ситуации морального конфликта в цифровой и виртуальной действительности (чаты, форумы, использование технологий ИИ и т. д.). Испытуемым предлагалось оценить по пятибалльной шкале Лайкерта степень допустимости того или иного действия, а также степень реалистичности описанной ситуации и сложность выбора.

Сбор данных осуществлялся с помощью сервиса Google Forms. Математико-статистический анализ данных проводился в программе Jamovi 2.3.28.

Результаты

Описательные статистики представлены в табл. 1.

На первом этапе нами были проанализированы взаимосвязи между показателями конформности по двум методикам и показателем когнитивной рефлексии. В результате корреляционного анализа данных с использованием коэффициента корреляции Спирмена было показано, что результаты по тесту когнитивной рефлексии отрицательно связаны с показателями конформности по шкале Меграбяна и Стефл и шкале vm-конформности и положительно связаны с возрастом (табл. 2).

В зарубежной литературе существуют данные о том, что мужчины демонстрируют значительно более высокие показатели по тесту когнитивной рефлексии по сравнению с женщинами [Frederick, 2005; Otero et al., 2022; Brañas-Garza et al., 2019], поэтому далее мы сравнили группы мужчин и женщин по исследуемым параметрам. В результате применения *t*-критерия Уэлша было показано, что мужчины и женщины значимо отличаются по показателям текста когнитивной рефлексии и vm-конформности (табл. 3).

На следующем этапе мы проанализировали данные, полученные с помощью виртуальных моральных дилемм. Были посчитаны средние значения по всем дилеммам по показателям допустимости действия, сложности выбора и реалистичности ситуации. Результаты корреляционного анализа данных по трем показателям виртуальных моральных дилемм, а также показателям конформности и когнитивной рефлексии, представлены в табл. 4.

Таблица 1

Описательные статистики

Параметр	Пол	ТКР	vm	Meh	Допустимость	Выбор	Реалистичность
N	Женский	47	47	47	47	47	47
	Мужской	33	33	33	33	33	33
Mean	Женский	4,96	32,9	0,298	2,53	2,19	3,77
	Мужской	5,91	24,7	-3,00	2,92	1,78	3,92
Median	Женский	6	33	-1	2,55	2,20	3,70
	Мужской	6	24	-4	2,95	1,60	3,95
Standard deviation	Женский	2,26	7,63	12,5	0,332	0,486	0,443
	Мужской	1,53	9,47	13,2	0,436	0,484	0,677
Minimum	Женский	0	13	-32	1,80	1,20	3,00
	Мужской	0	9	-29	1,40	1,00	2,65
Maximum	Женский	7	53	27	3,25	3,20	4,80
	Мужской	7	46	23	3,60	2,80	5,00

Примечание. ТКР – тест когнитивной рефлексии; Meh – шкала конформности Меграбяна и Стефл; vm – шкала виртуальной моральной конформности (vm-конформности); допустимость – среднее значение допустимости действия по всем виртуальным моральным дилеммам; выбор – среднее значение сложности выбора по всем виртуальным моральным дилеммам; реалистичность – среднее значение реалистичности по всем виртуальным моральным дилеммам.

Таблица 2

Корреляция показателей двух шкал конформности и ТКР
(коэффициент корреляции Спирмена)

Показатель	ТКР	vm	Meh
vm	-0,282*	—	
Meh	-0,220*	0,411***	—
Возраст	0,238*	-0,322**	-0,058

Примечание. ТКР – тест когнитивной рефлексии; Meh – шкала конформности Меграбяна и Стефл; vm – шкала виртуальной моральной конформности (vm-конформности); * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$, $N = 80$.

Таблица 3

Сравнение групп мужчин и женщин по показателям конформности
и ТКР (t Уэлша)

Показатель	Statistic	df	p
ТКР	-2,25	77,9	0,027
vm	4,10	59,3	<0,001
Meh	1,13	66,6	0,264

Примечание. ТКР – тест когнитивной рефлексии; Meh – шкала конформности Меграбяна и Стефл; vm – шкала виртуальной моральной конформности (vm-конформности)

Таблица 4

Корреляция показателей виртуальных моральных дилемм,
конформности и ТКР
(коэффициент корреляции Спирмена)

Показатель	ТКР	vm	Meh
Допустимость	0,244*	-0,153	-0,275*
Выбор	-0,171	0,500***	0,253*
Реалистичность	0,139	-0,150	-0,172

Примечание. ТКР – тест когнитивной рефлексии; Meh – шкала конформности Меграбяна и Стефл; vm – шкала виртуальной моральной конформности (vm-конформности); допустимость – среднее значение допустимости действия по всем виртуальным моральным дилеммам; выбор – среднее значение сложности выбора по всем виртуальным моральным дилеммам; реалистичность – среднее значение реалистичности по всем виртуальным моральным дилеммам; * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$; $N = 80$.

Обсуждение

Под когнитивной рефлексией понимается способность мыслить рационально и осознанно, игнорировать первый пришедший в голову «интуитивный» ответ и анализировать поступающую информацию. В ряде работ зарубежных исследователей было показано, что лица с более высокими показателями когнитивной рефлексии менее подвержены когнитивным искажениям. Это дало нам основание предположить, что лица с более высокими показателями когнитивной рефлексии будут менее подвержены эффекту конформности, поскольку в принятии своих решений будут в большей степени опираться на рациональное обдумывание проблемы, а не на мнение большинства. В результате проведенного нами исследования данное предположение нашло свое подтверждение. Было показано, что показатель по тесту когнитивной рефлексии отрицательно связан с показателем конформности по шкале *vm*-конформности и шкале конформности Меграбяна и Стефл. Это означает, что чем выше способность к когнитивной рефлексии, тем в меньшей степени человеку будет присуща склонность к конформному поведению. Зачастую люди склонны прибегать к использованию в повседневной жизни эвристик – механизмов обработки информации с низкими вычислительными затратами [Toplak, West, Stanovich, 2011]. Такие когнитивные стратегии, основанные на интуиции, обеспечивают более быстрое принятие решений. И хотя такая «быстрая» стратегия иногда оказывается полезной, в некоторых случаях она приводит к ошибкам и когнитивным искажениям. Toplak и коллеги [2011] отмечают, что современный мир требует более тщательного обдумывания, а тенденция человека по умолчанию использовать эвристические механизмы, требующие минимальных затрат, может мешать людям в достижении их целей. Опора на мнение большинства, с этой точки зрения, также может служить стратегией экономии сил и времени при принятии решений. Способность к когнитивной рефлексии, напротив, может выступать в роли фактора, препятствующего подверженности социальному давлению и обеспечивающего анализ и рациональную оценку ситуации.

Важно отметить, что сказанное относится в том числе к области морали и морального поведения – той сфере человеческой жизни, которая, казалось бы, должна быть устойчивой и не зависимой от мнения большинства. На сегодняшний день существует уже достаточное количество исследований, свидетельствующих о том, что феномен конформности наблюдается в том числе в области принятия моральных решений (см., например, [Kelly et.al., 2017; Marton-Alper, Sobeha, Shamay-Tsoorya, 2022; Keshmirian, Deroy, Bahrami, 2022] и др.), в частности, и на российской выборке [Фёдоров, 2024]. Интерес представляет дальнейшее изучение тех процессов, которые лежат в основе принятия моральных решений и моральных выборов, а также их связи с феноменом моральной конформности. Когнитивная рефлексия может выступать в качестве одного из таких факторов.

В результате проведенного нами исследования было показано, что мужчины демонстрируют более высокие показатели по тесту когнитивной рефлексии, чем женщины. Это согласуется с данными зарубежных исследований, свидетельствующих о том, что мужчины более склонны размышлять над своими ответами и менее склонны давать интуитивные ответы [Frederick, 2005; Brañas-Garza et al. 2019; Otero et al., 2022].

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что женщины демонстрируют большую конформность в виртуальной среде, по сравнению с мужчинами. Этот результат также подтверждает существующие данные, согласно которым женщины демонстрируют большую подверженность социальному давлению по сравнению с мужчинами [Eagly, 1986; Alizadehfard, 2009].

Проведенный корреляционный анализ свидетельствует о том, что результаты по тесту когнитивной рефлексии положительно связаны с допустимостью действий в виртуальных моральных дилеммах. Вероятно, данный результат можно объяснить исходя из того, что большинство дилемм в нашем исследовании описывают ситуации нарушения социальных норм, что, вероятно, приводит к интуитивному ответу о недопустимости описываемого в дилемме действия. С этой точки зрения лица, менее склонные к когнитивной рефлексии, будут давать ответ о недопустимости действия или поступка, не обдумывая ситуацию с разных сторон. Напротив, лица с высокими показателями когнитивной рефлексии будут склонны к менее быстрому и более осмысленным ответам. Всестороннее обдумывание описываемой ситуации может привести к более высоким оценкам допустимости поведения, которое на первый взгляд может показаться социально нежелательным или неприемлемым.

Сложность выбора в виртуальных моральных дилеммах была положительно связана в нашем исследовании с показателями vm-конформности и конформности по шкале Меграбяна и Стефл. Данная связь, вероятно, объясняется тем, что для лиц, склонных к конформному поведению, наличие группы является важным фактором, облегчающим принятие решения. Существуют подтверждения того, что даже простой информации о том, какое решение приняло большинство, достаточно для того, чтобы повлиять на вынесение морального суждения [Kelly et al., 2017]. В виртуальном пространстве такое давление может быть представлено количеством «лайков», реакций, комментариев к публикациям и т. д. В нашем исследовании в описании виртуальных моральных дилемм отсутствовала информация о том, каким образом большинство оценивает допустимость описываемого поступка или поведения. Вероятно, именно отсутствие этой информации, столь важной для лиц, склонных к конформному поведению, и привычной для ситуации виртуальной реальности, и обусловило связь между конформностью и сложностью выбора в виртуальных моральных дилеммах.

Ограничениями данного исследования может служить специфический характер выборки. Большинство женщин в нашем исследовании были представ-

лены студентками направления «Психология», тогда как большинство мужчин составили студенты Института интеллектуальной робототехники. Кроме того, мужчины и женщины в данном исследовании значимо отличались по возрасту. Другим ограничением настоящего исследования является тот факт, что конформность оценивалась нами с помощью методов самоотчета. Это открывает перспективы для экспериментальных исследований, которые позволят продемонстрировать конформность не только на данных самоотчета, но и в реальном поведении испытуемых. Дальнейшие исследования также могут быть направлены на увеличение выборки и уравнивание групп мужчин и женщин по возрасту и специальности.

Заключение

Данное исследование было направлено на изучение взаимосвязи феномена конформности и когнитивной рефлексии. На сегодняшний день конформное поведение изучается с различных сторон и точек зрения. Все чаще внимание исследователей привлекает изучение факторов, лежащих в основе конформного поведения. Мы предположили, что в качестве одного из таких факторов может выступать способность к когнитивной рефлексии. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что склонность к когнитивной рефлексии действительно связана с конформностью, в том числе с показателями моральной конформности в виртуальной среде. Мужчины и женщины в нашем исследовании отличались по показателям теста когнитивной рефлексии и виртуальной моральной конформности, что согласуется с данными зарубежных исследований. Кроме того, нами было показано, что сложность выбора в виртуальных моральных дилеммах положительно связана с конформностью, а более высокие показатели когнитивной рефлексии положительно связаны с оценкой допустимости поведения или действия в виртуальных моральных дилеммах. Дальнейшие исследования в области изучения конформного поведения могут быть направлены на экспериментальный анализ факторов, лежащих в основе конформности, а также изучение моральной конформности в ситуациях виртуальной действительности.

Список литературы

- Злобина М. В. Оценка психометрических характеристик шкалы конформности А. Меграбяна и К. А. Стефл // *Reflexio*. 2023. Т. 16, № 2. С.
- Родина О. Н., Прудков П. Н. Апробация русскоязычных версий теста когнитивной рефлексии // *Вопросы психологии*. 2019. № 4. С. 155–162
- Фёдоров А. А. Экспериментальный анализ моральной конформности в ситуации пассивного социального давления // *Психология. Журн. Высшей школы экономики*. 2024. Т. 21, № 2. С. 277–305.
- Фёдоров А. А. Шкала моральной конформности в виртуальном пространстве: разработка и валидизация // *Ананьевские чтения – 2024. Мате-*

риалы Междунаро­д. науч. конф., посвященной 80-летию общей психологии в Санкт-Петербург. гос. ун-те. Нижний Новгород, 2024. С. 563.

Фёдоров А. А., Рахманов А. III. Моральная конформность при разных формах виртуального давления // Экспериментальная психология. 2024. Т. 17, № 1. С. 118–130. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2024170108>

Bocian K., Gonidis L. *и др.* Moral conformity in a digital world: Human and nonhuman agents as a source of social pressure for judgments of moral character // PLOS ONE. 2024. Vol. 19. No. 2. P. e0298293.

Bostyn D. H., Roets A. An Asymmetric Moral Conformity Effect: Subjects Conform to Deontological But Not Consequentialist Majorities // Social Psychological and Personality Science. 2017. Vol. 8. No. 3. P. 323–330.

Baldi P. L., Iannello P., Riva S., Antonietti. Cognitive reflection and socially biased decisions // Studia Psychologica. 2013. Vol. 55. No. 4. P. 265–271.

DeYoung C. G., Peterson J. B. *и др.* Higher-order factors of the Big Five predict conformity: Are there neuroses of health? // Personality and Individual Differences. 2002. Vol. 33. No. 4. P. 533–552.

Evans J. St. B. T. Dual-Processing Accounts of Reasoning, Judgment, and Social Cognition // Annual Review of Psychology. 2008. Vol. 59. No. 1. P. 255–278.

Franzen A., Mader S. The power of social influence: A replication and extension of the Asch experiment // PLOS ONE. 2023. Vol. 18. No. 11. P. e0294325.

Frederick S. Cognitive Reflection and Decision Making // Journal of Economic Perspectives. 2005. Vol. 19. No. 4. P. 25–42.

Kahneman D., Frederick S. Representativeness revisited: attribute substitution in intuitive judgement // Heuristics and Biases: The Psychology of Intuitive Judgment, ed. T Gilovich, D Griffin, D Kahneman. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 2002. P. 49–81.

Kelly M., Ngo L. *и др.* Moral conformity in online interactions: rational justifications increase influence of peer opinions on moral judgments // Social Influence. 2017. Vol. 12. No. 2–3. P. 57–68.

Keshmirian A., Deroy O. *и др.* Many heads are more utilitarian than one // Cognition. 2022. Vol. 220. P. 104965.

Kundu P., Cummins D. D. Morality and conformity: The Asch paradigm applied to moral decisions // Social Influence. 2013. Vol. 8. No. 4. P. 268–279.

Lisciandra C., Postma-Nilsenová M. *и др.* Conformality. A Study on Group Conditioning of Normative Judgment // Review of Philosophy and Psychology. 2013. Vol. 4. No. 4. P. 751–764.

Lowry P. B., Roberts T. L. *и др.* The Impact of Group Size and Social Presence on Small-Group Communication: Does Computer-Mediated Communication Make a Difference? // Small Group Research. 2006. Vol. 37. No. 6. P. 631–661.

Marton-Alper I. Z., Sobeh A. *и др.* The effects of individual moral inclinations on group moral conformity // Current Research in Behavioral Sciences. 2022. Vol. 3. P. 100078.

Oechssler J., Roider A. u òp. Cognitive abilities and behavioral biases // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2009. Vol. 72. No. 1. P. 147–152.

Pennycook G., Cheyne J.A. u òp. Analytic cognitive style predicts religious and paranormal belief // *Cognition*. 2012. Vol. 123. No. 3. P. 335–346.

Pennycook G., Ross R. M. u òp. Atheists and Agnostics Are More Reflective than Religious Believers: Four Empirical Studies and a Meta-Analysis // *PLOS ONE*. 2016. Vol. 11. No. 4. P. e0153039.

Rosander M., Eriksson O. Conformity on the Internet – The role of task difficulty and gender differences // *Computers in Human Behavior*. 2012. Vol. 28. No. 5. P. 1587–1595.

Stagnaro M. N., Ross R. M. u òp. Cross-cultural support for a link between analytic thinking and disbelief in God: Evidence from India and the United Kingdom // *Judgment and Decision Making*. 2019. Vol. 14. No. 2. P. 179–186.

Toplak M. E., West R. F. u òp. The Cognitive Reflection Test as a predictor of performance on heuristics-and-biases tasks // *Memory & Cognition*. 2011. Vol. 39. No. 7. P. 1275–1289.

Wijenayake S., Van Berkel N. u òp. Impact of contextual and personal determinants on online social conformity // *Computers in Human Behavior*. 2020. Vol. 108. P. 106302.

Yelbuz B. E., Madan E. u òp. Reflective thinking predicts lower conspiracy beliefs: A meta-analysis // *Judgment and Decision Making*. 2022. Vol. 17. No. 4. P. 720–744.

Zlobina M. V., Fedorov A. A. Moral Conformity through the Lens of Bibliometric and Content Analysis // *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2023. Vol. 20. No. 4. P. 713–729.

References

Baldi P. L., Iannello P., Riva S., Antonietti I. (2013). Cognitive reflection and socially biased decisions. *Studia Psychologica*. 55(4), 265–271. <https://doi.org/10.21909/sp.2013.04.641>

Bocian, K., Gonidis, L., & Everett, J. A. C. (2024). Moral conformity in a digital world: Human and nonhuman agents as a source of social pressure for judgments of moral character. *PLOS ONE*, 19(2), e0298293. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0298293>

Bostyn, D. H., & Roets, A. (2017). An Asymmetric Moral Conformity Effect: Subjects Conform to Deontological But Not Consequentialist Majorities. *Social Psychological and Personality Science*, 8(3), 323–330. <https://doi.org/10.1177/1948550616671999>

DeYoung, C. G., Peterson, J. B., & Higgins, D. M. (2002). Higher-order factors of the Big Five predict conformity: Are there neuroses of health? *Personality and Individual Differences*, 33(4), 533–552. [https://doi.org/10.1016/S0191-8869\(01\)00171-4](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(01)00171-4)

Evans, J. St. B. T. (2008). Dual-Processing Accounts of Reasoning, Judgment, and Social Cognition. *Annual Review of Psychology*, 59(1), 255–278. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.59.103006.093629>

Fedorov A. A. (2024). Eksperimental'nyi analiz moral'noi konformnosti v situatsii passivnogo sotsial'nogo davleniya [An Experimental Analysis of Moral Conformity in a Situation of Passive Social Pressure] / *Psikhologiya. Zhurnal Vysheishkoly ekonomiki (Psychology. Journal of Higher School of Economics)*, 21(2), 277–305. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2024-2-277-305>.

Fedorov A. A. (2024). Shkala moral'noi konformnosti v virtual'nom prostranstve: razrabotka i validizatsiia [Scale of Moral Conformity in a Virtual Environment: Development and Validation]. In *Anan'evskie chteniia – 2024. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 80-letiiu obshchei psikhologii v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete* (p. 563). Nizhnii Novgorod.

Fedorov A. A., Rakhmanov A. Sh. (2024). Moral'naya konformnost' pri raznykh formakh virtual'nogo davleniya [Moral Conformity under Different Forms of Virtual Pressure / *Eksperimental'naya psikhologiya (Experimental Psychology)*, 17(1), 118–130 <https://doi.org/10.17759/exppsy.2024170108>

Franzen A., & Mader S. (2023). The power of social influence: A replication and extension of the Asch experiment. *PLOS ONE*, 18(11), e0294325. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0294325>

Frederick S. (2005). Cognitive Reflection and Decision Making. *Journal of Economic Perspectives*, 19(4), 25–42. <https://doi.org/10.1257/089533005775196732>

Kahneman D, Frederick S. 2002. Representativeness revisited: attribute substitution in intuitive judgement. In *Heuristics and Biases: The Psychology of Intuitive Judgment*, ed. T Gilovich, D Griffin, D Kahneman, 49–81. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press

Kelly M., Ngo L., Chituc V., Huettel S., & Sinnott-Armstrong W. (2017). Moral conformity in online interactions: Rational justifications increase influence of peer opinions on moral judgments. *Social Influence*, 12(2–3), 57–68. <https://doi.org/10.1080/15534510.2017.1323007>

Keshmirian A., Deroy O., & Bahrami B. (2022). Many heads are more utilitarian than one. *Cognition*, 220, 104965. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2021.104965>

Kundu P., & Cummins D. D. (2013). Morality and conformity: The Asch paradigm applied to moral decisions. *Social Influence*, 8(4), Article 4. <https://doi.org/10.1080/15534510.2012.727767>

Lisciandra C., Postma-Nilsenová M., & Colombo M. (2013). Conformorality. A Study on Group Conditioning of Normative Judgment. *Review of Philosophy and Psychology*, 4(4), 751–764. <https://doi.org/10.1007/s13164-013-0161-4>

Lowry P. B., Roberts T. L., Romano N. C., Cheney P. D., & Hightower R. T. (2006). The Impact of Group Size and Social Presence on Small-Group Communication: Does Computer-Mediated Communication Make a Difference? *Small Group Research*, 37(6), 631–661. <https://doi.org/10.1177/1046496406294322>

Marton-Alper I. Z., Sobeh A., & Shamay-Tsoory S. G. (2022). The effects of individual moral inclinations on group moral conformity. *Current Research in Behavioral Sciences*, 3, 100078. <https://doi.org/10.1016/j.crbeha.2022.100078>

Oechssler J., Roeder A., & Schmitz P. W. (2009). Cognitive abilities and behavioral biases. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 72(1), 147–152. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2009.04.018>

Pennycook G., Cheyne J. A., Seli P., Koehler D. J., & Fugelsang J. A. (2012). Analytic cognitive style predicts religious and paranormal belief. *Cognition*, 123(3), 335–346. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2012.03.003>

Pennycook G., Ross R. M., Koehler D. J., & Fugelsang J. A. (2016). Atheists and Agnostics Are More Reflective than Religious Believers: Four Empirical Studies and a Meta-Analysis. *PLOS ONE*, 11(4), e0153039. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0153039>

Rodina O. N., Prudkov P. N. (2019) Aprobatsiya russkoyazychnykh versii testa kognitivnoi refleksii [Testing of a russian-language version of a test on cognitive reflection] / *Voprosy psikhologii*. 4, 155–162

Rosander M., & Eriksson O. (2012). Conformity on the Internet – The role of task difficulty and gender differences. *Computers in Human Behavior*, 28(5), 1587–1595. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2012.03.023>

Stagnaro M. N., Ross R. M., Pennycook G., & Rand D. G. (2019). Cross-cultural support for a link between analytic thinking and disbelief in God: Evidence from India and the United Kingdom. *Judgment and Decision Making*, 14(2), 179–186. <https://doi.org/10.1017/S1930297500003417>

Toplak M. E., West R. F., & Stanovich K. E. (2011). The Cognitive Reflection Test as a predictor of performance on heuristics-and-biases tasks. *Memory & Cognition*, 39(7), 1275–1289. <https://doi.org/10.3758/s13421-011-0104-1>

Wijenayake S., Van Berkel N., Kostakos V., & Goncalves J. (2020). Impact of contextual and personal determinants on online social conformity. *Computers in Human Behavior*, 108, 106302. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106302>

Yelbuz B. E., Madan E., & Alper S. (2022). Reflective thinking predicts lower conspiracy beliefs: A meta-analysis. *Judgment and Decision Making*, 17(4), 720–744. <https://doi.org/10.1017/S1930297500008913>

Zlobina M. V. (2023) Otsenka psikhometricheskikh kharakteristik shkaly konformnosti A. Megrabyana i K. A. Stelf [Psychometric properties of the Conformity Scale (A. Mehrabian and C. Stelf)] / *Reflexio*. 2023. T. 16. № 2. In Press (in Russ)

Zlobina M. V., & Fedorov A. A. (2023). Moral Conformity through the Lens of Bibliometric and Content Analysis. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 20(4), 713–729.

Сведения об авторе

Злобина Марина Владимировна, кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории исследования морального поведения, старший преподаватель кафедры психологии личности факультета медицины и

психологии им. В. Зельмана Новосибирского государственного университета

RSCI Author ID 959328

Information about the Author

Marina V. Zlobina, PhD, Senior Lecturer of the Section of Personality Psychology at the V. Zelman Department of the Medicine and Psychology of Novosibirsk State University, Researcher of the Laboratory of Moral Behavior
RSCI Author ID 959328

Материал поступил в редколлегию 19.03.2025

The article was submitted 19.03.2025

Научная статья

УДК 159.9

DOI 10.25205/2658-4506-2024-17-1-125-131

Камю, Фрейд, абсурд и юмор

Михаил Владимирович Близняк

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

blizniuk@yandex.ru

Аннотация

Абсурдизм как мировоззрение рассматривается в связи с идеями Камю о бунте и представлениями Фрейда о юморе. Обсуждается вопрос о том, каким образом человек может выносить абсурдистское мировоззрение, предполагающее отказ от придания жизни смысла. В связи с этим в статье скептически комментируется то решение, которое предлагает Альбер Камю, и предлагается другое, использующее мысли Фрейда о юморе.

Ключевые слова

абсурд, юмор, бунт, смысл

Для цитирования

Близняк М. В. Камю, Фрейд, абсурд и юмор // Reflexio. 2024. Т. 17, № 1. С. 125–131. DOI 10.25205/2658-4506-2024-17-1-125-131

Camus, Freud, Absurdity, and Humor

Mikhail V. Bliznyuk

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

blizniuk@yandex.ru

Abstract

Absurdism as a worldview is examined in connection with Camus' ideas about revolt and Freud's concepts of humor. The question of how an individual can endure an absurdistic worldview, which implies renouncing the idea of life having inherent meaning, is discussed. In this context, the solution proposed by Albert Camus is skeptically analyzed, and an alternative approach utilizing Freud's thoughts on humor is suggested.

© Близняк М. В., 2024

Keywords

absurd, humor, revolt, meaning

For citation

Bliznyuk M. V. Camus, Freud, Absurdity, and Humor. *Reflexio*, 2024, vol. 17, no. 1, pp. 125–131. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2024-17-1-125-131

– Ты зачем здесь ходишь и существуешь? – спросил один, у которого от измождения слабо росла борода.

– Я здесь не существую, – произнес Вошев, стыдясь, что много людей чувствуют сейчас его одного. – Я только думаю здесь.

Андрей Платонов, «Котлован»

Есть авторы, читать которых доставляло и доставляет мне подлинное интеллектуальное удовольствие. Камю и Фрейд именно таковы. Благодаря Камю я теперь называю себя абсурдистом, а благодаря Фрейдю я знаю, что такое мыслить психологически. В этом небольшом и не очень серьезном эссе я хочу рассказать о том, как Фрейд своей мало кому известной трактовкой юмора помог мне решить один неприятный вопрос, касающийся моей жизненной философии. Как я уже сказал, моя жизненная философия – абсурдизм, и, конечно, называю я ее так именно потому, что использую понятие абсурда в том смысле, в котором его предлагает использовать Альбер Камю. Но, принципиально соглашаясь с Камю в постановке вопроса, я чувствовал, что не удовлетворен его решением. И здесь оказался очень кстати Фрейд, хотя вряд ли он мог подозревать, что его мысли о юморе могут кому-то помочь отредактировать абсурдистскую философию Камю и сделать ее психологически более приемлемой.

Итак, рассуждение Камю начинается с констатации абсурда человеческой жизни. Многие читатели уже на этом первом шаге будут яростно спорить, доказывая, что жизнь человеческая имеет смысл, и этот смысл прекрасен. Но меня не нужно было долго убеждать, я согласился легко, потому что и до знакомства с мыслями Камю весьма иронически относился и к религиозным версиям смысла жизни, и к возвышенным литературным, и, тем более, к популярным обывательским. Собственно говоря, я находил для себя наиболее честным придерживаться скептического сциентистского подхода, в соответствии с которым жизнь признается бесспорным фактом, но фактом, о котором неясно даже как он возник, а уж отвечать на вопрос, зачем этот факт возник, и вовсе кажется нелепой для науки затеей.

Но зато наука может вполне уверенно сказать, что ты непременно умрешь, поскольку являешься биологическим организмом, и не просто умрешь, а будешь жить и знать, что ты умрешь, и не просто будешь знать, что умрешь, а будешь знать и чувствовать при этом, что лучше бы тебе об этом не знать.

Мне казалось жестоким издевательством сочетание человеческих желаний, человеческого сознания и законов органической жизни, поэтому я легко согласился с Камю в том, что «...чувство абсурдности и есть этот разлад между человеком и его жизнью, актером и декорациями...» [Камю, 1990. С. 225]. Вот, кстати, пример Камю, в котором есть и актер, и декорации:

«Бывает, что привычные декорации рушатся. Подъем, трамвай, четыре часа в конторе или на заводе, обед, трамвай, четыре часа работы, ужин, сон; понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, все в том же ритме – вот путь, по которому легко идти день за днем. Но однажды встает вопрос «зачем?» Все начинается с этой окрашенной недоумением скуки» [Камю, 1990. С. 230].

Итак, я согласился с Камю в том, что жизнь абсурдна. Что дальше? Что с этим делать? Вот две легко определяемые возможности. Камю спрашивает: «Разве абсурдность жизни требует того, чтобы от нее бежали – к надежде или к самоубийству?» [Камю, 1990. С. 227]. Вопрос может показаться странным, ведь надежда – это хорошо, что в ней не так, с точки зрения Камю? Вот что не так. Попросту говоря, надежда – это попытка уйти от признания абсурда, красиво обмануть себя, например, поверить в продолжение жизни за пределами земного существования. Так поступали, поступают и будут поступать многие, это – популярное решение. Более тонкое решение заключается в том, чтобы отказать своему разуму в праве объявлять жизнь абсурдной. Отказать, например, на том основании, что человеческий разум – слабый инструмент, ненадежный. Этим путем пойдут немногие, потому что здесь придется использовать этот самый разум, чтобы доказать его же слабость, это занятие странное и понравится не всем. К тому же и надежда здесь не такая внятная, как в первом случае.

Если надежда – не самое честное решение проблемы абсурда, то о самоубийстве и говорить нечего, это просто выход из игры, бегство из жизни. Что же еще может быть? Вот ответ Камю: «Ранее речь шла о знании; должна ли жизнь иметь смысл, чтобы ее стоило прожить. Сейчас же, напротив, кажется, что, **чем меньше в ней смысла, тем больше оснований, чтобы ее прожить**. Пережить испытание судьбой – значит полностью принять жизнь. Следовательно, зная об абсурдности судьбы, можно жить ею только в том случае, если абсурд все время перед глазами, очевиден для сознания... Упразднить сознательный бунт – значит обойти проблему. **Тема перманентной революции переносится таким образом в индивидуальный опыт**. Жить – значит пробуждать к жизни абсурд. Пробуждать его к жизни – значит не отрывать от него взора» [Камю, 1990. С. 260]. И еще: «Подобно тому, как опасность дает человеку незаменимый случай постичь самого себя, метафизический бунт предоставляет сознанию все поле опыта. Бунт есть постоянная данность человека самому себе. Это не устремление, ведь бунт лишен надежды. **Бунт есть уверенность в подавляющей силе судьбы, но без смирения, обычно ее сопровождающего...** Этот бунт придает жизни цену. Становясь равным по длительности всему существованию, бунт восстанавливает его вели-

чие. Для человека без шор нет зрелища прекраснее, чем борьба интеллекта с превосходящей его реальностью» [Камю, 1990. С. 260].

Язык Камю удивительно хорош, недаром он лауреат Нобелевской премии по литературе. Читая такой текст, попадаешь под обаяние этих воодушевляющих слов, зовущих тебя прожить драматическую судьбу, судьбу безнадежную, но судьбу человека мыслящего и в подлинном смысле разумного, опирающегося на разум, а не на веру или чувства. Звучит, конечно, очень круто, это решение предлагает тебе судьбу бунтовщика, судьбу Сизифа, находящего неведомо где силы делать свое дело с полным сознанием бессмысленности этого дела. Пусть это честная жизнь, но жизнь безрадостная, и поэтому, я был уверен, невозможная. Манифест Камю прекрасен, но он хорош для сцены, а не для жизни. Итак, допустим, что Вам по душе мысль об абсурдности человеческой жизни, но Вы не готовы к той пафосной драматической роли, которую Вам предлагает Камю. Вы не готовы принять абсурд как ежедневный вызов, как перманентный квест, как постоянное внутреннее напряжение. Я был не только не готов, но еще и был уверен, что это психологически, скорее всего, невозможно. Вы бы хотели найти другое решение, но каково оно? Всем, конечно же, известно, что абсурд неэкзистенциальный, абсурд, далекий от драмы, может вызывать улыбку и даже смех. Сочетание несочетаемого, бессмыслица, нелепость – вот синонимы абсурда, старые добрые поводы для улыбки. Если человек явится летом на пляж в зимнем пальто, он будет смешон, тут мы позволяем себе реагировать на сочетание несочетаемого улыбкой.

Но если человек откажется признавать жизнь имеющей хоть какой-нибудь смысл, окружающие, скорее всего, заподозрят в этом болезнь, отклонение, изъясн и либо станут сторониться несчастного, либо кинутся ему помогать, убеждая его отказаться от вредного убеждения. Могут еще счесть это за позерство, за желание привлечь к себе внимание экзотическими убеждениями, тогда просто пожмут плечами и подумают, что блажь со временем пройдет, и человек перестанет выпендриваться, задышит воздухом, которым дышат все, воздухом смысла жизни. Самое любопытное, что в большинстве случаев это так и будет. Если, конечно, сторонник абсурдизма не наложит на себя руки. Но это слишком радикально, поэтому, скорее, наш абсурдист обретет какой-нибудь смысл, за который можно будет ухватиться и жить дальше. С моей точки зрения, это произойдет по одной простой причине – экзистенциальный абсурд непереносим с серьезным лицом. В этом случае он требует драматического героя, непреклонного бунтовщика, поражающего нас стойкостью своих невыносимых убеждений. Таким его и изображает Камю. Я уже говорил выше, что пафос Камю прекрасен, но сам пафос сомнителен как фон для повседневной жизни. Но возможен ли непафосный абсурдист? Как иначе можно выносить экзистенциальный абсурд?

Вот тут-то и оказались очень уместны мысли Фрейда о юморе как средстве справляться с «реальностью как принудительным источником страдания». Вот, что пишет о юморе Фрейд (1927): «Пришло время познакомиться

с некоторыми особенностями юмора. В юморе есть не только нечто освобождающее, как в остроумии и в комизме, но и **нечто грандиозное и воодушевляющее**, последние свойства отсутствуют в двух других видах получения удовольствия от интеллектуальной деятельности. Грандиозное явно состоит **в торжестве нарциссизма, в котором победоносно утвердилась неприкосновенность личности. Я отказывается нести урон под влиянием реальности, принуждающей к страданию**, при этом оно настаивает, что потрясения внешнего мира не в состоянии затронуть его, более того, демонстрирует, что они – всего лишь повод получить удовольствие. Эта последняя черта особенно существенна для юмора. Если мы предположим, что преступник, ведомый в понедельник на казнь, сказал: “Меня нисколько не волнует то, что произойдет после того, как повесят такого парня, как я, мир по этой причине не рухнет”, – то мы должны были бы решить, что, хотя эта фраза и содержит хвастливое пренебрежение реальной ситуацией, она разумна и справедлива, однако **не обнаруживает и следа юмора, более того, основывается на оценке с позиции реальности, прямо противоречащей оценке с позиции юмора. Юмор не покоряется судьбе, он упрям и означает не только торжество Я, но и торжество принципа удовольствия, способного утвердиться здесь вопреки неблагоприятным реальным обстоятельствам**» [Фрейд, 1995. С. 283].

Что же может предложить юмор человеку, которого ведут на казнь? Фрейд следующим образом отвечает на этот вопрос: «Остановимся на самом грубом примере: если преступник, ведомый в понедельник на виселицу, заявляет: “Ну, вроде эта неделя начинается хорошо”, то он сам обнаруживает чувство юмора, юмористический процесс совершается в его личности и **явно приносит ему определенное удовлетворение**. Меня, безучастного слушателя, некоторым образом затрагивает опосредованное воздействие юмористической деятельности преступника; видимо, подобно ему, я чувствую прилив юмористического удовольствия» [Фрейд, 1995. С. 282].

Это тот самый черный юмор, юмор висельника, который помогает справляться со страхом смерти, позволяет улыбаться и получать удовольствие там, где оно кажется невозможным, кажется противоречащим самому элементарному здравому смыслу. При этом Фрейд отказывается относить юмор к категории тех способов справляться со страданием, использование которых свидетельствует о развивающемся патологическом процессе. Фрейд пишет: «Благодаря этим двум последним чертам: отвержению требований реальности и осуществлению принципа удовольствия – **юмор близок регрессивным или устремленным в прошлое процессам, с которыми мы в избытке имеем дело в психологии**. Из-за своего сопротивления возможности страдания он занимает место в большом ряду тех методов, которые человеческая душевная жизнь сформировала для избавления от гнета страдания, ряда, начинающегося с невроза, достигающего вершины в сумасшествии, ряда, в который входят опьянение, самоуглубление, экстаз. Этой связи юмор обя-

зан преимуществом, полностью, например, отсутствующим у остроумия, ибо последнее служит либо только достижению удовольствия, либо ставит полученное удовольствие на службу агрессии. В чем же состоит юмористическая установка, с помощью которой отвергают страдание, подчеркивают непобедимость Я силами внешнего мира, победно утверждают принцип удовольствия, **но все это не покидая – подобно другим методам с аналогичной целью – почвы душевного здоровья?»** [Фрейд, 1995. С. 283]

Фрейд дальше отвечает на этот вопрос, полагая, что разгадка в очень специфической коммуникации, возникающей между Супер-Эго и Эго, но это вряд ли имеет для этой статьи серьезное значение, поскольку это уже внутренняя психоаналитическая кухня, тут своя логика, а нас интересует экзистенциальная сторона вопроса. Важно то, что Фрейд объявляет юмор здоровым средством справляться со страданием, и не так важно то, как в терминах психоанализа можно было бы объяснить механизм функционирования этого средства.

Ну, и теперь мы можем вернуться к экзистенциальному абсурду, который, по мнению Камю, преодолим только при помощи бунта. Бунт предполагает очень серьезное лицо исполнителя. Полное осознание обреченности и мужество не бежать от этого осознания.

«Этот бунт придает жизни цену. Становясь равным по длительности всему существованию, бунт восстанавливает его величие. Для человека без шор нет зрелища прекраснее, чем борьба интеллекта с превосходящей его реальностью» [Камю, 1990. С. 260], так пишет Камю, и ты понимаешь, что это героическая судьба, героическая, но вместо почестей – недоумение окружающих или даже признание героя больным. А Фрейд пишет: «Он [юмор] намерен сказать: посмотри-ка, вот **мир, который выглядит таким опасным. Прямо-таки детская забава подшутить над ним!**» [Фрейд, 1995. С. 284].

Вопрос в том, возможен ли не бытовой, не ситуативный, а экзистенциальный юмор? По силам ли юмору справиться с миром, в котором сочетание человека и реальности является абсурдным? Я думаю, да. Приговоренный к казни может шутить о плохом начале недели, а мы, с точки зрения абсурдиста, все приговорены к бессмысленной жизни, смерти и исчезновению. Да, шутить придется не один день, а всю жизнь, конечно, это – непростая задача, но почему бы она не могла быть выполнимой? Я думаю, она выполнима. В этом нет пафоса, но есть своеобразное удовольствие и даже радость. Ты смеешься, хотя многие в этом месте плачут, молятся или сходят с ума. Ты продолжаешь сознавать все это «ласковое безразличие мира», всю грандиозность и жестокость абсурда, в котором ты оказался, но ты отказываешься унывать, отказываешься от помощи богов, отказываешься и от помощи сограждан, увлекшихся популярными смыслами жизни, отказываешься, но живешь и радуешься просто тому, что ты пока жив и можешь на все это смотреть с улыбкой. Ты стараешься и учишься жить радостно, поскольку ты знаешь, что твоему интеллекту не нужно бороться с «превосходящей его реальностью» (Камю),

а нужно придумать, как жить в этой реальности радостно и с удовольствием. Радостно, но с фоновым перманентным осознанием драматизма человеческого вообще и твоего в частности существования, ведь именно это осознание делает радость жить тем, чем можно жить без скуки и без смысла.

* * *

Фрейд: «Юмор не покоряется судьбе, он упрям и означает не только торжество Я, но и торжество принципа удовольствия, способного утвердиться здесь вопреки неблагоприятным реальным обстоятельствам» [Фрейд, 1995. С. 283].

Что тут можно добавить? Аминь.

Список литературы

Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов / под ред. А. А. Яковлева. М.: Изд-во полит. литературы, 1990. С. 222–318.

Фрейд З. Юмор // Художник и фантазирование: сборник работ. М.: Республика, 1995. С. 282–284.

References

Camus A. (1990). Mif o Sizife. Esse ob absurde [The Myth of Sisyphus]. In A. A. Yakovlev (Eds.), *Sumerki bogov* (pp. 222–318). Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russ.)

Freud S. (1995). Yumor [Humor]. In *Khudozhnik i fantazirovanie* (pp. 282–284). Moscow, Respublika. (In Russ.)

Сведения об авторе

Близнюк Михаил Владимирович, старший преподаватель кафедры психологии личности факультета медицины и психологии В. Зельмана Института медицины и медицинских технологий Новосибирского государственного университета
RSCI Author ID 542711

Information about the Author

Mikhail V. Blizniuk, Senior Lecturer of the Section of Clinical Psychology at the V. Zelman Department of Medicine and Psychology, Institute of Medicine and Medical Technologies of Novosibirsk State University
RSCI Author ID 542711

Материал поступил в редколлегию 31.03.2025
The article was submitted 31.03.2025

Научная статья

УДК 159.9

DOI 10.25205/2658-4506-2024-17-1-132-149

Человек и неопределенность в ходе истории

Любовь Владимировна Печерина

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

l.pecherina@g.nsu.ru

Аннотация

Работа посвящена анализу феномена неопределенности, ее психологических аспектов и стратегий совладания с ней в ходе исторического развития общества, начиная с первобытных времен и заканчивая современностью. Неопределенность рассматривается как неотъемлемая и ключевая характеристика самого человеческого бытия, которая сопровождает его на всем протяжении истории, а не является чертой исключительно постмодернистского общества. Текст работы включает в себя многочисленные примеры из художественной литературы и изобразительного искусства, которые позволяют исследовать отношение к неопределенности через призму творческой деятельности человека. Особое внимание уделено трансформации роли и представленности неопределенности в жизни общества. Сделан вывод о том, что в современном мире происходит актуализация неопределенности, которая становится повседневной реальностью.

Ключевые слова

неопределенность, неоднозначность, детерминизм, постмодернизм, экзистенциальная психология

Для цитирования

Печерина Л. В. Человек и неопределенность в ходе истории // Reflexio. 2024. Т. 17, № 1. С. 132–149. DOI 10.25205/2658-4506-2024-17-1-132-149

© Печерина Л. В., 2024

Human and Uncertainty in the Course of History

Liubov V. Pecherina

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russian Federation

l.pecherina@g.nsu.ru

Abstract

This study argues that uncertainty is a fundamental and enduring characteristic of human existence throughout history, not solely a feature of postmodern society. It aims to explore the psychological dimensions of uncertainty and trace the evolution of human responses to it. Employing a historical and psychological framework, the study explores humanity's engagement with uncertainty from prehistoric magical thinking to the contemporary risk society. This essay includes numerous illustrations from literature and the visual arts, providing an opportunity to examine the attitude towards uncertainty through human creative activity. Particular attention is given to the transformation and representation of uncertainty in the life of society. While uncertainty persists as a fundamental existential condition linked to human existence, the postmodern era witnesses its qualitative shift: uncertainty grows into pervasive everyday reality, deeply embedded in economics, politics, and personal identity.

Keywords

uncertainty, ambiguity, determinism, postmodernism, existential psychology

For citation

Pecherina L. V. Human and uncertainty in the course of history. *Reflexio*, 2024, vol. 17, no. 1, pp. 132–149. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2024-17-1-132-149

Понятие «неопределенность» объединяет несколько схожих терминов, связанных с неоднозначностью, сложностью, непредсказуемостью. «Uncertainty» – это неопределенность в строгом смысле слова; в контексте познавательной активности «tolerance to uncertainty» означает толерантность к неуверенности при недостаточной информированности. «Ambiguity» – это воплощение амбивалентности, двусмысленности и разрушения стереотипов, такая неопределенность ощущается как фрустрация стремления к смыслу. В контексте познавательной активности «tolerance to ambiguity» понимается как толерантность к многозначности стимулов и сложности их интерпретации [Корнилова, 2010; Леонтьев, 2015]. Третьим компонентом неопределенности является «indeterminacy» – непредопределенность, которая связана с вопросом детерминизма. Противоположностью неопределенности является определенность, и ее также можно рассмотреть с точки зрения трех описанных выше аспектов. С одной стороны, определенность представляет собой знание, понимание всего, что находится и происходит вокруг, т. е. обладание необходимой информацией о реальности. С другой стороны, определенность связана с ясностью, непротиворечивостью, однозначностью какой-нибудь идеи. Наконец, определенность связана со знанием того, что произойдет в будущем.

Неопределенность – крайне сложное и широкое понятие. Оно может выражать сложившуюся в мире ситуацию, настолько запутанную и всесторонне противоречивую, что создаются условия, в которых крайне тяжело становится делать какие-либо выводы, строить гипотезы. Современное общество характеризуется именно такой неопределенностью, при этом она проявляет себя в разных его сферах. В экономике неопределенность вызвана развитием капитализма, который делает возможными экономические кризисы, рост инфляции, безработицу; кроме того, для нынешнего времени характерна частая смена рабочих мест и должностей, уход из одного рода деятельности в другую. Такая ситуация неопределенности влияет на человека, провоцируя у него возникновение состояния неопределенности. К примеру, из-за роста цен человек перестает знать, сможет ли в будущем накопить на покупку техники или автомобиля, более того, сможет ли он завтра позволить купить привычную «корзину продуктов», чтобы приготовить ужин для своей семьи. Многим приходится постоянно жить на съемных квартирах, беспокоясь о ежемесячной оплате аренды и о том, поднимет ли арендодатель стоимость съема или, может быть, вообще выселит жильцов. Исчезает уверенность в настоящем дне и в будущем. Итак, неопределенность внешнего мира напрямую влияет на возникновение чувства, состояния переживания неопределенности человеком, их тяжело отделить друг от друга, поэтому их можно рассматривать в слиянии. Но этим понятие неопределенности не ограничивается. Есть неопределенность гносеологическая, касающаяся возможности достичь какого-либо определенного, объективного, знания, т. е. связанная с особенностями восприятия, а также взаимодействия одних знаний с другими. Наконец, существует связанная с ней неопределенность онтологическая, связанная с самим бытием [Соколова, 2021]

Существует мнение, что неопределенность является основополагающей характеристикой современного общества, и в одном из своих эссе я его подробно рассмотрела. Сейчас же я хочу немного «поспорить» с собой: неопределенность на самом деле является ключевой характеристикой бытия человека. При этом социальные институты и иные феномены, которые позволяли нам назвать времена до становления постмодернистского общества определенными, по сути своей являются лишь реакцией на неопределенность бытия, внесением в него однозначности и ясности. Для того чтобы полноценно рассуждать об этом вопросе, нам необходимо обратиться к истории человечества сквозь призму отношения к неопределенности.

С появлением сознания первобытные люди начинают осознавать неизвестность окружающего их мира, иными словами, их жизнь проходит в совершенно неопределенной среде, в которой неясно, каким образом действовать. Представим себе самых первых людей, которые методом проб и ошибок в поисках пищи пробовали неизвестные для них растения и грибы, а в итоге отравлялись и порой погибали. В этом они равны маленькому ребенку, который тянется к горячей кастрюле, увидев ее впервые в жизни. Но древние люди

начинают передавать друг другу знания, воспитывают и учат подрастающее поколение ориентироваться в мире. Теперь их потомкам не обязательно напрямую взаимодействовать с окружающими их объектами для того, чтобы знать об их опасности, безопасности или полезности. Культура является главным борцом против онтологической неопределенности: ребенок приобретает знания о внешнем мире благодаря взаимодействию с культурной средой. Здесь можно обратиться к Л. С. Выготскому. В соответствии с культурно-исторической теорией высшие психические функции изначально возникают как форма коллективного поведения, сотрудничества с другими, и лишь впоследствии становятся индивидуальными функциями ребенка, т. е. развитие идет от «социального» к «индивидуальному» посредством присвоения, «вращения», интериоризации. В процессе общения со взрослыми у ребенка формируются высшие психические функции – их развитие связано с усвоением культурных знаков, и они являются опосредованными. Кроме того, вне взаимодействия с обществом человек никогда не сможет развить те специфичные качества, которые сформировались в результате развития человечества, мировоззрение, представление о причинности [Выготский, 1983]. Иными словами, благодаря взаимодействию ребенка с культурой окружающий его мир преобразуется из неизвестного в до какой-то степени известный.

Снова представим себе первобытного человека, прячущегося от грозы в пещере: он слышит ужасный грохот, видит, как небо разрезают молнии, и одна из них ударяет в дерево, отчего то начинает гореть. Пожар перекидывается на другие деревья и даже проливному ливню не удастся потушить их; лес полыхает, а вместе с ним гибнет и загнанный в стойло мелкий скот. «Что происходит? Не может же это происходить само по себе! Наверняка, это разозлился дух природы и теперь вредит нам, провинившимся людям», – думает первобытный человек. Таково проявление неопределенности в строгом смысле слова (*uncertainty*) как неуверенности при недостаточной информированности. Люди, сталкиваясь с неопределенностью и стрессом, обращаются к магическому мышлению, вере в сверхъестественное как к способу снижения тревоги и создания ощущения контроля над ситуацией [Леонтьев, 2015].

По сути, зарождение религии и традиции накопления и передачи знания следующим поколениям являются реакцией первобытного человека на состояние неопределенности. И эти способы противодействия неопределенности будут существовать на протяжении последующих веков. В каком состоянии они находятся в современности, мы рассмотрим позже.

Какой была личность в первобытном обществе? На самом деле, здесь более подходящим вопросом будет: «Выделялся ли вообще человек как личность в первобытном обществе?» В те времена человек еще находился в состоянии слияния с окружающим его миром и другими людьми подобно ребенку до формирования самосознания, отделения «Я» от «Других» [Butterworth, 1992]. Первобытный человек был частью природы, не ставя себя на вершину иерархии, это можно назвать всесвязанностью: он верил в предков, являвших-

ся ему в виде зверей, птиц или растений (тотемизм), воспринимал все окружающее как одушевленное (анимизм).

В Античной Греции изначально царили идеи фатализма, согласно которым бытие предопределено, события уже как бы запечатлены наперед и неизбежны. Всем известны три древнегреческие богини судьбы, мойры (в древнеримском эпосе парки): Клото, прядущая нить жизни, Лахесис, дающая жребий, то есть определяющая судьбу, и Атропос – неотвратимая участь, смерть, перерезающая нить. В древнегреческом эпосе неоднократно подчеркивается то, что человек не может противостоять судьбе. Например, в «Иллиаде», оплакивая Гектора и умоляя Приама не ходить к Ахиллу за останками сына, Гекуба говорит:

«...такую, зная, долю суровая Парка
Выпряла нашему сыну, как я несчастливца родила, –
Долю, чтоб псов он насытил» [Гомер, 1960].

Другим примером невозможности избежать собственной судьбы является трагедия Софокла «Царь Эдип».

Но и греческие боги не создавали мира, напротив, они в нем рождались и умирали, подчиняясь его законам [Гомер, 1960]. Боги и люди почти в равной степени находились во власти неизбежности, т. е. судьбы, и можно даже говорить о том, что эта неизбежная судьба правила миром, подчиняя даже богов. Но судьба также была и той силой, которая удерживала бытие в узах необходимости. Эту неизбежную необходимость олицетворяет Ананке: согласно Платону, у нее есть веретено, ось которого представляет собой мировую ось, а в его вращении Ананке иногда помогают ее дочери – мойры. Получается, в Древней Греции люди верили в определенность с точки зрения существования детерминизма бытия. Кроме того, например, Платон и его ученики представляли Космос как упорядоченное целое, определяющими элементами которого выступают идеи. То есть, по Платону, есть некая определенная структура, в соответствии с которой существует мир [Платон, 1998]. Тем не менее Анаксимандр в своей концепции предлагает апейрон как первооснову мира. Апейрон, в свою очередь, – это некое первовещество, неопределенное, беспредельное, бесконечное; бескачественная материя.

Софисты считали, что каждый человек имеет собственный опыт, а значит, собственное субъективное представление о реальности. Известны слова Протагора: «Человек есть мера всем вещам – существованию существующих и несуществованию несуществующих». Кроме того, согласно софистам, «о всяком предмете можно сказать двояко и противоположным образом». Идеи софистов в вопросе познания легли в основу концепции скептицизма [Соколова, 2021]. Получается, что уже в Античные времена появляются течения, которые провозглашают принципиальную невозможность постичь объективное знание или истину. Какого-либо единого ответа не существовало уже в те времена, но была неопределенность истины, ее амбивалентность, недостаточность ин-

формированности для совершения действий в некоторых ситуациях. Я подчеркиваю это сейчас, поскольку это позволяет говорить о том, что релятивизм, двойственность истин, плюрализм мнений существовали и ранее, хоть сейчас и выражены в значительно большей степени.

Средние века представляются нам более определенным временем. В Западной Европе господствовало христианство, и приверженность другой религии или любой отход от догматики признавался еретическим. Одно конкретное мировоззрение усердно прививалось государствами своим гражданам, а также жителям других территорий, куда осуществлялись Крестовые походы с целью освобождения христианских святынь, обращения в христианство язычников, подавления еретических и антиклерикальных течений. Кроме того, христианство связывает понятия сомнения и греха: верующему человеку нельзя подвергать сомнению то, что написано в Библии, и то, что говорят священнослужители. С другой стороны, религиозное мировоззрение само по себе предлагает определенную картину мира. Существуют заповеди, в соответствии с которыми следует жить, существуют деяния, совершать которые грешно. Произойдет второе пришествие Иисуса Христа, воскреснут мертвые и предстанут перед Страшным Судом. Не покаявшиеся грешники попадут в ад, где их души будут преданы вечным мукам. В рай же попадут души праведников, где будет вечное счастье. Итак, есть правила, по которым следует жить, действия, которые нужно совершать, известно, что жизнь после смерти есть и какая она.

Действительно, мораль и нравственность средневековых людей достаточно конкретна. На мой взгляд, это хорошо отражается в изобразительном искусстве Средневековья. Святые изображаются красивыми внешне (то есть внутренняя красота соответствует наружной), подобными детям, окруженными светом. Грешники и другие отрицательные герои изображаются уродливыми и внешне. Здесь мне вспоминается фреска периода Проторенессанса Джотто ди Бондоне «Поцелуй Иуды», на которой мы можем видеть ясный лик Христа и грубый профиль Иуды.

Здесь определенность оказывается связанной во многом с ограничением свободы жизни, мысли и творчества: любое отклонение от господствующей идеи карается, церковь ограничивает науку, чтобы та не истолковала религиозные догматы по-другому, искусство сосредоточено тоже вокруг религии – преобладает архитектура, в первую очередь, строятся храмы, а фрески, мозаики и витражи изображают сюжеты из Библии.

Определенность мировоззрения западного Средневековья отражается в катафатическом богословии, заключающемся в том, что Бога возможно и следует познавать через понимание того, чем Он является. Проводятся аналогии между реальным материальным миром, и Богом как его творцом [Соколова, 2021]. Однако псевдо-Дионисий характеризует Божественную сущность следующими эпитетами: недоступная, безграничная, невидимая, сверхсущественная. Таким образом он признает принципиальную непознаваемость,

а вместе с этим и неопределенность образа Бога. Это апофатическое богословие – метод, в соответствии с которым сущность Божественного выражается посредством отрицания всех возможных его определений как несоизмеримых ему. Иначе говоря, Бог познается через то, чем он не является [Соколова, 2021].

Несмотря на то что жизнь людей Средневековья была достаточно определенной, в религиозно-философской мысли находились идеи о неопределенности, связанные по большей мере с постижением божественного.

Ренессанс провозглашает верховенство человека: он как бы переносится в центр мира, становится первостепенным объектом изучения. Развивается гуманизм, исследуется все то, что составляет природу человека. В эпоху Просвещения так же можно выделить противостояние философских теорий, которые для нас отражают две стороны: определенность и неопределенность. С одной стороны, благодаря многочисленным открытиям ученых-физиков формируется подход к природному миру как к системе-механизму: рационально устроенной совокупности физических тел, которые взаимодействуют по установленным законам, и которую возможно проанализировать. С другой стороны, принцип сомнения из философии античных скептиков возрождается в работах М. Монтеня и Р. Декарта и предполагает, что объективное знание достижимо только посредством деятельности разума [Соколова, 2021]. Важно отметить, что принцип сомнения во многом был направлен против установившихся ранее ригидных религиозных догматов и предполагает развитие критического отношения к различным социальным влияниям. Получается, что без сомнений, а значит, в состоянии полной определенности, невозможна гибкость мышления, его критичность к прошлому, поиск новых путей, а следовательно, развитие. Элиминация сомнений является способом свести неопределенность к определенности. Действительно, как часто в современности можно встретить людей, которые застряли на каких-либо личных убеждениях, считают, что они единственно верные, сопротивляются поступлению новой информации и из-за этого находятся в состоянии застоя, если вообще не деградируют.

Новое время принесло большое число изменивших и потрясших мир событий: Великие географические открытия, Великую французскую революцию, наполеоновские войны, Первую промышленную революцию. Возросли темпы и масштабы изменений в мире. «Эпохи перемен» всегда порождают противоречивость мнений, противоборство разных сторон, изменения в политической, экономической и социальной жизни, сложность прогнозирования будущего, тем самым характеризуются неопределенностью как ситуацией в мире, которая провоцирует и возникновение состояния неопределенности у людей, живущих в эти времена. Есть известная фраза: «Не дай вам Бог жить в эпоху перемен», – отражающая обычное отношение человека к неопределенности как к чему-то страшному. Великие географические открытия значительно увеличили субъективные размеры мира, но в то же время показали, что может существовать еще любое число неизвестных территорий. Участники экспедиций встретили на этих землях людей, во многом отличающихся

от них, процветала торговля, по Европе распространялись новые плодовые культуры. Потом начались миграции людей из Европы в Америку и Австралию. Следствиями Промышленной революции стали индустриализация, становление капитализма, урбанизация, что значительно повлияло на жизнь людей. Возникла необходимость адаптироваться к новой системе хозяйства. Люди массово оставляли свои дома и хозяйство в деревнях, чтобы поселиться в квартирах в городах, которые представляли собой сеть плотно застроенных, душных улиц, имели плохие санитарные условия, поскольку отходы никаким образом не утилизировались, а воздух загрязняли многочисленные фабрики, что приводило к вспышкам эпидемий. Но люди все равно пытались приспособиться к непривычным условиям городского быта, потому что стать наемным рабочим было лучшим способом обеспечить себя, чем оставаться в деревнях. Кроме того, ремесленники разорялись и тоже становились наемными рабочими. Иными словами, экономическая сфера претерпевала сильнейшие изменения.

Увеличились и масштабы событий – наполеоновские войны затронули всю европейскую часть мира. Кроме того, масштабы событий увеличились и в том плане, что информация о них стала быстро распространяться между людьми, оказывая влияние не только в локальном пространстве (в рамках одного города или страны), но и в более глобальном. Вероятно, этому послужило развитие транспортных сетей, в том числе возникновение возможности довольно комфортно перемещаться между разными странами по железной дороге, а вместе с этим и увеличение мобильности людей, и также, конечно же, развитие массового книгопечатания. Здесь же вспоминаются рассуждения В. Гюго в «Соборе Парижской Богоматери» о том, что печатная книга дала возможность человеческой мысли увековечить себя не только на более длительный и устойчивый срок, чем давало зодчество, бывшее главенствующим в Средние века, но и стала более простым, легким способом передачи мысли. С распространением книгопечатания знание разлетелось по всему миру, стало общедоступным [Гюго, 1999]. В любом случае, теперь о том, что произошло в другой стране всего лишь неделю назад, человек мог прочитать в газете. Французская революция 1789–1799 гг. повлияла на возникновение декабристского движения в России, вдохновила людей на осознание необходимости перемен и смену старых порядков.

С другой стороны, масштаб событий, наверное, нельзя напрямую связывать с уровнем неопределенности в обществе, если мы говорим об этом в историческом ключе. Я имею в виду, что нельзя сказать, что наполеоновские войны в меньшей степени создали состояние неопределенности, чем Вторая мировая война, поскольку в первых было значительно меньше участников. Стоит учитывать изменение масштабов мира как такового. Что для нас сейчас кажется мелким территориальным конфликтом, для людей прошлого могло казаться глобальным; мы не можем сравнивать чисто статистические данные и на их основании говорить, что в современности все гораздо сложнее и не-

определеннее. Предполагаю, что в большей степени на неопределенность влияет количество и темп перемен, причем им не обязательно всем быть глобальными, ведь все-таки человеку чаще важнее то, что происходит в конкретно его жизни.

Можно говорить и о начале кризиса религиозности. Появляется философия нигилизма, которая ставит под сомнение общепринятые ценности, идеалы, нормы нравственности, культуры. Конечно же, здесь стоит вспомнить Ф. Ницше, который говорит о том, что христианство разрушило само себя, что Бог мертв, тем самым отражая утрату веры в абсолютные законы морали, искусственность природы нравственности и предлагая переоценку ценностей [Ницше, 1999]. Но ведь с упадком одной веры возникает другая вера, поскольку вера служит способом справляться с онтологической неопределенностью. Интересно, как это тонко подмечает Ф. М. Достоевский в романе «Идиот»: «Легко сделаться атеистом русскому человеку, легче, чем всем остальным во всем мире! И русские не просто становятся атеистами, а непременно уверуют в атеизм, как в новую веру, никак того не замечая, что уверовали в нуль». Здесь он, по сути, говорит, что не верить невозможно, человек готов уверовать даже в ничто [Достоевский, 2006].

Ближе к середине и концу XIX в. мы лучше видим, как все эти перемены влияют на человека. Изобразительное искусство начинает отходить от классицизма, его строгих рамок и правил, традиционных вкусов, и вот уже возникает Салон отверженных, на котором выставляются картины, отвергнутые жюри Парижского Салона. Там выставлялся Э. Мане, чьи картины «Завтрак на траве» и «Олимпия» вызвали сильное неприятие со стороны критиков. В дальнейшем он сблизился с группой молодых художников, П. Сезанном, К. Моне, Э. Дега, которые впоследствии назовутся импрессионистами. Импрессионисты отказываются от точности и натуроподобия, они экспериментируют со светом и цветом, отражая субъективность восприятия мира, размытие границ, подвижность и изменчивость мира, поэтому их картины во многом можно назвать воплощением неопределенности. На них нет ничего точного – только движение. Вспоминается серия работ К. Моне «Парламент», показывающая, насколько по-разному выглядит одно и то же здание в разное время, «Голубые танцовщицы» Э. Дега, отражающие мимолетные движения человека в танце. Начав с импрессионизма, искусство пойдет по пути все большего отказа от определенности реальности [Гомбрих, 2018].

Реакцией на неопределенность в мире в Новое время также стало развитие социологии, антропологии, оформление психологии как науки: происходил поиск ответов на вопросы о том, как функционирует современное общество, как устроены примитивные общества, что находится «внутри человека», как человек ведет себя, попадая в общество. В период перемен все больше внимания начинает уделяться самому человеку, его личности. Вместе с научными, техническими и экономическими переменами приходят времена рефлексии о человеке и его бытии.

Наступил XX век, а перемены так и продолжали набирать скорость и силу. С одной стороны, в мире еще царила викторианская культура, для которой были характерны религиозность, пуританство, осуждение телесности и сексуальности, морализаторство, вытеснение инакомыслия. С другой стороны, ставилась проблема самовыражения человека, формировался интерес европейцев к чему-то «новому»: восточной философии, мифологии, оккультным учениям.

Известно, что «во времена социальных катаклизмов, смут и неопределенности резко вырастают обороты индустрии гадалок, астрологов, эзотериков и прочих торговцев определенностью, однозначностью и знанием будущего» [Леонтьев, 2015]. К примеру, сейчас крайне популярной становится астрология и составление натальных карт, а также гадание на картах таро, – мистика, способная создать хоть какую-то иллюзию определенности в жизни. Натальная карта человека, по сути, предполагает, что он обладает каким-то конкретным набором характеристик и личностных особенностей, его жизнь детерминирована кармическим предназначением и, если следовать ему, то жизнь будет развиваться в благоприятном направлении. Но подъем интереса к сверхъестественному и мистике, медиумам и ясновидящим наблюдался и на рубеже XX в.. Возникают теософские кружки, вдохновленные идеями Е. Блаватской, люди посещают спиритические сеансы. Влияние оккультизма весьма сильно на литературу Серебряного века, например, можно привести строки из поэмы М. Кузмина «Форель разбивает лед»:

«Я был на спиритическом сеансе,
Хоть не люблю спиритов, и казался
Мне жалким медиум – забытый чех.
В широкое окно лился свободно
Голубоватый леденящий свет» [Кузмин, 2025].

На мой взгляд, лучшим показателем высокого уровня неопределенности является появление огромного числа разных направлений и течений в искусстве, философии, психологии. Что-то же было такое, что заставляло людей искать ответы и не давало возможности сойтись на чем-то одном. З. Фрейд выдвигает концепцию, в соответствии с которой психика человека состоит из сознания, предсознательного и бессознательного. Неизвестность и неопределенность оказываются не только во вне, но и внутри самого человека. Существует какая-то часть личности человека, о которой он не имеет ни малейшего представления и с которой ему приходится мириться; кроме того, согласно психоанализу, человеком отчасти управляют какие-то не до конца известные процессы; отдельное место занимают сновидения, полные неопределенных символов [Фрейд, 2017]. Последние идеи значительно повлияли на искусство сюрреалистов, полное загадочности, недосказанности, их полотна во многом похожи на странные сновидения. С. Дали переносит образы из собственного бессознательного в свои картины, в результате чего те становятся полны сим-

волами, трактовка которых возможна с позиции психоанализа [Гомбрих, 2018]. Но ведь одновременно существует и бихевиоризм, отбросивший как ненужное все то, что невозможно наблюдать с помощью объективных методов, в том числе эмоциональную и мыслительную сферы человека. Бихевиоризм изучает реакции организмов на стимулы в среде и влияние подкрепления и наказания на поведение организма. В этом он является очень определенным, точнее можно сказать, что он убирает из поля своего зрения все неопределенное, в то время как психоанализ, наоборот, подчеркивает неопределенность психической жизни человека. Таким образом, для нас противостояние бихевиоризма и психоанализа в первой половине XX в. представляется как борьба двух стратегий взаимодействия с неопределенностью: отрицанием и принятием.

Из искусства XX в., наконец, исчезает явный смысл. Супрематизм провозглашает превосходство цвета над другими свойствами живописи, К. Малевич пишет о «Черном квадрате»: «Я преобразился в нуль форм, и вышел за нуль к беспредметному творчеству» [Малевич, 2018]. Абстракционизм не отражает реальность, не имеет смыслового содержания – он состоит из цветовых пятен и фигур, изображенных на холсте, он в высшей степени неопределенный, провоцирует людей на попытки самостоятельно вложить в изображенное хоть какой-то смысл, а потом отрицает и его.

Развивается философия экзистенциализма, которая предполагает, что бытие человека связано с чувством страха, неустойчивостью, а сам человек пребывает в пространстве неопределенности. Вместе с этим он имеет возможность выбирать, т. е. обладает свободой и несет за нее ответственность. Человек рассматривается как строящий себя «проект», активное действующее лицо, «устремленное к будущему и сознающее, что проецирует себя в будущее» [Сартр, 2025]. Нет никакого объективного смысла жизни и уж тем более судьбы, человек волен сам создавать или находить личный субъективный смысл. Иными словами, не существует никаких законов мироздания, неизвестных человеку, но управляющих его жизнью, сюжет его жизни не прописан заранее, не предопределен и не определен. Активность субъекта во взаимодействии с неопределенностью подчеркивается и в работах писателей-модернистов, например, мне вспомнились слова из романа Г. Гессе «Демиян»: «Я – это бросок в неизвестность, может быть, в новое, может быть, в никуда, и сделать этот бросок действенным, почувствовать в себе его волю и полностью претворить ее в собственную – только в этом мое призвание» [Гессе, 2012]. В философии экзистенциализма и экзистенциальной психологии неопределенность – неотъемлемая черта жизни и не всегда приносит только вред.

Действительно, люди обречены на свободу, но живут в плохо структурированном, непостоянном и неопределенном мире, поэтому нет никакой надежной основы, поддерживающей существование. Это порождает тревогу и страх. В этом заключается экзистенциальный конфликт: конфликт между столкновением людей со свободой и отсутствием опоры и их стремлением к обретению основы и структуры, который и приводит к упрощению взглядов

на жизнь некоторых людей, их стремлению следовать идеологиям или мнениям авторитетов [Нельсон-Джоунс, 2000]. В экзистенциальной психологии тревога считается очень важным чувством: она является инструментом взаимодействия с будущим, показывая, что перед человеком есть что-то, что он не может предвидеть. Переживание тревоги в ответ на непредсказуемость будущего является естественным человеческим проявлением, поскольку эта непредсказуемость является объективной угрозой. Это нормальная тревога – можно идентифицировать факторы, которые обуславливают ее возникновение, стараться противостоять им, а также нормальную тревогу возможно использовать творчески. Тревога – воплощение жизненного потенциала, путь к изучению смысла жизни, показатель свободы, движущая сила [Леонтьев, 2015; Мэй, 2001; Нельсон-Джоунс, 2000]. Иными словами, благодаря неопределенности люди могут быть креативными, обнаруживать новые возможности, заниматься творчеством и развиваться. Д. А. Леонтьев пишет: «Суть экзистенциального мировоззрения состоит в отношении к жизни как к тотальной неопределенности, единственным источником внесения в которую определенности выступает сам субъект, при условии, что он не считает свою картину мира априори истинной и вступает в диалог с миром и другими людьми для верификации этой картины» [Леонтьев, 2015].

Кратко опишу ситуацию неопределенности в современном, постмодернистском, обществе. С политической стороны мы видим нарастающее число военных конфликтов по всему миру, террористическую угрозу. Ядерная угроза становится все более и более актуальной, страны наращивают свой ядерный потенциал, создают новое оружие, постоянно угрожают своим противникам. Получается, что люди, которые следят за новостями, осознают, что весь мир может оказаться уничтоженным меньше, чем за несколько дней. Будущее не просто неизвестно – будущее может не существовать. Военные действия являются одной из причин высокой мобильности населения, и если во времена индустриализации люди переселялись из деревень в разрастающиеся города, то сейчас люди переселяются из одной страны в другую по разнообразным причинам: бегство от военных действий, поиск работы, улучшение жилищных условий, повышение уровня жизни [Короленко, 2009]. Если говорить об экономике, то вследствие развития капитализма возникло общество потребления. Возникает особый вид «человека-потребителя», происходит идентификация «Я» человека с тем, что он покупает. Общество потребления переносит рыночные отношения в отношения между людьми, вследствие чего те начинают приобретать форму «купли-продажи» с задействованием «рекламы». мода постоянно изменяется, возникает понятие трендов: что-то новое вызывает всеобщий интерес, быстро набирает популярность, люди выстраиваются в очередь для того, чтобы купить какую-то «трендовую» вещь, которая через несколько дней оказывается ненужной и выбрасывается [Короленко, 2009]. В научной сфере отмечается крайне высокий темп развития технологий, искусственный интеллект и нейросети начинают заменять людей в некоторых

профессиях, причем невозможно достоверно прогнозировать, в каких именно видах деятельности нас в итоге заменят высокие технологии. Кроме того, создание искусственного интеллекта в очередной раз заставляет людей пересмотреть свое место в мире, что есть «быть настоящим человеком», «быть личностью», но прийти к хоть сколько-нибудь однозначному ответу не получается. Создание Интернета поднимает вопрос истинности любого знания, поскольку информацию теперь хоть и можно получить в любой момент, но большая часть источников никак не проверяется, а информацию может написать кто угодно.

Следующие характерные черты постмодернистского общества оказывают значительное влияние на возникновение неопределенности: релятивизм, двойственность истин, отсутствие объективно «правильного» и «неправильного», «добра» и «зла», плюрализм мнений, причем невозможно определить, какое из них является верным [Короленко, 2009]. Наконец, главенство индивидуализма, приводящего к отчуждению человека. С одной стороны, в парадигме индивидуализма воспевается образ человека способного, самостоятельного, готового к подвигам, и в погоне за индивидуальностью такой человек конкурирует с обществом или даже отторгает его. С другой стороны, можно говорить об отчуждении от индивида общества, которое не признает его, не соответствующего идеалам индивидуализма. От независимого человека индивидуализма предполагается, что он будет справляться со всеми своими проблемами, переживаниями и тревогой самостоятельно, уверенно идти навстречу туманному будущему, а в сочетании с отсутствием поддержки выдерживать состояние неопределенности становится очень сложно [Уилер, 2005].

Итак, неопределенность была характерна для человеческого общества и бытия всегда, начиная с древнейших времен и заканчивая современностью. На протяжении всего этого времени люди вырабатывали разные способы совладания с ней. Первым и самым главным является вера, которая актуальна и сейчас, причем неважно – вера религиозная, вера в мистику, вера в судьбу, вера в идеологию или вера в «ничто». Времена с большим господством религии представляются менее неопределенными (например, Средневековье), в то время как кризис религиозности конца XIX в. в высокой степени связан с состоянием неопределенности и поиском других объектов для веры.

Выше было сказано, что уничтожение сомнений является способом свести неопределенность к определенности. Таким образом с неопределенностью справлялись раньше, например, посредством веры, которая давала ответы на главные вопросы, а также предписывала правила поведения. Но без сомнений невозможно развитие, поэтому во времена борьбы с инакомыслием наблюдается интеллектуальный и культурный упадок. Не зря Средние века также зовутся темными, а страны с тоталитарным государственным строем отстают в развитии от более свободных стран. В современности мы можем видеть много людей, которые, однажды избрав определенные идеалы и ценности, сформировали ригидный взгляд на мир и навсегда стали его сторонниками. Их мир определен, им не надо думать, как поступать в той или иной

ситуации, потому что у них уже есть на все готовые ответы. Здесь мы видим то, что неопределенность обязательно включает в себе потенциал к развитию личности и к творчеству, и борьба с ней может приносить вред. Если бы человечество наверняка знало бы все про Космос, то оно бы не конструировало летательные аппараты, не посылало бы космические экспедиции к другим планетам. Если бы человек знал все о своем будущем, то он бы лег на кровать и ждал бы свершения судьбы. Фатализм и детерминизм, к слову, тоже являются одним из способов справиться с неопределенностью, однако к ним в большей степени обращались люди времен Античности. Тем не менее сейчас тоже достаточно людей, которые верят в предначертанную судьбу.

Все же «нынешняя» неопределенность отличается тем, что она вплетена в повседневную деятельность. Нестабильность воспринимается как безальтернативная норма: в политике, экономике, межличностных отношениях, дезориентируя действия, направленные на долгосрочный период [Бауман, 2005]. Чем ближе в своем эссе я подходила к современности, тем больше примеров приводила не из философских трактатов, а из реальной жизни – как мне кажется, если раньше неопределенность имела в большей степени форму гносеологическую и онтологическую, ее изучением занимались деятели науки, то сейчас она превратилась из возвышенной идеи, рассматривающей устройство бытия, его законы, существование судьбы, возможности постижения объективного знания, в простую реальность. Конечно, философия постмодернизма тоже невероятно важна в исследовании неопределенности, поскольку внесла вклад в утверждение полной относительности всех ценностных критериев и прошлых ценностных систем. Постструктурализм показал крах метанарративов и то, что для общества постмодерна характерны фрагментированные маленькие нарративы. З. Бауман же вообще отметил, что возникшие в связи с неопределенностью постмодерна конфликт между характером и опытом, феномен «раздробленного времени», отсутствие связи между прошлым и настоящим способны лишить людей способности придавать своему характеру форму некоего устойчивого нарратива [Бауман, 2005; Первушина, 2017]. Но гораздо важнее другое: неопределенность теперь играет ключевую роль в нашей повседневной жизни и быту в материальном мире. Все-таки человечество никогда не было так близко к уничтожению самого себя (я имею в виду ядерную угрозу и экологические проблемы), а значит, будущего может просто не быть.

В самом начале эссе я говорила о том, что передача знаний из поколения в поколение позволяет в некоторой степени побеждать неопределенность, поскольку дети узнают информацию, известную их родителям, без необходимости самостоятельно взаимодействовать с объектами – те уже являются для них знакомыми. Однако еще одна проблема современного мира заключается в том, что передаваемые знания гораздо чаще, чем раньше, стали оказываться неактуальными, они обесцениваются. В первую очередь, скорость технологического прогресса настолько высока, что новому поколению приходится са-

мостоятельно обучаться использованию каких-либо гаджетов. Но ведь дело не только в материальных благах человечества – очень быстро меняются главенствующие взгляды, идеи, ценности, трансформируется мораль, эволюционирует эстетика.

И все-таки разные теории и мнения конфликтовали и ранее. Начиная с философии Античности, были теории, провозглашавшие одно, и теории, стремившиеся это опровергнуть. Были материалисты и идеалисты, рационалисты и эмпиристы; в экономике коммунисты противостояли капиталистам. Каким значительным для Российской Империи было противостояние славянофилов и западников! Иными словами, определенной и однозначной истины не было практически никогда. Неужели сейчас релятивизм и двойственность истин достигли такого масштаба, что стоит признать их, главные причины неопределенности, характерными признаками именно постмодернистского общества? Я предполагаю, что, наверное, стоит. Как будто бы от простого плюрализма мнений мы дошли до уничтожения критериев, по которым можно хоть как-то определить истинность идей – все идеи оказались абсолютно равны. Отсюда и неопределенность – в принятии решений, в познании мира и самого себя. По этому критерию неопределенность действительно является основополагающей характеристикой именно постмодернистского общества.

Модификаторами значительности состояния неопределенности в тот или иной момент можно считать усложнение общества, которое напрямую по ходу всей истории влияет на рост неопределенности и роль индивида в обществе. Во времена, когда индивид был слит с природой, а также когда личность отходила на второй план перед божественным, вопрос неопределенности не стоял настолько остро. Кроме того, при коллективизме человек в большей степени ощущает определенность, в отличие от индивидуализма, который напрямую провоцирует рост состояния неопределенности и усложнение совладания с ней. Другим важным аспектом является то, что темп перемен, вероятно, в большей степени влияет на состояние неопределенности, чем их масштаб.

Таким образом, несмотря на то, что неопределенность существовала всегда, влияла на людей всегда, заставляя их создавать способы с ней справиться, в настоящий момент она достигла такого колоссального масштаба, до такой степени проникла в повседневную жизнь, что ее действительно стоит признать основополагающей характеристикой современного общества. Тем не менее рассмотрение неопределенности в исторической перспективе позволяет нам утверждать, что она также является и очень важной чертой самого бытия человека.

Список литературы

Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.

Выготский Л. С. История развития высших психических функций / соч. в 6 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 3. Проблемы развития психики.

- Гессе Г. Демиан. М.: Астрель: Полиграфиздат, 2012.
- Гомбрих Э. История искусства. М.: Искусство – XXI век, 2018.
- Гомер. Илиада. М.: Гослитиздат, 1960.
- Гюго В. Собор Парижской Богоматери. М.: Эксмо-Пресс, 1999.
- Достоевский Ф. М. Идиот. М.: Эксмо, 2006.
- Корнилова Т. В. Принцип неопределенности в психологии: основания и проблемы // Психологические исследования. 2010. № 3(11).
- Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Номо Postmodernus. Психологические и психические нарушения в постмодернистском мире. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2009.
- Кузмин, М. А. Форель разбивает лед. М.: Юрайт, 2025.
- Леонтьев Д. А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40.
- Малевич К. С. Черный квадрат. М.: АСТ, 2018.
- Мэй Р. Смысл тревоги. М.: Класс, 2001.
- Нельсон-Джоунс Р. Теория и практика консультирования. СПб.: Питер, 2000.
- Ницше Ф. Веселая наука. М.: Эксмо-Пресс, 1999.
- Первушина О. Н. Психология личности: учеб. пособие. Новосибирск, 2017. 187 с.
- Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1998.
- Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм. М.: АСТ, 2025.
- Соколова О. И. Понятие неопределенности в неклассической науке и философии: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Соколова Олеся Игоревна. – Н. Новгород, 2021. 161 с.
- Уилер Г. Гештальт-терапия постмодерна: за пределами индивидуализма. М.: Смысл: ЧеРо, 2005.
- Фрейд З. Введение в психоанализ. СПб: Азбука, 2017.
- Butterworth, G. Origins of Self-Perception in Infancy // Psychological Inquiry. 1992. Vol. 3(2). P. 103–111.

References

- Bauman, Z. (2005). *Individualizirovannoe obshchestvo* [The Individualized Society]. Moscow: Logos. (in Russ.)
- Iygotskij, L. S. (1983). *Istorija razvitija vysshih psihicheskikh funkcij* [The History of the Development of Higher Mental Functions]: Coll. in 6 vols. Vol. 3. *Problemy razvitija psikhiki* [Problems of Mental Development]. Moscow: Pedagogika. (in Russ.)
- Gesse, G. (2012). *Demian* [Demian]. Moscow: Astrel': Poligrafizdat. (in Russ.)
- Gombrih, Je. (2018). *Istorija iskusstva* [The History of Art]. M.: Iskusstvo – XXI vek. (in Russ.)
- Gomer. (1960). *Iliada* [The Iliad]. Moscow: Goslitizdat. (in Russ.)

- Gjugo, V. (1999). *Sobor Parizhskoj Bogomateri* [The Hunchback of Notre Dame]. Moscow: Jeksmo-Press. (in Russ.)
- Dostoevskij, F. M. (2006). *Idiot* [The Idiot]. Moscow: Jeksmo. (in Russ.)
- Kornilova, T. V. (2010). Princip neopredelennosti v psihologii: osnovanija i problemy [The uncertainty principle in psychology: foundations and problems]. *Psihologicheskie issledovanija*, 3(11). (in Russ.)
- Korolenko, C. P., Dmitrieva, N. V. (2009). *Homo Postmodernus. Psihologicheskie i psihicheskie narusenija v postmodernistskom mire* [Homo Postmodernus. Psychological and Mental Disorders in the Postmodern World]. Novosibirsk: Izd. NGPU. (in Russ.)
- Kuzmin, M. A. (2025). *Forel' razbivaet led* [Trout Breaks the Ice]. Moscow: Izdatel'stvo Jurait. (in Russ.)
- Leont'ev, D. A. (2015). Vyzov neopredelennosti kak central'naja problema psihologii lichnosti [The challenge of uncertainty as a central problem of personality psychology]. *Psihologicheskie issledovanija*, 8(40). (in Russ.)
- Malevich, K. S. (2018). *Chernyj kvadrat* [Black Square]. Moscow: Izdatel'stvo AST. (in Russ.)
- May, R. (2001). *Smysl trevogi* [The Meaning of Anxiety]. Moscow: Klass. (in Russ.)
- Nel'son-Dzhouns, R. (2000). *Teorija i praktika konsul'tirovanija* [Theory and Practice of Counseling]. St. Petersburg: Izdatel'stvo "Piter". (in Russ.)
- Nietzsche, F. (1999). *Veselaja nauka* [The Gay Science]. Moscow: JEKSMO-Press. (in Russ.)
- Pervushina, O. N. (2017). *Psikhologija lichnosti: ucheb. posobie* [Personality Psychology: Textbook]. Novosibirsk. (in Russ.)
- Platon. (1998). *Dialogi* [Dialogues]. Moscow: Mysl'. (in Russ.)
- Sartr, Zh-P. (2025). *Jekzistencializm – jeto gumanizm* [Existentialism is a Humanism]. Moscow: AST. (in Russ.)
- Sokolova, O. I. (2021). *Ponjatie neopredelennosti v neklassicheskoj nauke i filosofii: dis. ... kand. filos. nauk : 09.00.01* [The Concept of Uncertainty in Non-Classical Science and Philosophy: PhD (Philosophy) Thesis: 09.00.01]. N. Novgorod. (in Russ.)
- Uiler G. (2005). *Geshtal'terapija postmoderna : za predelami individualizma*. Moscow: Smysl : CheRo.
- Frejd, Z. (2017). *Vvedenie v psikhoanaliz* [Introductory Lectures on Psychoanalysis]. St. Petersburg: Azbuka. (in Russ.)
- Butterworth, G. (1992). Origins of Self-Perception in Infancy. *Psychological Inquiry*. Vol. 3(2). P. 103–111.

Сведения об авторе

Печерина Любовь Владимировна, бакалавр психологии факультета медицины и психологии В. Зельмана Новосибирского государственного университета

Information about the Author

Liubov V. Pecherina, a Bachelor of Psychology, V. Zelman Department of Medicine and Psychology, Novosibirsk State University

Материал поступил в редколлегию 11.06.2025

The article was submitted 11.06.2025

Информация для авторов

Авторы представляют статьи на русском языке объемом до 1 авторского листа (40 тыс. знаков, шрифт 14, межстрочный интервал 1,5), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков).

Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

Порядок оформления рукописи:

УДК 159.9.01

Современные проблемы психологии искусства

Иван Иванович Иванов

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
ivan@g.nsu.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация на русском языке (150–250 слов)

Ключевые слова на русском языке

Источник финансирования (если имеется)

Название статьи на английском языке

ФИО автора (авторов) на английском языке

Место работы на английском языке (по форме русскоязычного варианта)

Abstract: Аннотация на английском языке

Keywords: Ключевые слова на английском языке

Funding: источник финансирования на английском языке (если имеется)

Основной текст статьи

Список литературы

References: Список литературы на английском языке

Материал поступил в редколлегию

The article was submitted

01.03.2010

Сведения об авторе (без сокращений, на русском и английском языках):
ФИО, ученая степень, ученое звание, должность, место работы, город, страна, e-mail, ORCID, Scopus Author ID, Author ID RSCI и другие коды автора.

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания работы, при необходимости номер страницы, например: [Иванов, 1999. С. 129]. В случае совпадения года издания ему присваивается буквенное обозначение, например: [Иванов, 1999а; Иванов, 1999б]. В конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). Общее количество страниц для монографии является факультативным элементом и может не включаться в библиографическое описание. Авторские примечания оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы). Библиографические описания на разных языках группируют в два алфавитных ряда: вначале на русском языке или языках с кириллической графикой, затем на иностранных языках.

Образцы составления библиографического описания

1. *Смит Н. В.* Современные системы психологии. СПб.: прайм-ЕВ-РОЗНАК, 2003.
2. *Стиль человека: психологический анализ* / Под ред. А. В. Либины. М.: Смысл, 1998. 310 с.
3. *Ожиганова Г. В.* История психологии: концептуальные подходы и методы исследования // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 3. С. 5–16.
4. *Hearnshaw L. S.* A short history of British psychology, 1840–1940. New York: Barnes & Noble, 1964.
5. *Wardell D. M., Royce J. R.* Toward a multi-factor theory of styles and their relationship to cognition and affect // Journal of Personality. 1978. Vol. 46 (3). P. 474–505.

Иллюстрации (рисунки, черно-белые и цветные фотографии) следует предоставлять в оригинале. Размер изображения не должен превышать 190 × 270 мм. Рекомендуемый размер черно-белых фотографий 100 × 150 мм.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что к электронным версиям рисунков (только в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr) следует приложить их распечатки высокого качества на белой бумаге. Просим Вас **не изменять исходный электронный формат** создаваемого Вами графического объекта. Рисунки, графики и диаграммы должны быть только черно-белыми, без цветных элементов и мелких (сплошных) заливок. На обороте каждой иллюстрации необходимо написать фамилию автора, усеченное название статьи, номер иллюстрации.

Допускается создание таблиц и диаграмм в MS Word и MS Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 × 270 мм.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста при редакторской правке, должны сниматься авторами в ходе электронной переписки в строго определенные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи.

Требования к содержанию публикуемых материалов

В журнале «Reflexio» публикуются материалы, соответствующие основным рубрикам журнала:

- методология, теория и история психологии;
- психологические исследования;
- психологический инструментарий;
- психология и Время;
- иностранная психология;
- психология глазами философа.

Публикуются также материалы, содержащие критический обзор ранее не известной или малоизвестной российскому читателю научной психологической литературы.

Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором в переводе на русский язык.

Недопустимо представление в редакцию ранее опубликованных статей, а также рукописей, скомпилированных из цитат и пересказов ранее опубликованных научных работ.

Редакция оставляет за собой право редактирования, сокращения (по согласованию с автором) и адаптации публикуемых материалов к рубрикам журнала.

Все статьи проходят **обязательное рецензирование**, о результатах рецензирования авторы извещаются по указанному адресу электронной почты.

Требования к англоязычному разделу статьи

Аннотация на английском языке не должна быть переводом-калькой с русскоязычной аннотации. В ней должно быть в краткой форме представлено содержание работы, включая следующие пункты:

- цель работы в сжатой форме;
- основные факты, содержащиеся в тексте (при этом важно придерживаться порядка изложения самой статьи);
- текст должен быть связным;
- в аннотации можно выделять структуры пунктами «Purpose», «Design / methodology / approach», «Findings», «Research limitations / implications», «Originality / value».
- объем аннотации на английском языке должен быть порядка 150 слов.

Правила оформления англоязычного списка литературы (References)

Порядок элементов в библиографической ссылке:

– для книг:

Author A. A. (year). Nazvanie [Title of work]. Location: Publisher (in Russ.)

Название книги в транслитерации должно быть выделено курсивом.

– для главы из книги:

Author A. A., & Author B. B. (year). Nazvanie [Title of chapter or entry]. In A. Editor, B. Editor, & C. Editor (Eds.), Nazvanie [Title of book] (pp. xxx-xxx). Location: Publisher (in Russ.)

Название книги в транслитерации должно быть выделено курсивом.

– для статей:

Author A. A., Author B. B., & Author C. C. (Year). Nazvanie [Title of article]. Title of Journal, 10(2), 49–53 (in Russ.)

Курсивом выделяются название журнала и номер тома.

Указание языка публикации (in Russ.) приводится только для русскоязычных источников. Для англоязычных источников указание языка (in Eng.) не требуется.

Название статьи, книги, главы дается в транслитерации и переводится на английский язык. Название журнала или сборника статей дается в транслитерации (но не переводится).

Город издания переводится, издательство дается в транслитерации.

Пример:

Badiev I. V. (2013). Gendernye i vozrastnye osobennosti emotsional'no-volevykh svoystv podrostkov [Gender and aged-specific peculiarities of emotional and volitional characteristics of adolescents]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psihologiya*, 7(1), 70-81 (in Russ.).

Для транслитерации названий рекомендуем использовать сайт <http://translit.ru/> (вариант транслитерации Библиотеки Конгресса (LC)).

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (ауд. 3110, главный учебный корпус НГУ) или переслать по электронной почте или традиционной почтой.

Адрес редакционной коллегии журнала Reflexio: Новосибирский государственный университет, Институт медицины и психологии, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 40 26

E-mail: reflexio@nsu.ru

Журнал распространяется по подписке, подписной индекс 81563 в каталоге ОАО «Роспечать».

Сроки выхода журнала в свет с 2008 года – июнь, декабрь.